17.149.3.24.

В. Войтинскій

ВЪ ТАЙГѢ

ПО СИБИРИ

Издательство „КНИГА“.

ПЕТРОГРАДЪ. Стремянная ул. д. 11, тел. 648-62. || МОСКВА. Б. Садов., д. Пигитъ, тел. 5-60-22.

ваетъ тунгусовъ несущій имъ блага культуры капиталъ, и грустно становится за нихъ и какъ-то обидно за культуру.

— Хорошій, честный народъ!—восхищаются купцы, закабалившіе дѣтей тайги, спаивающіе и обирающіе ихъ.

А охотникъ, добродушно улыбаясь во все лицо, повторяетъ:

— Хорошій купецъ! Не обидитъ!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ тайгѣ 7
На Ленѣ 117
За золотомъ 127
На мерзлой землѣ 138
Жители 163
Купецъ 171

Дозволено Военной Цензурой. Петроградъ, 8 ноября 1916 г.

Типографія П. Ѳ. Вощинской. Ярославская, 1—9.

ВЪ ТАЙГѢ

Въ тайгѣ

I.

Урочище Нельканъ расположено на правомъ берегу быстрой, извилистой Маи, недалеко отъ Охотскаго моря. На географическихъ картахъ вы увидите кружокъ съ надписью „Нельканъ“ около того мѣста, гдѣ Мая поворачиваетъ на западъ отъ горъ Станового хребта и, послѣ ряда новыхъ поворотовъ, образовавъ множество петель и излучинъ, устремляется на сѣверъ, къ Алдану, бѣгущему въ Лену.

Побывавъ въ Нельканѣ, я не могу понять, какъ до сихъ поръ не забыли наши картографы этого крошечнаго поселка.

Десятокъ бревенчатыхъ домиковъ, почернѣвшая отъ времени часовня съ крестомъ на остроконечной тесовой крышѣ, пара тунгусскихъ „урасъ“, два амбара,—вотъ и весь поселокъ. Кругомъ—ни луговъ, ни пашенъ. Кончается расчищенная полоска земли съ жилыми строеніями и съ лѣпящимися около нихъ огородами, и начинается тайга. Сплошной стѣной стоятъ темныя пихты и ели, убѣгаютъ вдаль, — туда, гдѣ теряется серебристая, сверкающая на солнцѣ рѣка, взбираются вверхъ по склонамъ холмовъ.

Кругомъ, на сотни и тысячи верстъ—глухая тайга. И только здѣсь, на берегу Маи, люди расчистили простран-

ство въ версту или двѣ длиною и въ 100—200 саженъ шириною и поставили свои домики.

Нельканъ—не городъ и не село. А меньше всего похожъ онъ на „урочище“ бродячихъ инородцевъ. Скорѣе всего, это торговая „факторія“.

Живутъ здѣсь купцы, поддерживающіе сношенія Якутской области съ Охотскимъ побережьемъ.

Въ 200 вер. отъ Нелькана расположенъ на Охотскомъ морѣ поселокъ Аянъ съ прекрасною гаванью. Лѣтомъ сюда заходятъ суда съ чаемъ изъ Китая.

Нельканскіе жители промышляютъ доставкой чая изъ Аяна на Маю и отправкой его дальше на Лену.

Путь отъ моря до Нелькана не дальній. Но дорога лежитъ черезъ безлюдную тайгу, черезъ горныя рѣки и болота, черезъ дикій, труднопроходимый Джугджуръ. Собственно, и дороги здѣсь нѣтъ никакой. Лишь на части пути пробита просѣка, положены на болотистыхъ мѣстахъ жерди и бревна. А на всемъ остальномъ пути вьется между гольцами и болотами узкая тропа, по которой въ зимнее время тянутся гуськомъ навьюченные или впряженные въ легкія „нарты“ олени.

Чай доставляютъ съ моря на Маю бродячіе тунгусы—оленеводы, живущіе на верховьяхъ Маи и по Охотскому побережью. Нельканскіе купцы-подрядчики нанимаютъ этихъ тунгусовъ, расплачиваясь съ ними товарами: мануфактурой, масломъ, сахаромъ, охотничьими припасами. Тѣ же купцы забираютъ у инородцевъ ихъ охотничью добычу—бѣлку, лосиныя и медвѣжьи шкуры, а если попадется лисица или болѣе цѣнный звѣрь, такъ и ихъ.

Но нельканскіе купцы ведутъ дѣла не столько отъ себя,

сколько отъ крупныхъ ленскихъ фирмъ—Громовой, Кушнарева и др... Такимъ образомъ, Нельканъ не является самостоятельнымъ торговымъ центромъ, а, скорѣе, посреднической конторой, передовой «факторіей» якутскихъ капиталистовъ.

Изъ Нелькана чай и шкуры отправляются на Лену отчасти самосплавомъ на паузкахъ по Маѣ и Алдану, отчасти на пароходахъ.

Пароходъ на Маю ходитъ два—три раза въ годъ.

Мы съ Михаиломъ пріѣхали въ Нельканъ съ первымъ весеннимъ рейсомъ. Въ Нельканѣ дѣлъ у насъ не было. Просто, хотѣлось познакомиться съ краемъ.

Въ первый же день мы осмотрѣли поселокъ, побывали у мѣстныхъ купцовъ, посѣтили школу, часовню, кладбище съ могилою извѣстнаго просвѣтителя тунгусовъ о. Василія Мальцева, постояли на берегу, глядя, какъ грузятъ чай въ лодки.

Затѣмъ приступили къ сборамъ въ дальнѣйшій путь. Начали разспрашивать о дорогѣ въ Аянъ.

Выяснилось, что лѣтомъ сообщеніе съ морскимъ берегомъ не поддерживается, что обозы между Аяномъ и Нельканомъ ходятъ только зимою.

Быть въ 200 вер. отъ Великаго Океана и вернуться, не дойдя до него,—это невозможно! Мы рѣшили подыскать проводника и съ нимъ перерѣзать тайгу, перейти Джугджуръ и добраться до Аяна. Но всѣ мѣстные тунгусы были заняты на погрузкѣ чая; а затѣмъ черезъ недѣлю предстояла косовица; никто не соглашался идти съ нами черезъ тайгу. Отказываясь сопровождать насъ, тунгусы увѣряли, что дорога ясно видна, что сбиться съ нея невозможно и что никакихъ проводниковъ, чтобы дойти до Аяна, не требуется. Мѣстные русскіе жители придерживались на этотъ счетъ

иного взгляда и не совѣтовали намъ идти безъ проводника. Но отказаться отъ путешествія намъ не хотѣлось, и мы остановились на мысли идти въ Аянъ вдвоемъ, взявъ лошадь для клади.

Нельканцы, принимавшіе живое участіе въ нашихъ сборахъ, подробно разсказали намъ, на какой верстѣ какой ручей намъ придется переходить, гдѣ будетъ подъемъ въ гору, гдѣ спускъ, гдѣ болото. Я записалъ всѣ полученныя указанія и по нимъ дополнилъ и выправилъ бывшую у меня карту Нелькано-Аянскаго тракта и Джугджурскихъ перевалов, составленную въ 1895 году Стефановичемъ.

Тунгусы увѣряли, что дойти до Аяна можно въ 5 дней. Русскіе разсчитывали на 8 дней. Изъ предосторожности мы взяли съ собой провизіи на 10 дней. Было у насъ съ собой и ружье—двухстволка съ разрывными пулями на медвѣдя и съ дробью на мелкую дичь. Брезентъ и оленья шкура для палатки, запасъ теплыхъ вещей и медикаментовъ, чайникъ, котелокъ, револьверъ, финскій ножъ и топоръ довершали наше дорожное снаряженіе.

Выйти изъ Нелькана мы хотѣли на разсвѣтѣ. Но сборы задержали насъ. И солнце стояло высоко, когда мы спустились къ рѣкѣ съ увязаннымъ въ два тюка багажемъ.

Лошадь, купленная наканунѣ Михаиломъ, ждала насъ на лѣвомъ берегу Маи. Тунгусъ Иннокентій давно привелъ ее къ берегу, привязалъ къ дереву и все кричалъ намъ черезъ рѣку, чтобы мы поторапливались. Мы не понимали его сердитыхъ словъ, но молодой парень—якутъ, помогавшій намъ увязывать вещи, услужливо переводилъ:

— Ругается, чорта поминаетъ. Говоритъ, лошадь продавалъ, не въ пастухи нанимался.

— Скажите ему, что мы сейчасъ.

Парень подходилъ къ рѣкѣ, кричалъ что-то Иннокентію по-якутски и, возвратясь, передавалъ отвѣтъ:

— Ругается.

Когда мы спустились къ рѣкѣ, Иннокентій успокоился и привѣтливо раскланялся съ нами.

Черезъ рѣку переправлялъ насъ старикъ съ короткими и рѣдкими сѣдыми волосами, торчавшими, какъ щетина, на его коричневой головѣ. Лицо у него было бронзовое, глянцевитое, будто густо смазанное масломъ, глаза маленькіе, прищуренные, ласково улыбающіеся на весь Божій міръ.

Старикъ бережно спустилъ свою легонькую берестянку—«вѣтку» по мѣстному,—сѣлъ на дно ея и, отогнавъ ее немного отъ берега, чтобы она не опустилась на острые камни при нагрузкѣ, протянулъ руку за нашими тюками. Уложивъ тюки на носу, старикъ приказалъ намъ обоимъ:

— Садись!

— А выдержитъ лодка троихъ?

Старикъ повторилъ:

— Садись!

И онъ началъ быстро говорить что-то по-тунгусски. По тому, какъ онъ указывалъ пальцемъ на наши ноги и на лодочку, мы догадались, что старикъ предупреждаетъ насъ ступать осторожнѣе, чтобы не поцарапать бересту, изъ которой сшита хрупкая «вѣтка». Мы сѣли въ лодочку такъ легко, какъ только могли, но старикъ все же поморщился. Лодочка погрузилась, борты ея пришлись на вершокъ надъ водой. При быстромъ теченіи, переправа на такомъ суденышкѣ казалась небезопасной.

Но старикъ увѣренными ударами двойного весла гналъ

„вѣтку“ поперекъ теченію. Онъ зналъ рѣку и на глубинѣ не боялся ея. Признаки тревоги началъ онъ обнаруживать лишь тогда, когда мы подъѣхали къ берегу. Насупивъ сѣдыя брови, онъ всматривался въ воду, отыскивая мѣсто безъ острыхъ камешковъ на днѣ.

Иннокентій помогалъ ему, давалъ совѣты, махалъ рукой. Наконецъ, установивъ берестянку шагахъ въ 5 отъ берега, старикъ предложилъ намъ вылѣзать. Дѣлать нечего,— разъ здѣсь такъ принято! Вылѣзли изъ лодки прямо въ воду, вытащили съ собой и тюки. Перевозчикъ, получивъ мелочь за трудъ, повернулъ „вѣтку“, взмахнулъ весломъ разъ — другой и ужъ скользилъ по рѣкѣ обратно въ Нельканъ.

Иннокентій передалъ намъ лошадь, сказалъ, улыбаясь, какую-то длинную фразу—кажется, пожелалъ намъ добраго пути—и пошелъ по берегу къ своей уединенной „урасѣ“.

Мы остались одни. Одѣли перчатки, опустили сѣтки, чтобы защититься отъ комаровъ, и занялись навьючиваніемъ лошади.

Лошадка была смирная, немолодая. Но мы не сразу уравновѣсили вьюки и провозились довольно долго.

Когда все было готово, Михаилъ взглянулъ на часы и покачалъ головой:

— Скоро двѣнадцать. Въ самую жарищу безъ отдыха идти придется. И то больше 20 верстъ до вечера не сдѣлаемъ.

— Ничего, пока силы есть, можно идти и въ жару!

Мы прошли мимо легкой изгороди вдоль покосовъ тунгуса Иннокентія, перешли черезъ небольшое кочковатое болотце и вступили въ тайгу.

II.

Дорога шла падью, по топкому мѣсту. И, какъ всегда надъ топкими мѣстами въ тайгѣ, воздухъ былъ наполненъ пронзительнымъ и тонкимъ комаринымъ пискомъ.

Комары тучами облѣпили насъ. Давить или отгонять ихъ, обмахиваться вѣткой или платкомъ было бы безполезно. Приходилось полагаться на кожаныя перчатки, тюлевую сѣтку и собственное терпѣніе.

Михаилъ шагалъ впереди, ведя лошадь. Я шелъ за нимъ съ ружьемъ на плечѣ.

Такъ обогнули мы по подошвѣ гору, оставшуюся по лѣвую руку отъ насъ. Въ просвѣты между деревьями видно было, что гора поднимается правильной конической сопкой и что вершина ея покрыта рѣдкимъ и крупнымъ соснякомъ. И снизу, съ дороги, казалось, что вверху, среди высокихъ и стройныхъ, какъ мачты, деревьевъ, должно быть хорошо и привольно. Оттуда и видъ долженъ быть чудесный — на Маю, на окрестныя горы. А здѣсь, внизу—сырость и комары...

Миновавъ гору, вышли на болото. Перешли черезъ него. Опять слѣва оказалась гора, а дорога вильнула вправо. Намъ предстояло и вторую гору обогнуть по подошвѣ.

Комары становились невыносимы. Подъ ногами хлюпала вода. Я старался понять, почему дорога проложена по топкому мѣсту, когда достаточно было подняться на какой нибудь десятокъ саженъ влѣво,—и можно было бы избавиться и отъ грязи, и отъ комаровъ. Наконецъ, вспомнилъ, что мы идемъ по зимней дорогѣ. Зимой, конечно, съ болотами не приходится считаться, а каждый подъемъ въ гору, на-

оборотъ, принимается во вниманіе. Вотъ и установился путь по долинѣ, въ обходъ встрѣчныхъ горъ и холмовъ.

Мы отошли отъ Маи верстъ на 12, когда справа послышалось журчанье воды. Въ это время мы шли опушкой лѣса,—налѣво поднималась лѣсистымъ скатомъ гора, направо тянулся болотный кустарникъ.

Посмотрѣли на часы,—было около трехъ. По картѣ выходило, что болото, пересѣченное нами между двумя горами, было 1-мъ Доннахомъ, а теперь мы подходили ко 2-му Доннаху. Черезъ него на 13-й верстѣ отъ Нелькана, долженъ быть полуразрушенный деревянный мостъ.

— Сдѣлаемъ здѣсь привалъ!

Развьючили лошадь, достали чайникъ, провизію, сухари. Пока Михаилъ разводилъ костеръ, я спустился къ ручью.

Ручей оказался не глубокій, но вода въ немъ была студеная и чистая, какъ хрусталь,—будто струи ея бѣжали по мраморному ложу, а не среди болотныхъ кочекъ. Наполнивъ чайникъ, освѣживъ себѣ лицо и руки, напившись прямо изъ ручья, я вернулся къ Михаилу.

Костеръ у него разгорѣлся. Комары отхлынули отъ дыма. Прекратился ихъ противный, пронзительно-тонкій пискъ.

Вода въ чайникѣ закипѣла. Мы засыпали кирпичнаго чаю и, лежа на мху у костра, ждали, чтобъ чай настоялся.

Вдали на дорогѣ показался человѣкъ. Увидѣвъ насъ, онъ ускорилъ шагъ, почти побѣжалъ, легко перепрыгивая съ кочки на кочку. Видно было, что онъ слѣшитъ именно къ намъ.

Михаилъ первый узналъ его:

— Никакъ Петръ?..

— Сумасшедшій тунгусъ изъ Аяна?

— Ну, да, онъ! Теперь ясно видно.

Съ Петромъ мы познакомились на пароходѣ. Тамъ узнали и его исторію.

Петръ Карамзинъ — небогатый тунгусъ съ Охотскаго побережья. Имѣетъ съ десятокъ оленей, промышляетъ возкой чая и охотой. Какъ всѣ тунгусы, склоненъ къ картамъ и водкѣ. Но водку пьетъ рѣдко—достать трудно, зато каждый разъ, какъ дорвется до нея, напивается звѣрски. А въ пьянамъ видѣ начинаетъ скандалить, лѣзетъ въ драку, иногда берется за ружье, хватается за топоръ. Въ Аянѣ къ его буйствамъ привыкли. И сосѣди, угощая Петра водкой, заранѣе готовятъ веревку, чтобы связать его, когда онъ напьется и задуритъ. На Рождествѣ онъ оказался въ Нельканѣ, гдѣ и запилъ по случаю праздниковъ. Дѣло кончилось обычнымъ буйствомъ. Урядникъ, присутствовавшій при попойкѣ и самъ хлѣбнувшій сверхъ мѣры, заявилъ:

— Разъ человѣкъ этотъ въ родѣ какъ бѣсноватый и съ нарушеніемъ общественнаго спокойствія, то его требуется представить по закону!

И Петра отправили въ Амгу.

Тамъ его освидѣтельствовалъ врачъ, нашелъ сифилисъ, трахому и еще нѣсколько болѣзней, но признаковъ умопомѣшательства не обнаружилъ. Поэтому Петру предложено было ѣхать домой.

Петръ отказался. Въ Аятѣ спиртъ бываетъ въ три мѣсяца разъ. А въ Амгѣ водка вольная,—отдай 50 коп. за полбутылки и пей, сколько хочешь. И тунгусъ остался въ Амгѣ. Тутъ онъ пропьянствовалъ до самой весны. Дрался съ амгинскими парнями; допился до бѣлой горячки; и только весной его отправили за казенный счетъ на пароходѣ въ Нельканъ.

На пароходѣ Петръ дурилъ всю дорогу,—задиралъ пассажировъ, заводилъ ссоры, пѣлъ пѣсни, плакалъ...

Его такъ и прозвали „Сумасшедшій тунгусъ“.

Опаснымъ человѣкомъ онъ не казался. Но хотя мы знали, что ему нужно идти въ Аянъ, все же, ища себѣ въ Нельканѣ спутника, къ нему мы не обращались. И появленіе его не доставило намъ большого удовольствія.

Но Михаилъ встрѣтилъ все же Петра привѣтливо:

— Капсэ, дагоръ! Капсэ! (Поговоримъ, пріятель! Поговоримъ),—окликнулъ онъ его, когда тунгусъ опустился на корточки у костра.

Петръ сразу сталъ разговорчивъ:

— Аянъ барда? Учугэй! (Аянъ идешь? Хорошо!)—повторилъ онъ: вмѣстѣ барда—учугэй! Биръ барда (одному идти) дрянь—дѣло! Юсь барда (втроемъ идти)—учугэй!

Онъ мѣшалъ тунгусскія (или якутскія) слова съ русскими. Выходило какъ-то особенно выразительно. Отрывочная рѣчь его страннымъ образомъ гармонировала съ окружающей обстановкой,—съ лѣсомъ, ручьемъ и болотной дорогой, съ костромъ и тучами комаровъ, отступившихъ на время, но явно готовящихъ новое на насъ нападеніе.

У Петра были слезящіеся глаза съ красными вѣками и безъ рѣсницъ. Его широкое, плоское лицо было блѣдно и изрыто морщинами. Въ другой обстановкѣ, на пароходѣ, наружность его казалась отталкивающей и непріятной. Но здѣсь, въ лѣсу, это не ощущалось.

— Чай есть? — спросилъ тунгусъ, поглядывая на чайникъ.

— Есть. Сейчасъ пить будемъ.

— Учугэй! Бурдукъ есть?

И поднося руку ко рту, онъ показалъ, что спрашиваетъ о сухаряхъ. Михаилъ протянулъ къ нему мѣшокъ съ сухарями.

— Есть, все есть! А у тебя, дагоръ, чашка гдѣ? Стаканъ взялъ съ собой? Какъ будешь чай пить?

— Цохъ! Чашка цохъ (чашки нѣтъ)!—протянулъ тунгусъ.

На нѣсколько секундъ онъ задумался, даже глаза закрылъ, соображая или припоминая что-то. Затѣмъ быстро поднялся и побѣжалъ по дорогѣ, по направленію къ мосту.

— Куда это онъ?—удивлялись мы съ Михаиломъ.

Принялись за чай. Въ чайникѣ плавали комары и кусочки коры. Но отъ этого чай казался еще ароматнѣе и вкуснѣе.

Услышали шлепанье шаговъ по дорогѣ,—бѣгомъ возвращался къ намъ Петръ съ жестянкой изъ подъ консервовъ въ рукѣ.

— Чашка, чашка есть!

Плюхнувшись на землю возлѣ костра, онъ протянулъ жестянку.

— Агалъ! (дай). Экспедицій...

И онъ принялся объяснять, что тутъ проходила нѣсколько лѣтъ тому назадъ экспедиція и что банки изъ подъ консервовъ оставлены ею на всѣхъ стоянкахъ.

Пора было трогаться въ путь. Я спросилъ Михаила:

— Неужто тащить его съ собою?

— Почему же нѣтъ? Втроемъ лучше... Онъ лѣсъ знаетъ.

Петръ понялъ, что рѣчь идетъ о немъ, и вмѣшался въ разговоръ:

— Пиликовъ сказалъ—барда, аянъ барда. Я—пошелъ.

Три учугэй, одинъ—дрянь-дѣло. Пиликовъ сказалъ—вмѣстѣ барда.

„Пиликовъ“ — такъ называетъ онъ нельканскаго купца Филиппова — былъ высшимъ авторитетомъ въ глазахъ тунгуса. И ссылкой на него Петръ думалъ побѣдить всѣ наши сомнѣнія.

— У насъ на троихъ и запаса не хватаетъ,—колебался я.

Но Михаилъ рѣшилъ взять «дагора» подъ свое покровительство.

— Чего не хватаетъ, охотой добудемъ! Дагоръ стрѣлять умѣешь?

— Умѣй, умѣй. Малвѣдь (медвѣдя) убивай, рыба убивай, звѣрь убивай. Учугэй! Вмѣстѣ барда?

— Ладно!

При помощи тунгуса быстро навьючили лошадь, Михаилъ шелъ съ ружьемъ.

Прошли съ полверсты и очутились передъ мостомъ. Мостъ саженъ въ пятьдесятъ длиною былъ перекинутъ черезъ глубокій оврагъ въ самомъ неудобномъ широкомъ мѣстѣ ручья. Прямо отъ моста шла въ гору широкая, прямая просѣка, заросшая мелкимъ кустарникомъ. Повидимому, когда-то здѣсь пролегалъ „трактъ“. Въ началѣ просѣки чернѣли вѣнцы развалившагося сруба. Тутъ была „станція“, упраздненная около сорока лѣтъ тому назадъ. Возможно, что мостъ остался съ тѣхъ же стародавнихъ временъ. Уцѣлѣлъ-ли онъ?

Плахи, покрывавшія мостъ, прогнили насквозь. Во многихъ мѣстахъ зіяли черныя дыры. Мы остановились въ началѣ моста. Михаилъ прошелъ впередъ и вернулся съ непріятной вѣстью:

— Пѣшкомъ пройти можно, а лошадь не проведешь...

Петръ только этого и ждалъ.

— Агалъ! (дай!) взялъ онъ за поводъ.

И, идя какъ-то бокомъ передъ лошадью, онъ повелъ ее по уцѣлѣвшей продольной балкѣ, къ которой были прикрѣплены когда-то разсыпавшіяся отъ ветхости плахи настила.

Лошадь спотыкалась, проваливалась то одной, то другой ногой. Но тунгусъ тянулъ ее за собой, покрикивая то и дѣло:

— Ать! Ать! Ну!

Въ одномъ только мѣстѣ онъ остановился, чтобы заложить жердями дыру въ мосту.

Проведя лошадь на другой берегъ, передалъ Михаилу поводъ и спросилъ самодовольно:

— Учугэй!

Видъ у тунгуса былъ такой, будто онъ хотѣлъ сказать намъ:

— Попробовали бы вы безъ меня продѣлать такую штуку! Видите, я и вамъ пригодился...

Но вьюки во время перехода черезъ мостъ развалились, веревка ослабѣла. Пришлось перевьючивать.

Михаилъ съ Петромъ занялись этимъ дѣломъ, а я тѣмъ временемъ спустился въ оврагъ немного выше моста. И что же? Тамъ оказалась тропинка, по которой можно было безо всякой опасности обойти предательскій мостъ.

Я прошелъ до противоположнаго берега, посреди кустовъ съ душистыми бѣлыми цвѣтами и клейкими листочками. Легко перепрыгнулъ и черезъ ручеекъ въ глубинѣ оврага. Вернулся тѣмъ же путемъ и сердито сказалъ Петру:

— Ты, дагоръ, съ мостомъ напрасно дурака валялъ. Тамъ другая дорога есть!

— Толкуй цохъ (не говорю, не понимаю)!—крикнулъ въ отвѣтъ тунгусъ.

Но видно было, что онъ отлично понялъ меня.

Мы съ Михаиломъ переглянулись и рѣшили впредь не спрашивать совѣта у Петра, но самимъ разыскивать дорогу.

III.

Послѣ Доннаха верстъ восемь шли падью. Пересѣкли два ручейка (1-ю Селенду и 2-ю Селенду).

Лѣсъ сдвинулся съ обѣихъ сторонъ, сдѣлался гуще, темнѣе. Въ сумерки подошли къ 3-й Селендѣ.

— Тутъ заночуемъ?—предложилъ я.

— Мало отошли сегодня, — возражалъ Михаилъ; — сколько у насъ по картѣ выходитъ?

— Двадцать три версты.

— Ну, вотъ, видите... Мало! А до слѣдующей воды далеко?

— Дальше будетъ Тала. Тамъ болота. Нельзя ночевать. До Джукитли десять верстъ. А тутъ и „ураса“ должна быть за рѣкой!—доказывалъ я преимущества ночлега на Селендѣ.

Но „урасы“ на берегу не было видно. За рѣкой дорога пошла круто въ гору. Лѣсъ съ обѣихъ сторонъ былъ настолько густой, что негдѣ было развести костеръ и разбить палатку для ночлега.

Наконецъ, налѣво показалась расчищенная полянка. На краю ея виднѣлась загородка для оленей. Спереди кучей лежали грубо обтесанныя топоромъ березовыя жерди, поломанныя нарты, разбитые ящики. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ чернѣли остатки костровъ. Видно было, что тутъ не разъ останавливались чайные обозы.

А вотъ и „ураса“, о которой намъ говорили въ Нельканѣ. Это изба, построенная изъ бревенъ, воткнутыхъ подъ угломъ въ землю и свободными концами обращенныхъ вверхъ. Снизу „ураса“ представляетъ почти правильный кругъ, а вверху, гдѣ сходятся бревна, стѣны ея сведены четыреугольникомъ. Крыши нѣтъ. — ее замѣняютъ наклоненныя стѣны, а посрединѣ оставлена дыра для свободнаго выхода дыма. Нѣтъ и оконъ, продѣлано только отверстіе для двери,— оно завѣшано бѣлой оленьей шкурой.

Я залюбовался „урасой“. Но, заглянувъ внутрь, невольно поморщился. Было тамъ неуютно, сыро, темно. Воздухъ казался затхлымъ, испорченнымъ.

Рѣшили все-же заночевать въ „урасѣ“. Я занялся костромъ. Набралъ хвороста, нарубилъ дровъ, но не сразу удалось раздуть пламя. То дерево оказывалось сырымъ, то костеръ разваливался. Мѣшали и комары, немилосердно жалившіе руки и лицо, — пользовались тѣмъ, что я поднялъ сѣтку и снялъ рукавицы. Но когда разгорѣлся костеръ, и мы, заваливъ его мхомъ и хвоей, устроили „дымокуръ“, комары принуждены были обратиться въ бѣгство.

Мы разложили шкуру въ глубинѣ „урасы“. Развѣсили на колышкахъ промокшее за день на болотѣ платье и занялись приготовленіемъ ужина.

Теперь, освѣщенная изнутри костромъ, наша „ураса“ была великолѣпна. И удивительно пріятна былв теплота отъ костра, совершенно непохожая на измучившую насъ дневную жару.

Я задремалъ, лежа на шкурѣ и любуясь огнемъ. Когда я очнулся. у Михаила готовъ былъ рисъ въ котелкѣ, а надъ костромъ бурлилъ чайникъ. Это было такъ неожиданно и такъ пріятно, что я умилился.

— Когда вы успѣли?

— Ну, слава Богу!—ворчалъ мой спутникъ въ отвѣтъ: Ужъ ночь на дворѣ.

Сквозь сѣровато-синія струйки дыма вверху „урасы“ можно было разглядѣть клочекъ темнаго неба съ одинокой яркой звѣздой.

— Я долго спалъ?

— Порядочно. Сейчасъ ужинать будемъ.

— А гдѣ Петръ?

— Рыщетъ гдѣ-то по лѣсу. Позову его.

Михаилъ подошелъ къ двери и, откинувъ шкуру, закрывавшую входное отверстіе, сталъ кричать въ темноту лѣса:

— Петръ дагоръ!

Издали отвѣтило протяжное:

— Э-ю-э.

Мы принялись за рисъ. Не успѣли опорожнить котелокъ, какъ присоединился къ намъ Петръ. Дали мы рису и ему. Но тунгусу угощеніе не понравилось. Онъ ѣлъ вяло, хмурился, морщился. Я спросилъ его:

— Хорошо? Учугэй?

Тунгусъ покачалъ головой и отвѣтилъ односложно:

— Цохъ.

За чаемъ тунгусъ обратился къ Михаилу и попросилъ его:

— Масла!

Масла у насъ было всего 3 фунта и мы разсчитывали употреблять его исключительно, какъ приправу при приготовленіи пищи. И потому Михаилъ твердо отвѣтилъ:

— Масла нѣтъ! Цохъ масло!

— Дрянь-дѣло! покачалъ головой тунгусъ.

Потомъ онъ обратился ко мнѣ и началъ высчитывать свои обиды:

— Водка цохъ! Масло цохъ! Совсѣмъ дрянь-дѣло...

И онъ улегся спать огорченный.

Опорожнили чайникъ.

— Выпили бы еще? спросилъ я товарища.

— Хорошо бы было... Да лѣнь за водой идти.

— Я принесу.

— Не стоитъ. Далеко.

— Ничего, мнѣ хочется пройтись по лѣсу.

Захвативъ чайникъ и флягу для воды, я выбрался изъ «урасы».

Въ лѣсу было темно, совершенно темно. Луны не было видно. Звѣзды сверкали въ вышинѣ, не проливая свѣта на землю. И небо между звѣздами казалось не синимъ, а чернымъ. Надъ „урасой“ вилось легкое облачко дыма, освѣщенное снизу красноватымъ отблескомъ костра. Это облачко жило—мѣнялось и въ формѣ, и въ цвѣтѣ, казалось то розовымъ, то сѣрымъ, то голубымъ. Но только оно жило. Кругомъ него все было мертво,—безгласно, бездвижно.

Я вышелъ на дорогу и направился къ рѣкѣ. Въ темнотѣ спускъ подъ гору казался необыкновенно крутымъ, будто дорога убѣгала внизъ, въ какое-то таинственное и мрачное подземелье. Это впечатлѣніе усиливалось тѣмъ, что вѣтви деревьевъ сплелись вверху, и сквозь нихъ не видно было ни звѣздъ, ни неба.

Нащупывая ногою камни, я медленно спускался къ Селендѣ, поминутно задѣвая рукой за деревья то слѣва, то справа отъ дороги.

Сырость чувствовалась кругомъ, какъ въ подземельи, куда не проникалъ никогда лучъ солнца.

Но всего больше поражала царившая въ тайгѣ мертвая тишина.

Не слышно было ни птицъ, ни звѣрей.

Не слышно было ни стрекотанья кузнечиковъ въ травѣ, ни треска вѣтвей въ чащѣ, ни шороха вѣтра въ листвѣ. Даже комары исчезли, и замолкъ ихъ пискъ.

Ни звука, ни шороха... Мертвая тишина...

Такой тишины не встрѣчалъ я въ Россіи ни въ полѣ, ни въ лѣсу, ни ночью, ни днемъ. Тамъ, даже надъ занесенными снѣгомъ лугами, нѣтъ-нѣтъ, да пронесется птица, зачирикаетъ воробьиная стая.

А здѣсь ничего...

Знаешь и чувствуешь, что кругомъ толпятся деревья, кусты, цвѣты, травы. Откуда же это молчаніе?

Откуда эта мертвая тишина?

И чудится враждебная настороженность въ молчаніи тайги.

Я шелъ ужъ довольно долго. А воды все нѣтъ. Остановился; вслушиваюсь, затаивъ дыханіе, не донесется ли отдаленное журчанье ручья. Но ничего не слышно...

Иду дальше. И вотъ издали доносится слабый, еле слышный плескъ воды, чистый и нѣжный звукъ, котораго нельзя передать ни голосомъ, ни музыкой. Такъ только вода, живая вода въ лѣсу говоритъ съ деревьями и травами, съ птицами и камешками на днѣ ручейка.

Спѣшу къ водѣ. Тутъ, надъ рѣчкой, деревья раздвинулись, видно вверху небо съ яркими звѣздами. Тутъ свѣтлѣе, веселѣе, чѣмъ подъ сводомъ сцѣпившихся вѣтвями деревьевъ.

Надъ водою не чувствуется сковывающая тайгу тишина. Говорятъ звѣзды, тихо шепчетъ о чемъ-то вода.

Я набралъ полный чайникъ воды, наполнилъ флягу, но не тороплюсь уходить. Слишкомъ хорошо здѣсь.

Задумался, самъ не зная о чемъ, надъ водой. И вдругъ мелькнула у меня мысль...

Мы, дѣти шумныхъ городовъ, только случайно, въ исключительной обстановкѣ, можемъ подойти вплотную къ природѣ. И тогда, при такихъ встрѣчахъ съ нами, природа становится прежней,—такой, какой была тысячу лѣтъ тому назадъ, въ сѣдую старину, когда на землѣ жила сказка. И по старому, какъ тогда, оживаетъ природа, раскрывая передъ нами свою душу.

Вотъ и таежная рѣчка ожила передо мною и шепчетъ мнѣ что-то такъ ласково, нѣжно.

Выглянула луна изъ-за лѣса. Небо изъ чернаго стало синимъ, и на немъ четко вырисовываются острыя вершины пихтъ и косматыя короны лиственницъ.

Я пошелъ обратно въ „урасу“, любуясь на тѣни деревьевъ.

Какое богатство формъ! Какая красота линій!

Вотъ, надъ тропинкою протянулась мохнатая лапа. Вонъ, взвилась надъ лѣсомъ, будто подхваченная вѣтромъ, волнистая грива сказочнаго скакуна.

Но все это недвижно. Все спитъ таинственнымъ сномъ.

Хочется разбить эти чары, хочется пробудить лѣсъ, наполнить его шумомъ, движеніемъ.

— Ау! кричу я изо всѣхъ силъ.

Но крикъ вышелъ слабымъ, беззвучнымъ. Вырвался и замеръ безсильно. Ни эха, ни отзвука...

Больше я не пытаюсь тревожить лѣсъ.

Молча подымаюсь по тропинкѣ. И вдругъ на поворотѣ останавливаюсь въ изумленіи.

Что это?

Изъ лѣсу выползало на дорогу чудовище, сказочный Змѣй-Горынычъ. Одна лапа покоится на землѣ, другая поднята съ угрозой, какъ для удара,—отчетливо видны ея изогнутые, обращенные внизъ, острые когти. Огромное тѣло прижалось къ землѣ, будто страшилище готово къ прыжку. Широко раскрыта удлиненная пасть, а хвостъ клубится безпорядочными кольцами.

Такъ отчетливо увидѣлъ я все это—и лапы, и когти, и раскрытую пасть, и свернутый хвостъ,—что самъ удивился. Подошелъ поближе.

Ну, конечно! Сваленное вѣтромъ дерево съ выворочен-ными изъ земли корнями... Вотъ толстые обломанные корни, которые я принялъ за раскрытую пасть. Вотъ сукъ, изображавшій поднятую лапу, вотъ и когти. Вотъ стволъ, вотъ помятыя при паденіи вѣтви.

Какое это дерево? Повидимому, лиственница. Да, такъ и есть!.. рука нащупала мягкую хвою...

Мнѣ хочется еще разъ взглянуть на Змѣя-Горыныча. Возвращаюсь на дорогу къ тому мѣсту, откуда я впервые замѣтилъ чудовище. И опять вижу его такъ же отчетливо, какъ въ первый разъ—и пасть, и огромное тѣло. Только теперь выраженіе у Змѣя новое: оказывается, онъ безобидный, добродушный старикъ, прилегшій у дороги. Правда, пасть и теперь широко открыта у него, но это онъ зѣваетъ по-стариковски, по-своему.

Такой славный Горынычъ, что мнѣ жаль, что я не могу снять его при вспышкѣ магнія.

А вотъ и „ураса“. Вьется надъ нею красноватый дымокъ, освѣщенный костромъ.

Михаилъ сидитъ у костра съ записной книжкой въ рукахъ. Встрѣчаетъ меня вопросомъ:

— Гдѣ вы запропастились? Я хотѣлъ идти искать васъ.

— Напрасно не пошли,—отвѣчаю я. Хорошо въ тайгѣ...

IV.

Въ дальнѣйшій путь мы двинулись съ разсвѣтомъ. Легко и пріятно было идти среди кустовъ, хранящихъ на каждомъ листкѣ крупныя, сверкающія капли ночной росы. Капли росы сбѣгали на насъ и съ нависшихъ надъ тропинкой вѣтвей.

Съ версту шли въ гору тайгой. Затѣмъ показался соснякъ,—мы приближались къ перевалу.

Добрались до вершины и остановились.

Гора была не высокая, но съ нея можно было окинуть взглядомъ весь пройденный путь. Мы были на выдвинутомъ къ западу уступѣ длинной гряды холмовъ, тянущихся отъ самой Маи съ сѣвера на югъ слѣва отъ тропинки. Съ этихъ холмовъ сбѣгали на западъ, въ долину Ингинкана, встрѣченные нами наканунѣ ручьи—три Селенды и два Доннаха.

Долина еще не пробудилась отъ сна. Легкой дымкой окутывалъ ее утренній туманъ. Полосы свѣта медленно, постепенно сползали къ Ингинкану съ противоположнаго склона долины.

Спереди, къ юго-востоку отъ насъ, открывался горный пейзажъ,—гряды холмовъ тянулись одна за другою, образуя изрѣзанную падями, похожую на лабиринтъ, горную страну.

Внимательно вглядѣвшись, можно было замѣтить, что всѣ пади принадлежатъ къ системѣ Ингинкана. Извиваясь,

уклоняясь то влѣво, то вправо, убѣгала долина вдаль къ виднѣвшимся на горизонтѣ гольцамъ. А къ долинѣ спускались съ обѣихъ сторонъ пологія пади, отдѣляющія одну отъ другой высокія сопки.

До дальнихъ гольцевъ намъ предстояло идти по восточному склону долины, пересѣкая пади, ручьи и болота.

Спустившись съ горы, мы вышли на болото. Черезъ него протекалъ ручеекъ. Это была первая Тала. О „Тальской грязи“ намъ много говорили въ Нелькане, и мы ожидали, что переходъ черезъ эту падь будетъ трудный. Но время стояло сухое, знойное, дождей уже не было больше двухъ недѣль, и мы легко перешли черезъ болото.

Еще безобиднѣе оказалась вторая Тала, и только третья Улыханъ-Тала задержала насъ. Пришлось перебраться черезъ изумрудно-зеленое поле, поросшее мелкимъ кустарникомъ и высокой колючей травой. Рѣка пересѣкала его десяткомъ рукавовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга зыбкими зелеными островками.

Пѣшкомъ можно было безъ труда перейти черезъ болото, нащупывая палкой дорогу и перепрыгивая съ кочки на кочку. Но лошадь вязла по брюхо въ грязи, выбивалась изъ силъ, пытаясь выбраться на твердую почву. Вьюки то и дѣло сползали на сторону, и намъ нѣсколько разъ приходилось останавливаться, чтобы заново увязывать ихъ.

Петръ ушелъ далеко впередъ. Онъ перебрался налегкѣ черезъ болото и, оставивъ насъ возиться съ лошадью, скрылся въ лѣсу. Усталые, вымокшіе, выбрались мы изъ болота и рады были, когда тропинка пошла въ гору по сухому мѣсту.

Но подъемъ становится круче. Сильнѣе даетъ чувствовать себя дневная жара.

Пихта и кедровникъ смѣнились соснякомъ. Повидимому, скоро долженъ быть перевалъ.

Но, нѣтъ. Кончился угрюмый соснякъ, и мы вступаемъ въ аллею изъ березокъ, ольхи и осины.

Всѣ деревья — родныя, россійскія. Ни одного незнакомаго кустика, ни одного чужого листочка. Какъ попали сюда, на отроги Джугджура, эти кусты малинника, эти бѣлые цвѣты земляники?

Идемъ мы между осинами и березами, и съ трудомъ вѣрится, что эта тропинка проложена не россійскими мужиками и бабами, а тунгусами, перевозящими чай съ Охотскаго моря на Маю. И только тишина, царящая въ лѣсу, напоминаетъ, что мы далеко-далеко отъ Россіи, гдѣ лѣсъ полонъ звуковъ и неумолчно, тысячами голосовъ, гудитъ днемъ и ночью.

Незамѣтно прошли черезъ вершину холма. Снова мелькнулъ передъ нами горный пейзажъ.

Опять спускъ—сперва соснякомъ, потомъ смѣшаннымъ лѣсомъ,—и мы выходимъ къ веселому, звенящему ключику.

Это Джукитли.

Здѣсь остановились для обѣденнаго отдыха.

Пообѣдавъ консервами и размоченными въ водѣ сухарями, прилегли соснуть въ тѣни старой березы. Стреножили лошадь и пустили ее щипать траву.

Такъ сладко спать въ лѣсу послѣ тяжелаго перехода, что мы проспали бы до вечера, если бы Петръ не разбудилъ насъ.

— Барда надо!—кричалъ онъ, тормоша Михаила; Аянъ барда надо!

Ему не нравилось, что мы медленно подвигаемся впе-

редъ, часто дѣлаемъ привалы и подолгу спимъ. Вообще тунгусъ былъ недоволенъ нами.

— Дрянь-дѣло! — говорилъ онъ про наши сухари и консервы.

И пояснилъ:

— Масло цохъ, водка цохъ,—дрянь.

На возвышенномъ перевалѣ между Джукитли и Альдонканомъ мы наткнулись на медвѣжьи слѣды.

Замѣтилъ слѣды Петръ.

Мы шли въ это время густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ, довольно высоко надъ долиной. Но почва была влажная отъ подземныхъ ключей, мѣстами проступали на дорогѣ лужи. Тунгусъ шелъ шаговъ на десять впереди насъ. Вдругъ онъ остановился, нагнулся къ землѣ и крикнулъ:

— Малвѣдь!

На влажной землѣ ясно былъ виденъ слѣдъ широкой ступни, съ четырьмя короткими пальцами. Слѣдъ былъ свѣжій,—повидимому, медвѣдь шелъ этой тропинкой недавно,—можетъ быть, сегодня утромъ, можетъ быть, въ то время, какъ мы спали на берегу Джукитли.

— Шибко барда!—смѣялся Петръ, разглядывая слѣдъ медвѣжьей лапы.

И, опустившись на колѣни, онъ уморительно представлялъ, какъ бѣжалъ медвѣдь по дорогѣ.

Теперь Мишка долженъ былъ находиться далеко отъ насъ. Но все же, на всякій случай, мы заложили въ оба дула ружья медвѣжьи патроны.

Выполнивъ эту предосторожность, продолжали путь. Петръ по-прежнему шелъ впереди. Онъ шелъ прыгающей, упругой походкой привычнаго охотника и почти не смотрѣлъ на

землю. Его вниманіе привлекали теперь деревья по сторонамъ отъ дороги.

У старой лиственницы онъ остановился.

— Улиханъ малвѣдь (большой медвѣдь)!

Онъ указалъ царапины на корѣ дерева. Царапины сдѣланныя чѣмъ-то острымъ, шли параллельно одна другой. Тунгусъ жестами показалъ намъ, что здѣсь медвѣдь старался достать сладкую лиственичную смолу. Вотъ, гдѣ всталъ онъ на заднія лапы. Здѣсь обошелъ дерево кругомъ. Здѣсь сдиралъ лапой кору. Здѣсь рвалъ дерево зубами.

— Улиханъ малвѣдь!—самодовольно смѣялся Петръ, какъ бы гордясь родной тайгой, въ которой водятся такіе хорошіе, такіе крупные медвѣди.

Но намъ сосѣдство съ медвѣдемъ не доставляло удовольствія.

Не понравились намъ и медвѣжьи слѣды на берегу Альдонкана. Здѣсь Михаилъ Потапычъ останавливался для водопоя. Видно было, что онъ долго топтался у ручья, а затѣмъ побрелъ дальше.

Начало смеркаться.

Петръ взялъ топоръ и шелъ, постукивая обухомъ по стволамъ деревьевъ. Время-отъ-времени онъ кричалъ пронзительно, рѣзко.

— Э—у—э!

Стукомъ и крикомъ онъ пугалъ медвѣдя. А слѣды широкой лапы съ короткими пальцами все такъ же ясно видны были на дорогѣ,—исчезали слѣды на камняхъ и травѣ и вновь появлялись на глинистыхъ и влажныхъ мѣстахъ.

Такъ, на медвѣжьемъ слѣдѣ, мы и заночевали надъ вторымъ Альдонканомъ.

За Альдонканомъ начался подъемъ въ гору.

Мы приближались къ водораздѣлу между Ингинканомъ и Челасиномъ, бѣгущимъ съ Джугджурскихъ горъ въ Уй— богатую рыбой рѣчку, которая впадаетъ въ Маю верстъ на сто выше Ингинкана.

Теперь мы пересѣкли спускающіяся къ Ингинкану рѣчки вблизи отъ ихъ истоковъ.

Болота исчезли. Подъ ногой была каменистая почва. Кругомъ виднѣлись угрюмыя сосны.

Такъ пошли мы черезъ Палаткинды и Варнаки. Путь былъ легкій, только между вторымъ и третьимъ Варнакомъ насъ задержало пожарище. Обгорѣвшія деревья лежали поперекъ дороги и вдоль нея, образуя естественныя баррикады. Во многихъ мѣстахъ приходилось расчищать путь топоромъ. Попробовали мы свернуть съ загроможденной дороги въ лѣсъ. Но тамъ продвигаться впередъ было еще труднѣе.

Пожарище тянулось версты три. Затѣмъ пошла опять чистая и сухая дорога.

На гребень водораздѣла мы поднялись сравнительно легко. Вверху открылся чудный видъ. Вдали бѣлѣли снѣга Джугджура. Ближе тѣснились проросшіе лѣсомъ холмы. И высоко надъ ними выдѣлялась двойная вершина каменистаго Киваги.

Теперь намъ предстояло преодолѣть самое значительное препятствіе пути—знаменитыя Маильскія болота.

Послѣ дождей эти болота становятся непроходимыми. Въ нихъ вязнутъ лошади и пѣшеходы. Люди по поясъ проваливаются въ засасывающую грязь. Лошади ломаютъ себѣ ноги и хребты, барахтаясь между кочекъ.

Черезъ болото былъ проложенъ когда-то помостъ изъ

лиственичныхъ плахъ, прибитыхъ къ продольнымъ бревнамъ. Но этотъ помостъ прогнилъ, развалился, и ходить по нему опаснѣе, чѣмъ по чистому мѣсту...

Мы проходили болото въ благопріятное время, — послѣ продолжительной засухи. Но и намъ не удалось провести лошадь съ тюками черезъ трясину.

Съ первыхъ же шаговъ лошадь увязла въ болотѣ. Чѣмъ больше билась она, тѣмъ глубже уходили ноги ея въ жидкую грязь.

Пришлось развьючить лошадь, снять сѣдло и поклажу. Налегкѣ, при нашей помощи, она выдернула изъ трясины увязшія ноги.

Но на твердой кочкѣ лошадь стояла, дрожа всѣмъ тѣломъ, тяжело водя забрызганными грязью боками. О томъ, чтобы вновь навьючить ее, нечего было и думать.

Сложивъ вещи въ кустахъ на болотѣ, мы сосредоточили все вниманіе на томъ, чтобы перевести черезъ Маиль лошадь. Выведя ее на берегъ, вернулись за вещами и въ два пріема перетащили ихъ на себѣ.

Думали, что на этомъ наши испытанія кончились. Но за узенькимъ перелѣскомъ опять пошло болото, такое же топкое, какъ и первый Маиль. Пришлось снова вести лошадь налегкѣ, а затѣмъ возвращаться за вещами.

Все это мы продѣлывали подъ палящими солнечными лучами, подъ яростными атаками комаровъ.

Наконецъ, мы одолѣли Маильскія болота. Лица и руки у насъ въ крови. Все, что было на насъ, промокло насквозь. Сапоги хлюпаютъ при каждомъ шагѣ. Устали мы смертельно, но останавливаться на отдыхъ невозможно: ночевать надъ болотомъ опасно, а до слѣдующей воды, до

ручья Аимчикана, еще добрыхъ девять верстъ. Нужно спѣшить, чтобы поспѣть къ ночлегу засвѣтло—и, не отдохнувъ послѣ маильской переправы, мы пошли дальше.

На этотъ разъ даже Петръ похвалилъ нашу выносливость. Онъ потрогалъ мои высокіе сапоги и, улыбаясь, долго говорилъ что-то. Изъ его рѣчи я понялъ три слова...

— Нуча... барда... учугэй... (русскій... идетъ... хорошо).

Дорога опять шла косогоромъ. Но теперь горы подымались вправо отъ насъ, а по лѣвую сторону тянулась долина Челасина съ бѣгущими въ него Маилями, Аимчанами, Юкатаномъ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ, въ просвѣтахъ между деревьями показывался двуглавый Киваги, господствующій надъ долиной.

Какъ ни торопились мы, но ночь все же застала насъ въ пути. Послѣднія двѣ версты мы шли въ темнотѣ.

И только въ одиннадцатомъ часу добрались до перваго Аимчана.

Въ эту ночь нашъ костеръ быстро потухъ отъ недостатка дровъ. Мы спали, какъ убитые, подъ раскинутой на скорую руку палаткой. Намъ было не до костра. Если-бы медвѣдь забрался къ намъ въ палатку, то и тогда мы не проснулись бы сразу...

V.

Между первой и второй Аимчой тянется густой смѣшанный лѣсъ. Въ Нельканѣ намъ говорили, что здѣсь, по близости отъ Челасина, водится много дичи. Въ надеждѣ подстрѣлить краснаго звѣря, я взялъ ружье и пошелъ впередъ, обогнавъ Михаила съ лошадью настолько, что до меня не долеталъ ни шумъ шаговъ, ни звонъ колокольчика.

Но охота не удалась. Можетъ быть, въ кустахъ было много дичи, но я не замѣчалъ ея. Въ одномъ мѣстѣ пробѣжала черезъ дорогу лисица. Она пробѣжала такъ близко отъ меня, что я легко добросилъ бы до нея камнемъ. Но прежде чѣмъ я успѣлъ вскинуть ружье, лисицы и слѣдъ простылъ,—юркнула куда-то подъ кустъ и пропала изъ глазъ.

Къ Аимчѣ дорога сбѣгаетъ широкой зеленой лужайкой. Яркимъ пятномъ выдѣляется эта лужайка на фонѣ строгихъ пихтъ, обступившихъ рѣку.

Аимча не похожа на тѣ ручьи, черезъ которые мы проходили до сихъ поръ. Течетъ она въ каменистомъ ложѣ, между крутыми, мѣстами даже обрывистыми, берегами. И насколько глазъ хватаетъ не видно на ней ни островов, ни излучинъ.

Я попытался перейти ее въ бродъ такъ, какъ переходили мы до сихъ поръ лѣсные ручьи да болота. Но вода у самаго берега оказалась выше пояса.

Дѣло плохо... Я сунулъ ружье на берегъ и пошелъ дальше,—думалъ нащупать бродъ къ тому времени, какъ доберется до рѣки Михаилъ съ лошадью. Но сдѣлавъ еще два шага, я почувствовалъ, что проваливаюсь,—вода покрыла меня съ головой. Вынырнувъ изъ курьи, я вплавь направился къ берегу. Плыть было нелегко, такъ какъ теченіе относило на середину рѣки.

Наконецъ, удалось ухватиться за свѣсившуюся надъ водой ветлу. Вылѣзъ я на берегъ, вернулся къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ ружье, и не могъ сразу сообразить, какъ попалъ я на глубокое мѣсто.

Вѣдь я такъ ясно видѣлъ дно рѣки, когда спускался въ воду! Откуда же взялась здѣсь курья?

Дѣло разъяснилось очень просто.

Вода въ Аимчѣ необыкновенно прозрачна, почти такъ прозрачна, какъ воздухъ. Это, въ связи съ быстрымъ теченіемъ, скрадываетъ глубину рѣки. Смотришь на рѣку,— кажется, что зеленоватые камешки, на днѣ ея мелькаютъ такъ близко, подъ тонкимъ воднымъ покрываломъ. А между тѣмъ, здѣсь глубина въ полторы-двѣ сажени.

Невольное купанье въ Аимчѣ освѣжило меня. Потянуло окунуться еще разъ въ быстрыя, звонкія струи.

— Выкупаюсь по настоящему! А платье пока высохнетъ на берегу...

Раздѣлся, разложилъ платье и бѣлье на травѣ и снова бултыхнулся въ воду.

Пока я съ наслажденіемъ плескался въ рѣкѣ, на дорогѣ показались Михаилъ и Петръ съ лошадью.

— Здѣсь бродъ?—кричалъ Михаилъ съ берега.

— Нѣтъ здѣсь глубоко... съ головой покрываетъ...

— А бродъ гдѣ?

— Выше!

Я вспомнилъ теперь, что говорили мнѣ въ Нельканѣ объ Аимчанской переправѣ: тропинка выходитъ къ Аимчѣ противъ глубокаго мѣста, а переходить рѣку нужно выше, спускаясь къ водѣ по просѣкѣ, направо отъ дороги.

Михаилъ укоризненно смотрѣлъ на меня:

— Купаться вздумали?

— Да. И вы полѣзайте!

— А идти кто будетъ?

— Мы и пойдемъ! Освѣжимся,—потомъ зашагаемъ...

Михаилъ посмѣивается въ бороду:

— Освѣжиться въ рѣчкѣ хорошо, если послѣ можно

спать завалиться или на балконѣ чай распивать. А въ дорогѣ нужно силы беречь.

— Да вы попробуйте только, какая вода!

Михаилъ колеблется. Голосъ благоразумія подсказываетъ ему не слушаться моего совѣта. Но соблазнъ великъ...

Передавъ поводъ Петру, Михаилъ спускается къ рѣкѣ. Ложится на грудь подлѣ самой воды и, держась рукой за прибрежную ветлу, погружаетъ голову въ воду.

Повторивъ нѣсколько разъ эту операцію, поднимается на ноги:

— Брр... славно! А все же въ дорогѣ это не полагается. Вамъ особенно не совѣтую. Силешекъ у васъ и такъ мало.

Михаилъ опытнѣе меня. Онъ выросъ на рѣкѣ, знакомъ съ лѣсомъ, умѣетъ и костеръ разводить, и взнуздывать лошадь. А я ничего этого, какъ слѣдуетъ, не умѣю. Естественно, что я признаю его авторитетъ и прислушиваюсь къ его совѣтамъ.

И теперь я не пытаюсь оспаривать утвержденіе Михаила, будто въ дорогѣ не слѣдуетъ купаться. Но въ глубинѣ души я не вѣрю ему.

Бродъ черезъ Аимчу оказался легкій. Вода въ мѣстѣ переправы не доходила до колѣнъ. Но струя была сильная, и приходилось смотрѣть въ оба, чтобы не быть опрокинутымъ теченіемъ.

Послѣ дождей Аимча подымается, выходитъ изъ береговъ, и тогда переправа черезъ нее становится опасна. Вода валитъ и сноситъ не только пѣшеходовъ, но даже лошадей. Путникамъ приходится задерживаться на берегу этой капризной рѣки въ ожиданіи, когда спадетъ вода.

Но теперь, при глубинѣ въ шесть — восемь вершковъ въ мѣстѣ переправы, Аимча казалась безобидной рѣчкой. И трудно было повѣрить, что она можетъ на недѣлю задержать караванъ.

Между Аимчой и Юктеканомъ — перевалъ черезъ гору. Подъемъ не очень крутой.

Идти было легко. По тѣлу, послѣ утренняго купанья, разлито было чувство пріятной, бодрящей свѣжести.

Но по мѣрѣ того, какъ выше подымалось солнце, и подъ лучами его нагрѣвался воздухъ и накалялись камни дороги, чувство свѣжести исчезало. Платье, бѣлье и сапоги быстро просохли на солнцѣ, просохли настолько, что казалось, будто они скоро потрескаются отъ жары.

Взглянулъ я на карту. Между Аимчой и Юктеканомъ девять верстъ... Устраивать отдыхъ раньше ручья, въ безводной мѣстности, нѣтъ смысла: все равно, черезъ нѣсколько верстъ придется останавливаться для обѣда и чая. Значитъ, придется идти до Юктекана безъ передышки.

— Духота какая!..—жалуюсь я.

— Да, душно сегодня, — соглашается Михаилъ.—Вѣроятно, гроза будетъ.

Воздухъ, дѣйствительно, такой, какъ бываетъ передъ грозой. Но на небѣ ни облачка. Горизонтъ, насколько можно видѣть въ просвѣты между деревьями, совершенно чистъ. Кругомъ тишина. Не шелохнется ни листокъ, ни травка. Только комары наполняютъ лѣсъ своимъ пронзительнымъ пискомъ.

Я иду рядомъ съ лошадью, держась за стремя. Но, хотя кляченка наша подвигается впередъ своимъ обычнымъ неторопливымъ шагомъ, мнѣ трудно идти вровень съ нею.

Михаилъ пытается вести лошадь медленнѣе, но изъ этого ничего не выходитъ,—кляченка останавливается совсѣмъ.

— Ну, пошла!

Лошадка дергаетъ головой и идетъ привычнымъ шагомъ. Я едва-едва поспѣваю за ней.

Все сильнѣе мучитъ жажда. Губы запеклись, пересохло въ горлѣ, во рту такое ощущеніе, будто небо и языкъ трескаются отъ жары. Останавливаюсь и достаю флягу съ водой.

Фляга нагрѣлась отъ солнца. Вода въ ней теплая, съ затхлымъ запахомъ, съ вкусомъ ржавчины. Особенно противна эта вода послѣ алмазныхъ живыхъ струй ручья. Но хуже всего, что вода изъ фляги не утоляетъ жажды. Я чувствую, какъ обтекаетъ она губы, какъ льется къ горлу. Но ненужной тяжестью падаетъ она въ желудокъ, а жажда остается все та же. Все такъ же горячи спекшіяся губы, все такъ же саднитъ въ пересохшемъ горлѣ, по-прежнему не хватаетъ воздуха груди.

Сколько градусовъ сегодня? Можетъ быть 50°, можетъ быть и больше...

Пока я возился съ фляжкой, Михаилъ ушелъ впередъ съ лошадью и скрылся за поворотомъ тропинки. Нужно догнать его.

— Ау!—кричу я.

Изъ лѣсу долетаетъ отвѣтный крикъ.

— Недалеко! Сейчасъ догоню...

Опираясь на палку, стараясь дѣлать большіе шаги и держаться тѣневой стороны дороги, бреду я впередъ.

Но солнце бьетъ прямо въ лицо. Больно глазамъ.

Идти все труднѣе. Ноги будто налиты свинцомъ. Въ ушахъ звенитъ. Рѣшаюсь присѣсть отдохнуть.

Опускаюсь на мохъ въ сторонѣ отъ дороги. Мохъ высокій и мягкій. Лежишь на немъ, какъ на пуховой постели. Послѣ невыносимаго солнцепека въ тѣни деревьевъ почти прохладно. Меня охватываетъ чувство сладкой истомы, сами собой смыкаются вѣки...

Не знаю, долго ли я пролежалъ такъ. Не знаю, заснулъ ли я, или только дремалъ... Но отдыхъ немного возстановилъ мои силы.

Когда я поднялся и снова двинулся въ путь, идти стало легче.

Но Михаилъ и Петръ съ лошадью ушли далеко впередъ. На дорогѣ кое-гдѣ видны слѣды подковъ. Въ одномъ мѣстѣ попались остатки еще не совсѣмъ потухшаго костра. Обгорѣлый мохъ показывалъ, что здѣсь былъ устроенъ „дымокуръ". Видно, въ этомъ мѣстѣ Михаилъ останавливался и поджидалъ меня...

Въ воздухѣ пахнуло вѣтеркомъ. Но вѣтеръ знойный, тяжелый. Отъ него еще труднѣе дышать.

Появились тучки на небѣ. Временами онѣ закрываютъ солнце. Но и отъ этого не легче. Земля раскалена, и отъ нея вѣетъ въ лицо жаромъ, какъ изъ открытой печи. И этотъ жаръ мучительнѣе, чѣмъ палящіе лучи солнца...

Я иду, какъ въ полуснѣ, ничего не соображая, ни о чемъ не думая.

Вотъ кончился лѣсъ. Показалось широкое поле, поросшее мелкимъ кустарникомъ. За полемъ начинается подъемъ въ гору...

Значитъ здѣсь падь. Здѣсь долженъ быть ручеекъ Юктеканъ. Что же не видно его? И гдѣ Михаилъ?

Собравъ всѣ силы, я кричу:

— Ми-ха-илъ!

— Ау! Здѣсь!

Голосъ отзывается гдѣ-то совсѣмъ близко.

Но гдѣ же Михаилъ?

Я замѣтилъ его лишь тогда, когда онъ вплотную подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за руку.

— Совсѣмъ изъ силъ выбились? Ну, отдохните! У насъ все готово...

Въ палаткѣ, на мягкихъ вѣткахъ, разложена оленья шкура. Надъ костромъ висятъ чайникъ и котелокъ.

— Гдѣ вода?—говорю я черезъ силу.

— Тутъ, рядомъ.

Михаилъ ведетъ меня къ ручейку, помогаетъ напиться, освѣжить лицо и голову. Онъ заботливо предупреждаетъ меня:

— Много не пейте! Лучше голову подольше подержите въ водѣ.

Вернувшись въ палатку, подкрѣпившись глоткомъ коньяку, я начинаю понемногу приходить въ себя.

Михаилъ объясняетъ, почему онъ не могъ дождаться меня на дорогѣ; слѣпни одолѣли лошадь, она начала кататься по землѣ, пришлось вести ее дальше.

— Тяжелый день! Духота какая!

— Ну, да теперь скоро полегчаетъ.

Смотримъ на небо. Солнце скрылось за тучами, которыя свинцовыми, темными громадами со всѣхъ сторонъ наползаютъ на насъ...

Все темнѣе становится въ полѣ.

Вотъ, забарабанили по брезенту крупныя капли дождя. Блеснула молнія, и въ ту же минуту прокатился первый раскатъ грома надъ полемъ.

— Гроза!

Мы лежимъ въ палаткѣ на шкурѣ и прислушиваемся къ шуму дождевыхъ капель, къ порывамъ вѣтра, къ рокотанію грома.

Какая это музыка!

Дождь, усиливаясь съ минуты на минуту, превратился въ ливень. Отъ яростныхъ порывовъ вѣтра гудитъ тайга. За сѣткой дождевыхъ капель не видно неба. Нависло надъ землей что-то тяжелое, темное. Тучи? или сѣдой туманъ? или небо, опустившееся до земли? И сквозь мглу, обступившую насъ, какъ огненные мечи, сверкаютъ молніи.

Блестятъ мечи, разсѣкая темныя тучи; грохочутъ удары; стонетъ земля. Бьются гиганты. То ближе, то дальше шумъ битвы. То яростнѣе, то слабѣе удары борцовъ.

Да, это подлинная битва!

Мечи гигантовъ такъ явственно скрещиваются передъ глазами. Такъ ясно слышны удары.

Какъ зачарованные, любуемся мы открывшейся передъ нами картиной, прислушиваемся къ симфоніи бури.

И когда буря начинаетъ стихать, проясняется небо, уносятся вдаль гремящія тучи, сыплющія на землю огненныя стрѣлы, думаешь невольно:

— Зачѣмъ такъ скоро кончилась гроза?

VI.

Гроза очистила воздухъ.

Опять сіяетъ солнце, сверкаетъ лазурное небо, блеститъ влажная трава, на хвоѣ сумрачныхъ пихтъ горятъ алмазы дождевыхъ капель.

Тайга имѣетъ теперь необычайный, праздничный видъ.

Жаль терять оставшееся до вечера время, и мы рѣшаемъ, несмотря на поздній часъ, продолжать путь.

Отъ Юктекана дорога идетъ въ гору. Мы подымаемся по склону поросшаго сосновымъ боромъ холма. Все чаще попадаются остатки костровъ, слѣды останавливающихся здѣсь обозовъ.

Вонъ, видны между деревьевъ сложенныя для остова палатки, связанныя вверху жерди.

Вонъ, валяется на мху пустая бутылка. А вонъ, бѣлѣетъ кусочекъ бумаги,—игральная карта.

Я поднялъ съ дороги бубновую восьмерку и съ любопытствомъ разглядываю ее. Тунгусы-возчики не разстаются съ картами въ дорогѣ. На остановкахъ, даже въ жестокіе морозы, нерѣдко часами дуются они въ штоссъ или въ стуколку. Здѣсь такъ и считаютъ: карты—дѣло тунгусовъ да якутовъ. Русскіе, если берутся за карты, то только съ тѣмъ, чтобы обыграть инородцевъ. А инородцы играютъ съ увлеченіемъ, со страстью, забывая за игрой все на свѣтѣ...

Мелькнула за стволами крыша амбара.

Это—Сегынахъ. Зимой здѣсь останавливаются для перегрузки чайные обозы, идущіе изъ Аяна въ Нельканъ.

Черезъ Джугджуръ чай везутъ вьюками на оленяхъ. А здѣсь, въ Сегынахѣ, тюки перекладываютъ на легкія нарты и такъ отправляютъ ихъ дальше, въ Нельканъ, частью на лошадяхъ, частью на оленяхъ. Попытки установить между Нелькаиомъ и Сегынахомъ исключительно конную возку пока не увѣнчались успѣхомъ. Опытъ показалъ, что лошадь можетъ замѣнить пять или шесть оленей. Но не нашлось въ районѣ достаточнаго количества сѣна для лошадей.

Болотная трава на сѣно не годится. Лѣсныя лужайки слишкомъ разбросаны, слишкомъ удалены одна отъ другой. Запасать сѣно въ Аянѣ или Нельканѣ дорого. Везти сѣно съ Алдана—еще дороже.

Благодаря всему этому, тунгусскій олень сохранилъ господствующую роль въ сообщеніяхъ между Маей и Охотскимъ моремъ.

Дальше за Сегынахомъ, олень и подавно не можетъ быть вытѣсненъ лошадью. Тамъ, за долиной Челасина, начинаются Джугджурскія горы. Зимой они непроходимы для лошади. Только олень можетъ подняться на гольцы по обледенѣлымъ уступамъ.

Горъ еще не видно. Мы должны спуститься съ Сегынахскаго холма, пересѣчь болото, перейти Челасинъ—и лишь тогда, какъ стѣна, станутъ передъ нами громады Джугджура.

Черезъ хребетъ существуетъ много переваловъ. Ихъ знаютъ отлично и тунгусы, и мѣстные промышленники. Въ лабиринтѣ долинъ и гольцовъ они разбираются такъ же легко, какъ мы въ сѣти улицъ родного города. Тунгусу все равно, по какой долинѣ подниматься на хребетъ, по какой рѣчкѣ спускаться къ морю. На мои разспросы о томъ, какой путь легче и удобнѣе, въ Нельканѣ мнѣ отвѣчали неизмѣнно одно:

— Всѣ перевалы хороши.

Но любопытная черта: ни одинъ путь черезъ Джугджуръ до сихъ поръ не могъ утвердиться окончательно навсегда!

Обыкновенно, между двумя пунктами устанавливается, въ концѣ концовъ, какой-нибудь одинъ путь. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ онъ становится все болѣе приспособленнымъ. Къ нему привыкаютъ. На немъ появляются расчищенныя площадки для стоянокъ. Съ

него исчезаютъ препятствія, затрудняющія путниковъ. Каждому выгоднѣе идти именно этимъ путемъ. И на одномъ пути сосредоточивается, подъ конецъ, все движеніе.

Но Джугджуръ оказался исключеніемъ. Трактъ, идущій черезъ этотъ хребетъ, мѣняетъ свое направленіе каждыя 10—15 лѣтъ.

Долгое время изъ Нелькана ѣздили въ Аянъ почти прямымъ путемъ. Отъ Челасина дорога подымалась въ горы по долинѣ впадающаго въ Челасинъ Кынгачанга. А послѣ перевала тропинка спускалась къ юго-востоку по Альдомѣ, впадающей въ Охотское море сѣвернѣе Аяна.

Затѣмъ, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, этотъ путь забросили. Удобнѣе показалась другая дорога. При новой дорогѣ не нужно пересѣкать Челасинъ. Отъ Сегынаха тропинка поворачиваетъ вправо къ югу и идетъ челасинской долиной. Черезъ хребетъ, при этой дорогѣ, переваливаютъ въ истокахъ Челасина, а къ Альдомѣ спускаются по Одору.

Въ настоящее время и этотъ путь оставленъ. Теперь отъ Сегынаха сворачиваютъ влѣво, на востокъ. Подымаются по правому притоку Челасина, Мухотѣ, а къ Альдомѣ спускаются по Танчуру, значительно сѣвернѣе Аяна.

Если нанести на карту всѣ направленія Нелькано-Аянскаго тракта за сто лѣтъ, то окажется, что только крайнія части пути (80—90 верстъ у Нелькана и верстъ 40 у Аяна) почти неподвижны, а средняя часть пути (80—100 верстъ, включающихъ и двадцати-верстый перевалъ черезъ хребетъ), перемѣщается каждыя 10—15 лѣтъ, то къ сѣверо-востоку, то къ юго-западу.

Экспедиціи, посѣщавшія этотъ край и производившія изысканія для постройки телѣжнаго пути черезъ горы, не

замѣтили этого явленія. Они вычисляли углы и уклоны, измѣряли высоту перевалов, собирали свѣдѣнія о климатическихъ условіяхъ, о вѣтрахъ, о количествѣ осадковъ.

Но ни одна изъ экспедицій, насколько я знаю, не полюбопытствовала узнать,—почему за сто слишкомъ лѣтъ не установился черезъ Джугджурскій хребетъ какой либо постоянный путь?

Джугджурскій „блуждающій“ трактъ еще въ Якутскѣ заинтересовалъ меня. Въ Нельканѣ я узналъ, что причины этого явленія кроются не въ особенностяхъ рельефа мѣстности, а въ условіяхъ возки чаевъ.

Тунгусы объяснили мнѣ, что олени больше 10—15 лѣтъ не могутъ ходить по одному пути. За 10—15 лѣтъ они вытаптываютъ и поѣдаютъ весь мохъ по краямъ дороги. А отрастаетъ мохъ вновь черезъ 30—40 лѣтъ.

Въ пути олени питаются исключительно подножнымъ кормомъ. Поэтому, послѣ 10—15 лѣтъ пользованія опредѣленнымъ трактомъ, возчики—тунгусы принуждены бываютъ бросить этотъ путь и вести обозы по другимъ долинамъ, гдѣ имѣется свѣжій мохъ для оленей. А пока—старый трактъ отдыхаетъ, мохъ подрастаетъ на немъ. Пройдетъ нѣсколько десятилѣтій,—и трактъ опять оживится, опять потянутся по нему чайные караваны.

Отъ Сегынаха начинается развѣтвленіе путей на Джугджуръ.

Мелькнули направо обнесенные новенькой загородкой, свѣже-покрашенные кресты. Объ этихъ „могилкахъ“ намъ говорили въ Нельканѣ, мимо нихъ проходитъ дорога на Мухоту.

Четыре креста—одинъ большой, другіе три меньше. Никакихъ надписей,—ни именъ, ни чиселъ, ни буквъ.

Кто похороненъ здѣсь? Какъ появились эти кресты въ тайгѣ?

Петръ объясняетъ намъ:

— Олень... Русскій олень.

Мы не можемъ сразу разобрать, что хочетъ онъ сказать. Тунгусъ приставляетъ растопыренные пальцы ко лбу, дергаетъ головой, наклоняется къ землѣ. Онъ даетъ намъ понять, что здѣсь закопаны трупы павшихъ въ дорогѣ оленей.

— Оленье кладбище, съ крестами надъ могилами?..

Странно немного.

Впрочемъ, можетъ быть, Петръ и правъ. Я вспоминаю, что и въ Нельканѣ слыхалъ про «оленьи могилки» въ тайгѣ...

Сумерки уже спустились въ лѣсу.

Мы ускоряемъ шаги, чтобы засвѣтло дойти до воды.

Вотъ, тускло блеснула передъ нами рѣка. Теченіе быстрое, стремительное,—гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Аимчѣ. Но видъ береговъ менѣе суровый. Тутъ и лужайки, и бирюзовые острова, и покрытыя пестрой галькой отмели.

Мы вышли къ рѣкѣ противъ глубокаго мѣста. Бродъ на версту или полверсты выше,—тамъ, гдѣ теченіе разбито островомъ на два рукава.

Отыскавъ бродъ, мы переходимъ черезъ рѣку. Теченіе оказывается настолько сильно, что трудно выдержать напоръ воды. Но съ палками въ рукахъ переправа не представляетъ большой опасности.

На правомъ берегу Челасина мы не сразу могли отыскать мѣсто для ночевки. Искали такого мѣста, гдѣ было бы достаточно травы для нашей лошадки.

Наконецъ, нашли. Покрытая сочной травой, небольшая лужайка. Зимою, повидимому, здѣсь стояли олени. До сихъ поръ уцѣлѣла вокругъ лужайки сооруженная тунгусами изгородь изъ елокъ.

Уцѣлѣлъ и остовъ палатки («урасы») между загородкой и рѣкой. Тутъ и остатки костра, и обуглившаяся колода, къ которой такъ удобно приладить чайникъ и котелокъ.

О лучшемъ мѣстѣ для стоянки нечего мечтать!

Развьючиваемъ лошадь. Михаилъ отводитъ ее на лужайку и спутываетъ ей ноги. Я устраиваю палатку, Петръ возится съ костромъ. Черезъ десять минутъ—все готово.

Лошадка, тихо позвякивая колокольчикомъ, щиплетъ траву. А мы лежимъ на шкурѣ подлѣ костра и ждемъ, когда закипитъ вода въ котелкѣ.

Устали мы всѣ трое отчаянно. Но Михаилъ и Петръ еще держатся, а я окончательно ослабѣлъ. Мнѣ трудно сидѣть у костра, трудно подняться, чтобы достать чашку изъ мѣшка, лѣнь даже разуться, хотя сапоги полны воды.

Быстро темнѣетъ надъ рѣкой. Вода изъ серебряной стала стальной. Вѣетъ отъ нея холодомъ.

Зажигаются звѣзды въ вышинѣ. Погасла заря надъ лѣсомъ. Ярче загорается костеръ.

Такъ эффектны эти перемѣны освѣщенія, такъ спокойно лежать на мягкой шкурѣ послѣ томительнаго грозового дня, что все окружающее кажется сномъ.

Вотъ, пышный кедровникъ за костромъ распустилъ свои вѣтки. Онъ весь отливаетъ краснымъ золотомъ, и вѣтви его, похожія на драгоцѣнныя свѣчи, движутся и тянутся къ небу.

Какъ мы попали сюда, къ этому странному свѣтильнику? Какъ попали мы на Челасинъ, о которомъ мы раньше ничего не знали, о которомъ мы никогда не думали?

Колокольчикъ лошади... Трескъ костра... Глухой говоръ лѣса... Плескъ воды...

Я лежу неподвижно съ открытыми глазами. Смотрю на костеръ и звѣздное небо надъ линіей лѣса. Слушаю...

И медленно плывутъ въ головѣ мысли,—легкія, неясныя, какъ дымъ надъ костромъ, и такія же неуловимыя, какъ этотъ дымъ...

VII.

На разсвѣтѣ Михаилъ разбудилъ меня:

— Вставайте! У насъ бѣда,—лошадь убѣжала...

— Какъ убѣжала? Куда?

— Въ Нельканъ. Догнать придется.

— Тьфу ты, чортъ! Вотъ неудача!

Отпечатки подковъ были ясно видны на пескѣ. Слѣдъ шелъ внизъ по теченію Челасина, въ ту сторону, откуда мы пришли наканунѣ.

— Хорошо хоть, что путъ не скинула, замѣтилъ Михаилъ, всмотрѣвшись въ слѣдъ на пескѣ: обѣими ногами разомъ скачетъ. Далеко не могла убѣжать.

— Вѣроятно, гдѣ-нибудь здѣсь, на берегу пасется.

Но колокольчика вблизи не было слышно. Прошли мы по берегу съ версту. Все время слѣды на пескѣ были видны отчетливо, ясно. Но вдругъ слѣдъ пропалъ въ изгибѣ рѣки. Можетъ быть, наша бѣглянка углубилась отсюда въ лѣсъ,—тѣмъ болѣе, что деревья здѣсь рѣдкія, а земля

покрыта травой. А можетъ быть, она продолжала идти вдоль воды.

— Я рѣкой пойду! предлагаетъ Михаилъ,—а вы осмотрите лѣсокъ.

Мы раздѣлились.

Въ лѣсу, между ветлами и тоненькими березками, слѣдовъ я не нашелъ. Сперва, на рѣдкой травѣ, вообще ничего нельзя разглядѣть. Но затѣмъ встрѣтилась рощица, заросшая густой, сочной травой. За мной оставался ясно видный слѣдъ смятой травы, а кругомъ обрызганная росой трава стояла нетронутой.

Ясно было, что черезъ рощицу этимъ утромъ никто не проходилъ—ни человѣкъ, ни лошадь. Я рѣшилъ идти вдоль рощи.

Вдругъ издали донесся до меня револьверный выстрѣлъ.

— Михаилъ стрѣляетъ... Вѣроятно, нашелъ лошадь...

Я бросилъ поиски и, не спѣша, двинулся въ обратный путь къ мѣсту ночной стоянки.

Снова выстрѣлъ и почти непосредственно вслѣдъ за нимъ другой.

— Что-то случилось.

Бѣгу на звукъ выстрѣловъ. Не выбирая дороги, пробираюсь сквозь чащу, спотыкаюсь, падаю и, поднявшись, продолжаю бѣжать.

Вотъ и рѣка. Я выбрался на берегъ шагахъ въ 50 отъ нашей палатки.

У догорающаго костра сидитъ Петръ. Спокойно мурлыча что-то подъ носъ, онъ чинитъ свои „обутки“ изъ сѣрой коровьей шкуры.

— Что случилось?

Тунгусъ смотритъ на меня и трясетъ головой:

— Дрянь-дѣло! Лошадь—Нельканъ барда.

— Гдѣ Михаилъ?

Тунгусъ отвѣчаетъ все также невозмутимо:

— Нельканъ барда. Лошадь нашелъ.

— Нашелъ? радостно переспрашиваю я.

— Нашелъ, нашелъ... Нельканъ... Дрянь-дѣло.

Значитъ, выстрѣлами Михаилъ, извѣщалъ меня, что онъ поймалъ лошадь. Но почему онъ стрѣлялъ три раза? Вѣроятно, подумалъ, что на первый выстрѣлъ я не обратилъ вниманія.

Успокоенный, я опускаюсь на землю. Раздулъ тлѣющіе подъ золой угли, подсыпалъ хвороста въ костеръ и жду Михаила.

Но Михаилъ не идетъ.

— Дагоръ, говорю я тунгусу: ты Михаила видѣлъ?

— Видѣлъ. Лошадь нашелъ.

Остается терпѣливо ждать.

Наконецъ, Михаилъ показался вдали. Изъ-за деревьевъ вышелъ онъ на берегъ и, медленно, тяжело ступая, идетъ къ палаткѣ. По его виду я понялъ, что случилось съ нимъ что-то неладное. Въ лицѣ у него ни кровинки, руки висятъ, спина согнулась.

Я бросился на-встрѣчу къ нему.

— Что съ вами?

— Сейчасъ разскажу.

Михаилъ съ трудомъ ворочаетъ языкомъ, зубы его стучатъ, губы посинѣли, весь онъ промокъ... и его бьетъ ознобъ...

*

Выпивъ глотокъ коньяка, Михаилъ разсказалъ мнѣ, что съ нимъ случилось.

За изгибомъ рѣки онъ нашелъ слѣдъ подковъ и съ полверсты шелъ по слѣду. Ниже острова, раздѣляющаго рѣку на два рукава, слѣдъ оборвался,—видно было, что въ этомъ мѣстѣ лошадь сошла въ воду. Оглядѣвшись Михаилъ замѣтилъ, что сажень на сто ниже по теченію рѣки что-то бѣлѣетъ на отмели. Всмотрѣлся,—и разобралъ, что это трупъ лошади. Тогда онъ побѣжалъ къ мели,—думалъ, что лошадь еще не захлебнулась, что ее удастся привести въ чувство. Сперва бѣжалъ берегомъ, затѣмъ пошелъ вбродъ черезъ рѣку. Второпяхъ даже палки не взялъ съ собою. На срединѣ рѣки почувствовалъ, что теченіе слишкомъ сильно. Но возвращаться было поздно, лучше было какъ-нибудь, хоть вплавь, пробиваться къ желтѣющей посрединѣ рѣки мели. Такъ Михаилъ и сдѣлалъ. Но напрасно надѣялся онъ на свои силы,—теченіе сбило его съ ногъ и понесло... А тутъ еще вода захлестнула мягкую шляпу съ сѣткой, шляпа налѣзла на глаза, сѣтка запуталась вокругъ шеи, и Михаилъ не видѣлъ, куда несетъ его. Старался только держать голову поверхъ воды. Когда Михаилу удалось освободиться отъ сѣтки, онъ въ двухъ саженяхъ отъ себя увидѣлъ огромную корчагу. Вырванная съ корнемъ старая лиственница застряла на быстринѣ. Михаила несло прямо на нее.

Почти безсознательно онъ поднялъ вверхъ руки, чтобы защитить голову. И въ тотъ же мигъ его съ силой ударило о корчагу. Ухватившись руками за корни, Михаилъ повисъ на нихъ. Но теченіе подтянуло подъ дерево его ноги...

Опереться ногами о корни не удалось. Теченіе подтягивало подъ стволъ и туловище.

Тогда Михаилъ вспомнилъ о револьверѣ. Освободивъ правую руку, онъ досталъ револьверъ изъ кармана и выстрѣлилъ въ воздухъ. Надѣялся, что я услышу и прибѣгу на выручку. Спустя нѣсколько минутъ снова выстрѣлилъ два раза.

Не дождавшись помощи, рѣшилъ, что я далеко и что разсчитывать приходится лишь на собственныя силы. Сунувъ револьверъ за пазуху, онъ пытался выбраться изъ воды, подымаясь на рукахъ. Чтобы дать отдыхъ мускуламъ, сперва онъ спустился въ воду по горло, такъ что лежалъ на спинѣ, прижатый силой теченія къ стволу дерева. Затѣмъ, когда руки отдохнули немного, онъ началъ карабкаться, вытягивая вершокъ за вершкомъ тѣло изъ подъ корчаги.

Тутъ пригодились Михаилу его необыкновенная выносливость и сила. Ему удалось подняться на рукахъ настолько, что подъ колѣномъ оказалась надежная опора. А послѣ этого нетрудно было вылѣзти на торчащіе поверхъ воды корни.

Отдышавшись, Михаилъ по мелкому мѣсту перебрался на лѣвый берегъ рѣки. Прошелъ по берегу вверхъ до брода и вернулся къ мѣсту стоянки тѣмъ путемъ, какимъ мы шли наканунѣ.

Приключеніе съ корчагой, едва не стоившее жизни Михаилу, заставило насъ на время забыть о томъ, въ какое положеніе попали мы, лишившись лошади. Но отдохнувъ, Михаилъ вернулся къ дѣловымъ заботамъ.

— Что же мы дѣлать будемъ теперь?

Этимъ вопросомъ онъ открылъ нашъ военный совѣтъ.

Мнѣ казалось, что положеніе не окончательно плохо.

— Мы въ ста верстахъ отъ Нелькана,—принялся высчитывать я: этотъ путь мы прошли въ четыре дня. Обратная дорога у насъ возьметъ столько же. Пожалуй, даже меньше. Значитъ, можемъ взять съ собой провизіи на три-четыре дня и идти себѣ спокойнѣйшимъ образомъ обратно въ Нельканъ. Вотъ и все!

Михаилъ хмурился:

— Вы больно просто считаете. А багажъ какъ? Здѣсь бросить?

— Что же вы другое придумаете?

— Самъ не знаю. Въ Аянъ идти—нечего и думать теперь. А если ворочаться?.. Въ Сегынахѣ, что-ли вещи оставить? Не годится! Вотъ, что, пожалуй... Взгляните-ка, куда Челасинъ впадаетъ. Можетъ, по рѣкѣ вернемся...

Я развернулъ карту. На ней значилось, что рѣка отъ того мѣста, гдѣ мы находились, течетъ прямо на сѣверъ; затѣмъ, послѣ впаденія Маиля, сворачиваетъ къ сѣверо-востоку и впадаетъ въ Уй; а Уй течетъ въ сѣверо-западномъ направленіи и вливается въ Маю на нѣсколько десятковъ верстъ выше Нелькана.

Я ухватился за мысль Михаила:

— Смотрите, какъ хорошо! По Челасину спустимся до Уя, по Ую до Маи, а тамъ до Нелькана рукой подать.

— А чѣмъ плотъ вязать будемъ?—колебался Михаилъ.

— Веревками свяжемъ! Снимемъ путы съ лошади.

— Плотъ-то связать въ самомъ дѣлѣ не долго. А

какъ поплывемъ? Помните, что намъ про Челасинъ говорили въ Нельканѣ?

— Да ничего особеннаго не говорили! Говорили, что въ полную воду тутъ опасно. А теперь засуха, мелководье. Теперь рѣка спокойна.

— Хороша—спокойна! Глядите!

Неожиданно вмѣшался въ разговоръ Петръ.

Сердито глядя на насъ, онъ заговорилъ.

— Барда надо! Аянъ барда надо...

— Дагоръ,—обратился къ нему Михаилъ: ты рѣку знаешь? Хорошая рѣка? Плыть можно?

— Цохъ. Дрянь-дѣло. Аянъ надо!..

Петру не нравилось, что мы не хотимъ идти дальше въ Аянъ. Но считаться съ его неудовольствіемъ мы не могли.

— По рѣкѣ плыть можно?—настойчиво повторилъ свой вопросъ Михаилъ.

Петръ отвѣтилъ цѣлой рѣчью. Ясно было, что онъ кого-то ругаетъ—не то насъ, не то лошадь, не то рѣку. Изъ его рѣчи мы поняли лишь два послѣднія слова:

— Умирай можно.

— Почему?—переспросилъ я.

И вспомнивъ, что по-якутски вода будетъ „атта“, прибавилъ увѣренно:

— Атта учугэй!

Петръ возразилъ:

— Челасинъ дрянь-дѣло. Много русскій мальчикъ умирай. Аянъ барда надо!

Михаилъ угрюмо потупился.

— Нельзя плыть!—рѣшилъ онъ.

— Это вы изъ словъ Дагора вывели?—возразилъ я: Такъ вѣдь онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы мы не оставили его одного. Хитритъ! Послушать его, такъ онъ еще не такихъ ужасовъ разскажетъ. А рѣка превосходная!

— Попробовать развѣ?

Мы встали оба и пошли вдоль берега къ тому мѣсту, гдѣ утромъ случилось несчастье съ Михаиломъ.

Ниже острова вода бурлила, какъ въ котлѣ. Здѣсь сливались два потока. Съ шумомъ клубилась пѣна, и оторвавшіеся брызги ея уносились вдаль теченіемъ рѣки.

Было близко къ полудню. Солнце стояло высоко. Лѣсъ изнывалъ отъ жары. Но надъ рѣкой было свѣжо, дышалось легко.

Безмолвно стояли деревья. И въ этомъ безмолвіи особенно отчетливо слышался говоръ рѣки.

Мы смотрѣли вдаль.

Тамъ, за стройными пихтами, похожими на крымскіе кипарисы, надъ водой колыхалась полупрозрачная завѣса. Это не былъ туманъ, это не были водяные брызги. Таинственная прелесть голубой дымки надъ рѣкой смѣялась, манила насъ туда, въ невѣдомую тайгу.

Являлось желаніе идти, идти безъ конца.

Мы стояли надъ водой, смотрѣли вдаль, рѣка шептала намъ, чтобы мы довѣрились ей, рѣка сулила показать намъ всѣ тайны тайги, въ которой не ступала еще нога человѣка.

На отмели бѣлѣлъ трупъ нашей лошадки. Ниже, надъ быстриной, торчали корни лиственницы, около которой утромъ бился Михаилъ. Но мы не смотрѣли на эти предостереженія.

— Попробуемъ!—сказалъ Михаилъ. На берегу лежали

стволы деревьевъ съ ободранной корой. Весной вода свалила ихъ гдѣ-то въ Джугджурскихъ горахъ, рѣка подхватила ихъ, пронесла черезъ тайгу и выбросила здѣсь на берегъ.

Михаилъ внимательно осмотрѣлъ, ощупалъ одинъ изъ стволовъ и остался доволенъ:

— Для плота лучше и не надо! Крѣпкое дерево и сухое.

— Значитъ, принимаемся за работу! Вы умѣете плотъ вязать?

— Видѣлъ, какъ вяжутъ на Волгѣ. Вспомнимъ. Пойдемте пока за топоромъ.

— А не лучше ли сперва пообѣдать? Закусимъ, а затѣмъ перетащимъ все сюда, устроимъ верфь...

— Можно! Только, не знаю, какъ съ обѣдомъ быть... Провизіи-то у насъ маловато...

— Кстати, и запасы подсчитаемъ.

Такимъ заманчивымъ казалось предстоящее путешествіе по Челасину, что мы не жалѣли уже о томъ, что намъ не удастся дойти до Аяна и взглянуть на Охотское море.

VIII.

Когда мы подсчитали запасы, положеніе наше оказалось хуже, чѣмъ мы предполагали.

У насъ оставалось четыре банки консервовъ, фунтовъ 10 сухарей, фунтовъ пять сахару. Соль подмокла и разсыпалась.

А всего хуже было то, что подмокли спички, и отъ сырости разбухли бумажныя гильзы патроновъ.

Остаться въ тайгѣ безъ провизіи, безъ огня, безъ

оружія намъ не улыбалось. Нужно было спѣшить съ постройкой плота.

Пока Михаилъ выбиралъ бревна, я разложилъ на галькѣ наши испорченные водой припасы—подмокшіе сухари, сахаръ, соль, спички, патроны. Петръ сталъ просить, чтобы я отдалъ ему часть провизіи. Говорилъ, мѣшая русскія и тунгусскія слова, прикладывая руки то ко рту, то къ животу.

Я сказалъ ему:

— Помогай намъ работать, плотъ вязать! Тогда всего дамъ тебѣ. А не будешь работать,—ничего не получишь. Понялъ?

Петръ отвѣтилъ:

— Работай надо!

И онъ показалъ мнѣ длинный гвоздь, который вытащилъ на дорогѣ изъ разбитыхъ нартъ.

Я разсмѣялся и крикнулъ Михаилу:

— Смотрите, Петръ предлагаетъ плотъ гвоздями сколачивать!

Тунгусъ разсердился на мой смѣхъ, отошелъ въ сторону, отыскалъ на берегу круглый камень и, сѣвъ на песокъ, принялся отбивать гвоздь, заостряя конецъ его.

Съ помощью палки я перешелъ рѣку и добрался до трупа лошади на мели. Хотѣлъ снять веревку и поводъ. Но веревка разбухла отъ воды. Я напрасно напрягалъ всѣ силы, чтобы стянуть путы съ закостенѣвшихъ ногъ лошади. Пальцы коченѣли въ ледяной водѣ, изъ подъ сломанныхъ ногтей сочилась кровь. А тутъ еще вода стала подмывать, сбивать съ мели трупъ. Я испугался, какъ бы теченіе не снесло лошадь и веревки. Кликнулъ на помощь

Петра, который все еще возился на берегу съ гвоздемъ.

Тунгусъ взялъ со дна два плоскихъ камешка и при помощи ихъ быстро сбилъ узлы. Веревка распуталась сама собой.

Послѣ этого Петръ счелъ свою роль въ постройкѣ плота исполненной и ушелъ отъ насъ вверхъ по рѣкѣ.

Мы съ Михаиломъ продолжали работать. Работа кипѣла. Къ вечеру у нашей палатки лежало 6 бревенъ, каждое въ двѣ съ половиной сажени длиной и не меньше 5 вершковъ въ поперечникѣ. Бревна были сухія. Каждое выдерживало на водѣ тяжесть одного человѣка.

Но связать бревна намъ долго не удавалось. Сперва мы попытались вязать ихъ на берегу. Потомъ вспомнили, что плотъ нужно вязать на водѣ. Но оказалось, что на быстромъ теченіи выполнить эту задачу невозможно. Тогда мы построили около берега на мелкомъ мѣстѣ небольшую плотину изъ камней. Получился бассейнъ, вродѣ заводи. Спустили сюда бревна и принялись скрѣплять ихъ. Дѣло пошло только тогда, когда Михаилъ догадался приладить къ концамъ плота два поперечныхъ бруска. Бревна, притянутыя веревками къ этимъ брускамъ, держались на водѣ недурно. Но плотъ былъ ненадеженъ: мы попробывали расшатать его, ударяя то тѣмъ, то другимъ концомъ о камни,—и бревна полѣзли врозь.

Михаилъ предложилъ притесать бревна одно къ другому, вырубить въ нихъ глубокій пазъ для поперечниковъ и сдѣлать зарубки для веревокъ. Сняли веревку съ бревенъ, развѣсили ее для просушки и снова принялись за топоръ.

Работать теперь приходилось по колѣно въ водѣ, пригоняя одно бревно къ другому въ томъ положеніи, какъ держалась она на рѣкѣ.

Руки и лица у насъ распухли отъ комариныхъ укусовъ. Но не было времени думать ни о сѣткахъ, ни о перчаткахъ.

Наконецъ, всѣ бревна готовы. Остается связать ихъ, и можно отчаливать.

Но уже спустилась ночь. Мы оба выбились изъ силъ. Нужно отдохнуть, подкрѣпиться.

Откладываемъ окончаніе работы на утро. Разводимъ костеръ и садимся отдыхать. Михаилъ предупреждаетъ мой вопросъ объ ужинѣ:

— Сваримъ какао!—предлагаетъ онъ:—съ сухариками и вкусно будетъ, и сытно.

— А консервовъ не дадите?—полушутя спрашиваю я.

Михаилъ отвѣчаетъ серьезно и внушительно, почти мрачно:

— Нѣтъ, консервовъ не дамъ! Консервы беречь надо.

Я не спорю.

Вспомнили о Петрѣ:

— Куда онъ дѣвался? Съ самаго обѣда пропалъ...

Я съ утра злился на тунгуса. И отъ усталости, и отъ голода мое неудовольствіе противъ него усиливалось съ часу на часъ.

— Большая, все же, свинья нашъ Дагоръ,—говорю я Михаилу.—Почему онъ не помогалъ намъ сегодня строить плотъ?

— Да онъ не умѣетъ.

— Отлично умѣетъ! Только не хочетъ. Вообще онъ—себѣ на умѣ, хитрая шельма. Когда нужно,—все видитъ, все понимаетъ. Когда нужно,—дурачкомъ прикидывается.

Изъ лѣсу донесся протяжный рѣзкій крикъ.

— Э—у—э...

— Вотъ и Петръ!—замѣчаетъ Михаилъ:—легокъ на поминѣ...

Дѣйствительно, къ костру приближается нашъ спутникъ-тунгусъ. Въ рукахъ у него, на кольцѣ изъ тонкаго березоваго прутика, три большихъ рыбы.

Онъ торжественно протягиваетъ мнѣ добычу, садится у костра и смѣется, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ.

Мы осматриваемъ, ощупываемъ рыбъ. Двѣ похожи на щуку,—у нихъ серебристая чешуя и остроконечныя головы. Третья рыба сѣровато-зеленая, очень толстая, съ огромной головой, съ вывернутой верхней губой и нависшими надъ пастью усами, сообщающими ей странное выраженіе, свирѣпое и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшное.

— Вотъ это кстати!—ликуетъ Михаилъ, поочередно взвѣшивая на рукѣ то одну рыбу, то другую.—Въ нихъ фунтовъ 6 будетъ, а въ этой, усатой, и всѣ 8. Сейчасъ уху соорудимъ.

Михаилъ возится съ рыбой, потрошитъ, чиститъ ее. Я подбрасываю сучья въ костеръ и разспрашиваю Петра, какъ умудрился онъ наловить рыбу безъ удочки и безъ сѣти. Тунгусъ показываетъ свою рыболовную снасть. Это длинная палка, къ концу которой на коротенькой веревкѣ привѣшенъ изогнутый, остро отточенный гвоздь. Къ гвоздю привязана еще другая веревка, подлиннѣе. Рыболовъ держитъ палку надъ рѣкой, такъ что крючокъ оказывается погруженнымъ въ воду. Дергая за веревку, онъ заставляетъ крючекъ дѣлать быстрые скачки въ любую сторону. Искусство заключается въ томъ, чтобы подкараулить рыбу и

подцѣпить ее на крючекъ, прежде чѣмъ она почуетъ опасность.

— Молодецъ дагоръ!—хвалю я Петра.

Онъ такъ и сіяетъ отъ удовольствія. Затѣмъ, вспомнивъ, что я предлагалъ ему работать, онъ начинаетъ высчитывать:

— Малвѣдь убивай—умѣй! Рыба убивай—умѣй! Больше не умѣй—дуракъ.

Надъ костромъ ужъ виситъ котелокъ.

На вечернюю уху мы пустили самую большую рыбу. Двѣ другія мы оставили на завтра,—выпотрошивъ и очистивъ, спустили ихъ въ воду и тщательно обложили кругомъ камнями, чтобы ихъ не унесло теченіемъ.

— Эхъ, соли мало!—вздыхаетъ Михаилъ, шевеля прутикомъ рыбу въ котелкѣ.

Но и недосоленая уха превосходна. Сочные, жирные куски рыбы, нѣжная икра, густой, вкусный отваръ.

Намъ едва хватило полнаго котелка на троихъ. Заснули съ пріятнымъ ощущеніемъ сытости и спокойствія.

Утромъ Михаилъ разбудилъ меня и съ первыхъ словъ заговорилъ объ ухѣ.

— Давайте, съ утра сваримъ уху! Пока варится, свяжемъ плотъ, потомъ—позавтракаемъ, и—въ путь. А въ обѣденное время разогрѣемъ остатки ухи.

— Зачѣмъ такое торжественное расписаніе?—смѣялся я.

Но Михаилъ серьезенъ:

— А вы не забывайте, какой намъ день предстоитъ! По какой рѣкѣ плыть; это не по дорогѣ идти. На дорогѣ—споткнулся, упалъ, поднялся,—и пошелъ дальше. А здѣсь... Вы на плоту плавали?

— Никогда.

— То-то и есть! Тутъ придется слѣдить. Ослабѣетъ рука или глазъ измѣнитъ,—и пиши пропало...

Михаилъ, быть можетъ, нарочно преувеличиваетъ опасность, чтобы заставить меня серьезнѣе относиться къ дѣлу. Но меня опьяняетъ утренній воздухъ и предстоящая дорога. Мнѣ хочется шутить, смѣяться, дурачиться.

Съ помощью Петра связали мы плотъ. Теперь бревна пришлись плотно другъ къ другу. Пробуемъ расшатать ихъ, но плотъ выдерживаетъ всѣ толчки.

— На такомъ плоту можно съ Ніагары спуститься!—ликую я.

Но Петръ предупреждаетъ насъ:

— Дрянь-дѣло. Умирай надо... Много мальчикъ умирай...

И онъ начинаетъ просить насъ, чтобы мы дали ему иголку, нитокъ, спичекъ. Показываетъ жестами, что ему нужно, и все повторяетъ:

— Умирай надо...

Смыслъ его рѣчи таковъ:

— Вы, братцы, все равно себѣ шею свернете. Такъ зачѣмъ вещамъ съ вами пропадать? Лучше мнѣ отдайте!

Мы даемъ Петру и сухарей, и нитокъ, и спичекъ, и пару иголокъ. Я прибавляю еще нѣсколько кусковъ сахару, такъ какъ чувствую къ нашему спутнику положительную нѣжность за добытую имъ рыбу.

Пристроили посерединѣ плота „подтоварникъ“ для вещей, покрыли корму и носъ еловыми вѣтками, поверхъ нихъ разостлали на кормѣ шкуру, приладили правила, вырубили длинные шесты. Теперь все въ порядкѣ.

Уха поспѣла надъ костромъ. Поспѣлъ и чай. Садимся завтракать.

Петръ встаетъ первымъ съ земли и начинаетъ собираться въ путь. Мы больше не интересуемъ его, и онъ не желаетъ даже присутствовать при томъ, какъ мы отчалимъ отъ берега.

Увязавъ въ мѣшокъ свои пожитки, тунгусъ бросилъ намъ прощальную фразу и быстрыми, легкими шагами пошелъ отъ нашей стоянки. Вотъ скрылась за деревьями его рубаха. Мы остались одни.

И странное дѣло,—въ дорогѣ тунгусъ былъ намъ въ тягость. А теперь, когда онъ ушелъ, мы сразу почувствовали, что безъ него намъ чего-то не хватаетъ.

Будто исчезла живая связь, которая была между нами и тайгой. Петръ былъ близокъ тайгѣ и близокъ намъ. Онъ понималъ тайгу, мы понимали его...

Но некогда философствовать. Солнце давно показалось надъ лѣсомъ. Пора отчаливать.

Мы увязали вещи и уложили ихъ на плоту. Особенно тщательно установили котелокъ съ остатками ухи.

Затѣмъ вывели плотъ изъ нашей искусственной заводи. Михаилъ сталъ на носъ, а я на корму. У обоихъ шесты въ рукахъ. Михаилъ предупреждаетъ меня.

— Я буду править, а вы только выравнивайте вашъ конецъ.

Налегли на шесты, оттолкнулись отъ берега,—и разомъ струя подхватила и понесла насъ.

IX.

На серединѣ рѣки теченіе оказалось быстрѣе, чѣмъ мы ожидали. Такъ быстро скрылись вдали высокія жерди палатки на берегу, и зеленый островъ, прорѣзавшій рѣку, и

бѣлѣвшій на отмели трупъ лошади! Такъ быстро приблизились пихты, за которыми виднѣлась съ мѣста нашей стоянки манящая пелена!

Въ лицо била струя свѣжаго, бодрящаго вѣтерка. Деревья и кусты на берегу мелькали передъ глазами. Каждая минута открывала новыя картины.

И казалось страннымъ, при такой быстротѣ, что плотъ летитъ впередъ плавно, ровно, будто не движется совсѣмъ, а покоится среди камышей въ тихомъ озерѣ. Рядомъ съ плотомъ, не отставая отъ него, плыли на поверхности воды осколки коры, соскользнувшія съ плота зеленыя вѣтки, брызги водяной пѣны. И шесты, которые мы держали наготовѣ опущенными въ воду, не возмущали рѣчной глади, но тихо лежали въ стремительномъ потокѣ, какъ посреди спящаго озера.

Опираться шестами въ дно рѣки было невозможно,—шесты гнулись, вырывались изъ рукъ. Управлять плотомъ можно было лишь при помощи короткихъ боковыхъ ударовъ.

Мы не сразу освоились съ рѣкой, не сразу научились поворачивать плотъ и направлять его по теченію. Но когда мы овладѣли этимъ не хитрымъ искусствомъ, плаванье перестало казаться намъ рискованнымъ и опаснымъ.

Широко разставивъ ноги, опираясь носками въ крайнія, толстыя бревна, стояли мы на плоту и неслись въ даль мимо фантастически прекрасныхъ береговъ.

Рѣка становилась болѣе извилистой. Тѣснѣе сдвигались берега ея. Но мѣстами прибрежные холмы раздвигались, къ рѣкѣ сбѣгали изумрудныя лужайки, вдоль воды показывалась полоса желтаго песку или гальки.

Въ одномъ мѣстѣ теченіе рѣки оказалось перегоро-

жено лиственницей, обрушившейся съ лѣваго крутого берега.

Огромное дерево легло поперекъ рѣки. Вершина покоилась на отмели праваго берега, стволъ опирался въ лѣвый берегъ на высотѣ полуаршина отъ поверхности воды.

Вовремя замѣтивъ опасность, мы успѣли причалить къ берегу. Вытащили плотъ на отмель и пошли осматривать лиственницу. О томъ, чтобы своротить ее въ сторону при помощи рычаговъ, нечего было и думать. Невозможно было ни провести плотъ подъ стволомъ на глубинѣ, ни протащить его поверхъ вѣтвей у правого берега. Оставалось рубить дерево.

Михаилъ выбралъ мѣсто и, усѣвшись верхомъ на деревѣ, принялся за работу. Пока онъ тюкалъ топорикомъ, иступившимся при постройкѣ плота, я развелъ на берегу костеръ, разогрѣлъ остатки утренней ухи, сварилъ чай, укрѣпилъ клиньями ослабѣвшія веревки на плоту и заложилъ вѣтками образовавшіяся между бревнами щели.

Здѣсь задержались мы часа два.

Наконецъ, удалось расчистить путь. Можно ѣхать.

Провели осторожно плотъ черезъ лиственницу и весело плывемъ дальше.

Слѣва отъ насъ мелькнула надъ деревьями двойная вершина каменистой горы,—мелькнула и скрылась. Я узналъ голецъ, на который мы обратили вниманіе, пересѣкая тайгу.

— Киваги! говорю я Михаилу, указывая на гору. Много отъѣхали мы съ утра? Какъ думаете?

Верстъ 60 отъѣхали.

— Значитъ, скоро и Уй?

— Не такъ-то скоро. Все время петлями идемъ.

— А хорошая все же рѣка! Глядите благодать какая.

Но Михаилъ не раздѣляетъ моего восторга. Стоя на носу, онъ пристально всматривается въ даль. Брови его насуплены. Руки нервно сжимаютъ шестъ. Онъ серьезенъ, озабоченъ. А мнѣ весело.

— И комаровъ нѣтъ, продолжаю я расхваливать рѣку: и прохладно! А главное—ѣдешь себѣ бариномъ, какъ въ автомобилѣ... Одно удовольствіе!

Теперь у насъ по лѣвую руку крутой, заросшій лѣсомъ берегъ, а справа галька, легкій кустарникъ да нѣжныя ветлы среди болотныхъ кочекъ. А вдали, за низменной полосой, тянется гряда обрывистыхъ каменистыхъ гольцевъ. Вершины ихъ образуютъ неровный, изорванный гребень. Солнце играетъ на этомъ гребнѣ, и кажется будто каменные гиганты бѣгутъ откуда-то съ самаго горизонта къ рѣкѣ, наперерѣзъ нашему плоту.

Издали доносится глухой шумъ воды.

— Къ берегу! кричитъ Михаилъ: Направо!

Теченіе настолько стремительно въ этомъ мѣстѣ, что трудно выбить плотъ съ главной струи. Къ тому же струя бьетъ объ крутой лѣвый берегъ, а мы хотимъ пристать къ противоположному берегу, покрытому галькой.

Шесты гнутся и трещатъ. Но, наконецъ, намъ удалось повернуть плотъ носомъ направо. Теперь теченіе само выталкиваетъ насъ на мелкое мѣсто.

— Къ берегу! повторяетъ Михаилъ: Тутъ съ рѣкой что-то неладное.

Дѣйствительно, впереди не видно продолженія рѣки. Лѣсистый берегъ подъ прямымъ угломъ заворачивается направо и зеленой стѣной стоитъ передъ нами. А съ другой стороны рѣки, вплоть до этой стѣны тянется галька. За

нею, совсѣмъ близко, громоздятся каменистые уступы холмовъ, гряда которыхъ тянется до горизонта... Это добѣжали до рѣки каменные гиганты, спѣшившіе наперерѣзъ намъ.

Вытащивъ плотъ на песокъ, мы отправляемся внизъ по рѣкѣ изслѣдовать мѣстность.

Оказывается, галька не доходитъ до лѣваго лѣсистаго берега. Песчаная коса обрывается каменистымъ мыскомъ. Навстрѣчу ему выступаетъ такой же мысокъ отъ лѣваго берега.

Рѣка, ударившись о берегъ и отраженная зеленой стѣной, образуетъ водоворотъ и устремляется въ узкій проходъ между обоими каменистыми выступами. Въ это каменное окно, настолько узкое, что не трудно перепрыгнуть черезъ него, низвергается вся масса воды. За водопадомъ рѣка образуетъ крутую петлю, изгибается въ формѣ французскаго S, ударяется въ правый берегъ, поворачиваетъ вторично и дальше течетъ спокойно, имѣя справа обрывистыя горы, а слѣва пологій, поросшій лѣсомъ склонъ, мѣстами прерываемый болотами и лугами.

Какъ тутъ быть?

Первой нашей мыслью было развязать плотъ, перетащить его, бревно за бревномъ, черезъ песчаную косу выше водопада и связать снова за водопадомъ, на изгибѣ рѣки. Но оказалось, что тамъ глубина начинается у самого берега. На быстринѣ, гдѣ попадающая въ окошко вода ударяется въ противоположный правый берегъ, вязать плотъ нельзя. А въ тихой заводи выше этого мѣста глубоко,—вода покрываетъ здѣсь съ головой, да и берегъ крутой,—работать негдѣ.

Убѣдившись въ этомъ, мы ухватились за другую мысль: спустить плотъ порожнякомъ черезъ опасное мѣсто.

Но и это оказалось неосуществимо. Слишкомъ стремительно было паденіе воды въ окошкѣ между камнями. А дальше теченіе било мимо заводи, на значительномъ разстояніи отъ берега.

Пустить, что-ли, плотъ на волю теченія, а ниже, на удобномъ мѣстѣ, порехватить его?

И это представлялось дѣломъ рискованнымъ.

Стоя надъ водопадомъ, я пытался палкой вымѣрить глубину теченія на порогѣ. Вода вырвала палку у меня изъ рукъ. Едва удержавшись на ногахъ отъ толчка, я глядѣлъ вслѣдъ палкѣ, уносимой теченіемъ. Она ударилась о берегъ, отскочила отъ него на середину рѣки и уже скрывалась вдали.

Обломавъ вѣтку я бросилъ ее въ воду. Вѣтка ударилась въ томъ же мѣстѣ о берегъ и такъ же поплыла дальше. Мы стали бросать въ рѣку куски коры, сучья деревьевъ, столкнули въ воду пенекъ, валявшійся на пескѣ. Всѣ предметы плыли одинаково, въ одномъ и томъ же мѣстѣ ударялись о берегъ и одинаково отскакивали на середину рѣки.

— Спуститься развѣ на плоту? предложилъ Михаилъ.

Онъ прошелъ берегомъ къ тому мѣсту, о которое била водяная струя. Ощупалъ шестомъ берегъ,—въ этомъ мѣстѣ оказался скрѣпленный корнями плотный и упругій дернъ.

— Тутъ настоящій буферъ получается!—радостно сообщилъ Михаилъ, возвратившись ко мнѣ съ развѣдки: какъ есть, подушка. Мы даже не почувствуемъ толчка при ударѣ.

Рѣшили спуститься черезъ порогъ, стоя на плоту. Это рѣшеніе оказалось удачнымъ.

Къ порогу мы подвели плотъ съ множествомъ предосторожностей. Михаилъ, стоя на носу, шестомъ сдерживалъ плотъ, прижимая его къ мели. Я шелъ въ водѣ сзади, удерживая корму на ремнѣ.

Когда носъ плотно пришелся противъ порога, я началъ постепенно отпускать корму, въ то время какъ Михаилъ поворачивалъ носъ между камнями. Вотъ струя подхватила плотъ, съ силой рванула его...

— Садитесь!

Я едва успѣлъ ухватиться за заднюю перекладину и вскочить на плотъ. Насъ кинуло впередъ и внизъ. Летимъ, какъ будто на гигантскихъ качеляхъ. Духъ захватываетъ. Но движеніе ровное, плавное. И прежде чѣмъ плотъ ударился о берегъ, мы успѣли выставить шесты съ праваго борта. Разомъ ударились въ дернъ оба шеста, затѣмъ мягко плюхнулся о берегъ и плотъ.

Насъ отбросило на середину рѣки, и плотъ продолжалъ плыть, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Всего-то и есть? — смѣялся я: Да такъ мы хоть десять пороговъ пройдемъ.

Смѣется и Михаилъ:

— На этотъ разъ хорошо проѣхали,—соглашается онъ.

Теперь рѣка отъ лѣвой гряды холмовъ перекинулась къ обрывистымъ горамъ на правомъ берегу. Слѣва зеленѣетъ лѣсъ и трудно разобрать, подымается ли онъ отъ рѣки по отлогому скату, или покрываетъ низменную равнину.

Опять доносится издали глухой гулъ. Теперь теченіе прямое, открытое, рѣка видна на нѣсколько верстъ впередъ, не замѣтно ни пороговъ, ни крутыхъ поворотовъ. Но все же приходится быть насторожѣ.

Рѣка мѣняетъ свой видъ. Русло ея суживается. Посрединѣ рѣки появляются камни, увѣнчанные бѣлой пѣной. Огромные валуны торчатъ надъ водой, другіе подымаются со дна до поверхности воды, и рѣка съ ревомъ перекатывается черезъ нихъ.

Тутъ плыть опасно. Того и гляди,—плотъ наскочитъ на камень, лопнутъ веревки и разъѣдутся бревна. А теченіе все быстрѣе, — все стремительнѣе несется впередъ Челасинъ. Крѣпко упираясь ногами въ борта плота, стоимъ мы съ Михаиломъ, онъ на носу, я на кормѣ, и отбиваемся шестами отъ камней. Работать приходится изо всѣхъ силъ. Ни на минуту нельзя опустить онѣмѣвшую руку. Невозможно пристать къ берегу, чтобы передохнуть.

Такъ плыли мы съ часъ, а можетъ быть съ полчаса. Плыть пришлось прямо противъ солнца, спускавшагося къ горизонту. И солнце, слѣпившее глаза и игравшее въ рѣкѣ, еще болѣе затрудняло плаванье.

Мы вздохнули свободнѣе, когда берега рѣки раздвинулись, теченіе стало медленнѣе, исчезли валуны и подводные камни.

Сложивъ шесты, присѣли мы тогда на наши тюки, увязанные на серединѣ плота.

— Сколько мы проѣхали сегодня?—снова спрашиваю я.

— Не меньше полутораста верстъ. Пожалуй, по рѣкѣ и всѣ двѣсти,—соображаетъ Михаилъ. А сколько будетъ по прямой линіи, самъ чортъ не разберетъ.

Все шире становится рѣка, все медленнѣе теченіе. Берега отошли далеко, и кажется, будто плотъ остановился посреди пруда.

Всматриваемся въ камешки на днѣ,—дѣйствительно, теченіе почти прекратилось.

Въ заводь попали.

Уже поздно. Сгущаются сумерки. Всѣ члены скованы усталостью.

Все равно, пора на ночь устраиваться. Пусть прибьетъ къ берегу!

Не двигаясь, тихо сидимъ мы на плоту надъ засыпающей рѣкой, любуемся вечерней зарей, горящей въ небѣ и въ водѣ. Нѣга, разлитая въ воздухѣ, окутала насъ.

Весь день мы были на ногахъ. Работали изо всѣхъ силъ. Боролись съ рѣкой, побѣждали встававшія на нашемъ пути препятствія. И было особое упоеніе въ этомъ напряженіи силъ, и въ стремительномъ бѣгѣ плота, и въ опасности и въ жуткомъ сознаніи, что кругомъ, на сотни верстъ, нѣтъ ни души, что мы здѣсь одни, что вся наша надежда на собственныя руки.

А теперь такъ сладко, въ полудремотѣ, скользить надъ горящей золотомъ и пурпуромъ рѣкой, отдаваясь во власть надвигающейся ночи.

Вотъ, пристанемъ къ берегу, разведемъ костеръ... Плотъ вытащимъ на песокъ, обсушимся у огонька, напьемся чаю и заснемъ до утра... Завтра двинемся дальше... Хорошо бы наловить рыбы или подстрѣлить утку... Утка, пожалуй, даже лучше рыбы... хотя и уха хороша... Жалко, что мало осталось съ утра.

По мѣрѣ того, какъ сильнѣе даетъ себя чувствовать голодъ, все больше думаемъ мы объ ужинѣ...

Плотъ остановился у груды торчащихъ изъ воды ободранныхъ водою деревьевъ. Видно, весенняя полая вода принесла ихъ сюда съ высотъ Джугджура.

Стѣной лежатъ огромныя бревна. Иныя изъ нихъ поросли

сверху зеленымъ мохомъ. Иныя отливаютъ серебромъ. Иныя потемнѣли отъ воды и готовы развалиться отъ ветхости.

Я сошелъ съ плота на бревна. Опираясь на шестъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, поднялся повыше.

Передо мной лежала рѣка. Широкая въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановился нашъ плотъ, она дальше, тамъ, откуда приплыли мы, казалась узенькой лентой. Ясно видны были берега. Налѣво темнѣли пихты, направо тѣснились высокіе тополя со стройными свѣтлыми стволами и кудрявыми макушками, поднятыми высоко-высоко надъ землей.

Плотина тянулась во всю ширину рѣки, отъ берега до берега. И слышно было, какъ вода бѣжитъ внизу между стволами загородившихъ теченье деревьевъ.

Взобрался на плотину и Михаилъ.

— Это „пробка“, —объяснилъ онъ: На горныхъ рѣкахъ это бываетъ. Завтра разберемъ ее, а на сегодня будетъ...

Мы провели плотъ вдоль плотины къ лѣвому берегу рѣки и расположились на ночь среди тополей.

X.

Взошла луна надъ рѣкой. Ночь выдалась свѣтлая, чуткая. Было что-то волнующее въ ея прозрачномъ голубомъ полумракѣ.

Красноватые отблески костра сплетались съ полосами луннаго свѣта, тянувшимися съ рѣки и исчезавшими въ глубинѣ лѣса между громадами тополей.

Деревья вокругъ казались колоннами величественнаго храма. Насколько хваталъ глазъ, выступали изъ мрака высокіе, стройные стволы, — всѣ одинаково прямые, круглые, цвѣта стараго матоваго серебра. Не видно было ни вѣтвей,

ни листьевъ,—кроны начинались такъ высоко, что до нихъ не доходили отблески костра, и такъ густа была листва, что сквозь нее не видно было ни звѣздъ, ни луны. Казалось, стоятъ безчисленныя серебристыя колонны, а на нихъ покоится невидимый сводъ.

Воздухъ былъ насыщенъ густымъ, одуряющимъ ароматомъ. И этотъ смолистый ароматъ, непохожій на ароматы цвѣтовъ, напоминалъ запахъ ладана и довершалъ сходство тополеваго лѣса съ храмомъ...

Утромъ, при свѣтѣ солнца, таинственная прелесть лѣса исчезла. Стволы стали свѣтло-сѣрые, а не серебряные. Между великанами—тополями оказались заросли мелкаго кустарника. Здѣсь и тамъ виднѣлись на землѣ громады свалившихся отъ старости деревьевъ.

Мы проснулись съ ощущеніемъ голода. Хотѣли раскупорить для завтрака одну изъ оставшихся четырехъ банокъ консервовъ, но рѣшили отложить эту роскошь до обѣда. А пока напились какао съ ржаными сухарями. Впрочемъ, и на сухаряхъ пришлось экономить.

Нужно было серьезно подумать о пополненіи пищевыхъ запасовъ...

Невдалекѣ отъ нашей стоянки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ примыкалъ къ берегу буреломъ, вглубь лѣса убѣгала протока съ медленнымъ теченіемъ, съ множествомъ поросшихъ камышами заливовъ. Казалось, тутъ должно быть много рыбы.

— Вотъ Петра съ нами нѣтъ,—вздыхалъ Михаилъ:— онъ бы тутъ наловилъ рыбы!

Безъ большой надежды на успѣхъ, онъ принялся устанавливать удочки и переметы въ протокѣ. А я пошелъ

вглубь лѣса изслѣдовать протоку,—хотѣлъ посмотрѣть, соединяется ли она съ рѣкой.

Подъ тополями идти было легко. Но дальше, за версту отъ рѣки, тополя стали мѣшаться съ ольхой, еще дальше пошла ветла и болотный кустарникъ. Нога проваливалась въ топкую грязь, прикрытую зеленой травой. Одолѣвали тучи комаровъ и мелкой, какъ дорожная пыль, мошкары.

Протока затерялась въ болотѣ. Я вернулся на рѣку.

Михаилъ уже покончилъ съ установкой удочекъ, и мы пошли вмѣстѣ съ нимъ на плотину.

Теперь, при солнечномъ свѣтѣ, мы могли осмотрѣть мѣстность.

Рѣка имѣла здѣсь въ ширину саженъ восемьдесятъ. Все это пространство было забито лѣсомъ. Бревна лежали одно на другомъ, торчали кверху, сплетались, какъ вѣнцы разрушенныхъ башенъ. И насколько хваталъ глазъ внизъ по теченію рѣки, все сплошь было заполнено корягами, бревнами, цѣлыми деревьями. Казалось, передъ нами лежатъ развалины огромнаго города.

Тяжелые лиственничные стволы, по которымъ мы шли, не поддавались подъ ногой. Въ этомъ отношеніи плотина была надежна. Но бревна торчали на значительной высотѣ надъ водой, трудно было удержать равновѣсіе, проходя по нимъ. А перебираться съ бревна на бревно приходилось или ползкомъ, цѣпляясь руками за гладкіе стволы, или прыгая, съ рискомъ свернуть себѣ шею.

Намъ сразу стало ясно, что плотъ придется бросить. Предстояло дойти до конца плотины, до чистаго теченія рѣки, срубить здѣсь новый плотъ и на немъ продолжать путь по Челасину.

Добрались до песчанаго островка, спустились на него.

За островкомъ опять начинался буреломъ. Все такъ же громоздились бревна, ободранныя деревья, коряги.

Мы шли надъ серединой рѣки. Внизу журчала вода. По бокамъ, слѣва и справа, стояли лѣса, а спереди и сзади не видно было ничего, кромѣ бурелома.

Много разъ мы срывались съ бревенъ, разбивали себѣ руки и ноги.

— Вотъ что!—сказалъ я, наконецъ Михаилу:—лучше намъ берегомъ идти. Тутъ мы рискуемъ пропустить боковыя протоки. А чистое теченіе мы и съ берега замѣтимъ.

— Можно и такъ. Вы ступайте правымъ берегомъ, а я пойду лѣвымъ.

На правомъ берегу оказалась тайга—пихты и ели, кедровникъ, лиственница. На опушкѣ лѣса, надъ самой рѣкой, зеленѣли кусты смородины, жимолости и якутской „охты“ или „алданскаго винограда“. Я обрадовался этой находкѣ. Смородина еще не поспѣла, но удлиненныя ягоды жимолости уже отливали синевой. Попробовалъ,—кислятина порядочная, но ѣсть можно. Съѣдобны и даже пріятны на вкусъ оказались и зеленыя ягоды „охты“.

Я торжествовалъ, — теперь намъ бояться нечего! Выйдетъ вся провизія, такъ будемъ питаться ягодами. Хорошо все устраивается: рѣка потопила нашу лошадку,—зато несетъ нашъ плотъ; тайга задержала насъ въ пути,—зато отнынѣ будетъ насъ кормить.

Съ этими мыслями пробирался я вдоль рѣки. Замѣтилъ направо просвѣтъ, бросился туда и вышелъ на рѣку.

Рѣка не широкая. Но теченіе быстрое, ровное. Плыть по ней можно. Нужно только найти мѣсто для постройки плота.

Иду по берегу рѣчки и соображаю, — откуда взялась она? Притокъ-ли это Челасина? Или боковая протока, свободная отъ лѣса?

Прошелъ по берегу шаговъ сто,—и уперся въ старую плотину. Лѣсная рѣчка съ звонкимъ журчаніемъ убѣгаетъ подъ бревна, будто смѣется надо мною. Налѣво все также тянется буреломъ, а впереди, за рѣчкой, зеленѣетъ тайга.

Перебрался по бревнамъ черезъ обманчивую рѣчку, и иду дальше.

Опять просвѣтъ между деревьями,—на этотъ разъ прямо предо мною. Я вышелъ къ довольно широкой и прямой рѣкѣ. Теченіе у нея медленное, берега топкіе. И течетъ она не въ Челасинъ, а изъ Челасина.

Вѣроятно, она теряется гдѣ-нибудь въ болотѣ, за чащею лѣса, какъ та протока, которую я изслѣдовалъ утромъ... Нужно идти дальше.

Черезъ протоку я перешелъ вбродъ и при этомъ, какъ на Аночѣ, угодилъ на глубокое мѣсто. Особенно глубоко было у противоположнаго берега, гдѣ вода подмыла и обнажила корни старой лиственницы.

На берегу попались густыя заросли шиповника, усѣянныя еще не облетѣвшими яркими цвѣтами. Кусты распространяли надъ рѣкой чудный пьянящій запахъ. Но шипы царапали руки, рвали платье. Идти впередъ становилось съ каждымъ шагомъ труднѣе. Все сильнѣе припекало солнце.

Было часа два пополудни. Не меньше трехъ часовъ шелъ я, не останавливаясь, а все по лѣвую руку отъ меня громоздились бревна, коряги, обломки деревьевъ.

На сколько верстъ тянется эта проклятая плотина? Скоро-ли конецъ ея?

Я никогда не слыхалъ и не читалъ до сихъ поръ о подобныхъ заторахъ, на десятки верстъ скрывающихъ теченіе рѣки. Смущало меня и то, что рѣка становилась, чѣмъ дальше, тѣмъ шире. Въ одномъ мѣстѣ между берегомъ, по которому я шелъ, и зеленымъ лѣсомъ на противоположномъ берегу было не меньше версты. И все это пространство было забито буреломомъ.

Наконецъ, на правомъ берегу лѣсъ смѣнился рѣдкимъ кустарникомъ. Я вышелъ на песчаную косу. Слѣва остался буреломъ, справа сверкала на солнцѣ вода.

Рѣка неслась изъ глубины лѣса и текла параллельно Челасину, отдѣленная отъ него узкой косой. Я дошелъ до конца косы,—тамъ лѣсная рѣка дѣлала поворотъ влѣво и скрывалась подъ буреломомъ. Но и буреломъ ниже впаденія лѣсной рѣки сворачивалъ влѣво. Челасинъ дѣлалъ здѣсь крутой изгибъ къ юго-западу.

Я перешелъ по бревнамъ на лѣвый берегъ, разсчитывая встрѣтить здѣсь Михаила.

Но нигдѣ на пескѣ не видно было слѣдовъ. Рѣшивъ, что Михаилъ еще не дошелъ сюда, я пошелъ вверхъ по теченію навстрѣчу ему. И только пройдя версты три, сообразилъ, что Михаилъ могъ идти по бурелому или тайгой, параллельно рѣкѣ,—потому и нѣтъ его слѣдовъ на пескѣ, а прошелъ онъ, навѣрное, дальше, чѣмъ я. Но не было смысла останавливаться, и я продолжалъ идти вверхъ по теченію къ нашей стоянкѣ.

Препятствій на лѣвомъ берегу оказалось больше, чѣмъ на правомъ. То и дѣло изъ-подъ бурелома уходятъ вглубь лѣса протоки. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ лѣсу выбѣгаютъ ручьи и впадаютъ въ Челасинъ, скрываясь подъ загромоздившими рѣку бревнами.

Переходя то по бурелому, то вбродъ ручьи и протоки, я все смотрѣлъ, откуда течетъ вода,—изъ Челасина или въ Челасинъ. И страннымъ, непонятнымъ казалось мнѣ, что ручьи чередуются съ протоками, что вода течетъ то вправо, то влѣво. Сперва я думалъ, что это обманъ зрѣнія, вызванный усталостью. Но началъ бросать куски коры и вѣтки въ встрѣчные ручьи,—и сомнѣнія разсѣялись. Вода, дѣйствительно, въ однихъ ручьяхъ бѣжала изъ лѣсу подъ буреломомъ, въ другихъ—изъ-подъ бурелома въ тайгу.

И лѣсъ на берегу былъ странный. Преобладалъ тополь, но мѣстами тополевая роща прерывалась, на протяженіи полуверсты шли жидкія, тонкія ветлы, а затѣмъ снова появились деревья-гиганты съ прямыми серебристо-сѣрыми стволами. А кое-гдѣ попадались и полосы таежнаго лѣса—пихты и лиственницы вперемежку съ березками, осинами и ольхой. Нигдѣ тайга не мѣшалась тополями, тополя не смѣшивались съ ветлами. Характеръ лѣса не мѣнялся отъ ручья до ручья. Но почти каждый ручеекъ оказывался границей между растительностью одного и другого вида.

Замѣтивъ, что рѣка описываетъ дугу, я рѣшилъ возвратиться къ палаткѣ напрямикъ—тайгой. Таежныхъ ручьевъ я не боялся, а на случай встрѣчи со звѣремъ достаточной защитой считалъ револьверъ.

Въ тайгѣ, въ сторонѣ отъ рѣки, было совершенно тихо и немного жутко. Но шелъ я увѣренно, какъ будто много разъ ходилъ этой дорогой и зналъ, что она должна привести меня къ нашей стоянкѣ. Когда попадались ягоды, останав-

ливался полакомиться. Попробовалъ красныя шишки шиповника,—у нихъ оказался мучнистый, немного приторный вкусъ, я рѣшилъ, что онѣ должны быть сытнѣе и питательнѣе, чѣмъ жимолость.

Къ началу сумерекъ передо мной показалось между стволами тополей обширное водяное пространство. Это было неожиданностью, такъ какъ я разсчитывалъ выйти на буреломъ.

Но когда я подошелъ къ водѣ, выяснилось, что буреломъ недалеко,—я вышелъ къ рѣкѣ на полверсты выше мѣста нашей стоянки.

Потому, насколько обратный путь оказался короче утренняго пути по правому берегу Челасина, я окончательно убѣдился, что подъ буреломомъ рѣка образуетъ петлю: въ началѣ Челасинъ бѣжитъ здѣсь на сѣверо-западъ, затѣмъ сворачиваетъ влѣво, къ западу, позже изгибается къ югу и бѣжитъ почти параллельно своему прежнему теченію, но въ противоположномъ направленіи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я пересѣкъ тайгою петлю, между двумя рукавами рѣки было не больше пяти верстъ. Но что представляетъ собою дальнѣйшее теченіе Челасина?

Я этого не узналъ. И я ждалъ возвращенія Михаила, въ надеждѣ, что онъ принесетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ ожиданіи, развелъ костеръ, вскипятилъ воду. Но не принимался за чай, не хотѣлось пить одному.

А усталость, между тѣмъ, брала свое. Я задремалъ и проснулся тогда, когда Михаилъ тронулъ меня за плечо:

— Ну, какъ дѣла?—спрашивалъ онъ:—дошли до чистаго мѣста?

— Нѣтъ. А вы?

— И я нѣтъ...

— Что-же мы будемъ дѣлать?

— А вотъ послѣ ужина подумаемъ.

Михаилъ раскупорилъ жестянку консервовъ со свининой въ горохѣ.

— Всего три осталось,—хмуро промолвилъ онъ, высыпая содержимое жестянки въ котелокъ.

— А удочки?—вспомнилъ я. — Вы ихъ осматривали?

— Осматривалъ, нѣтъ тамъ ни чорта.

— Это скверно.

— Даже очень. Завтра мы должны выдти на чистую протоку. Иначе — бѣда... Ягодами не проживешь... Я по рѣкѣ верстъ пятнадцать прошелъ. Все буреломъ, и конца ему не видно.

— Завтра найдемъ конецъ!—увѣрялъ я.

И я разсказалъ, какъ срѣзалъ, возвращаясь, петлю, образованную теченіемъ Челасина.

— Завтра, — предложилъ я, — пойдемъ прямо вглубь лѣса. Выйдемъ на рѣку верстъ на двѣнадцать отъ начала бурелома, а дальше пойдемъ вдоль воды.

Михаилъ согласился. И мы заснули въ увѣренности, что въ слѣдующій день пройдемъ до конца пробку, выйдемъ къ открытой рѣкѣ и сможемъ приняться за постройку новаго плота.

XI.

Черезъ тополевой лѣсъ мы шли легко, весело. Мѣшали только лежавшія на землѣ деревья. Но я сбился съ пути и повелъ Михаила не такъ, какъ шелъ наканунѣ.

Въ двухъ верстахъ отъ стоянки мы вышли на берегъ довольно быстрой лѣсной рѣчки. Я помнилъ отлично, что

наканунѣ не пересѣкалъ ея. Рѣшивъ, что мы забрались слишкомъ влѣво, къ юго-западу, мы, не переходя рѣки, пошли направо берегомъ ея.

Мы шли внизъ по теченію, и я былъ увѣренъ, что рѣчка приведетъ насъ къ Челасину ниже того мѣста, откуда наканунѣ я углубился въ тайгу, срѣзая петлю.

Шли мы вдоль самой воды. Только въ одномъ мѣстѣ врѣзавшійся въ рѣку мысокъ оказался покрытъ настолько густымъ кустарникомъ, что пришлось обогнуть его.

Вдругъ я замѣтилъ, что рѣка течетъ намъ навстрѣчу. Это меня поразило.

— Михаилъ!—окликнулъ я товарища—вы замѣтили, куда течетъ эта рѣчка?

— Замѣтилъ. Къ Челасину течетъ. А что?

— Теченіе повернулось...

— Этого быть не можетъ.

Но бросивъ взглядъ на воду, Михаилъ изумился не меньше, чѣмъ я.

— Что за навожденіе? дѣйствительно, повернулось!

Вернулись къ мыску, противъ котораго мѣнялось направленіе рѣки. Сюда вода бѣжала и слѣва, и справа. Вглядѣвшись въ противоположный берегъ, мы увидѣли прямо противъ мыска замаскированное деревьями русло рѣки. Встрѣтившіеся ручьи въ этомъ мѣстѣ сливались въ одинъ потокъ и смѣшавшіяся воды обоихъ текли отъ мыска въ сторону, подъ прямымъ угломъ къ прежнему ихъ направленію.

Рѣшили итти дальше по теченію рѣки. Съ направленія, принятаго нами утромъ, мы сбились давно, и не могли бы теперь указать, справа или слѣва отъ насъ осталось мѣсто нашей стоянки. Слѣдить за направленіемъ пути по солнцу

было невозможно: солнце слишкомъ быстро перемѣщалось въ небѣ, а кромѣ того, во многихъ мѣстахъ солнце сквозь густую листву деревьевъ нельзя было разглядѣть. Попробовалъ я слѣдить за направленіемъ по деревьямъ. Но только кое-гдѣ въ открытыхъ мѣстахъ можно было различить по корѣ югъ и сѣверъ. А въ глухой чащѣ кора деревьевъ была кругомъ, со всѣхъ сторонъ, одинаковая.

Оставалось итти по теченію воды, дѣлая безконечныя петли по лѣсу. Такъ мы и шли. И, въ концѣ концовъ, ручей привелъ насъ къ Челасину.

Не знаю, былъ ли это боковой рукавъ рѣки, или главное русло ея, но передъ нами открылась полоса быстро бѣгущей, чистой воды. Направленіе теченія было то самое, которое ожидали мы увидѣть у вырвавшагося изъ подъ плотины Челасина.

Прошли версты двѣ берегомъ. Не видно было въ рѣкѣ ни корягъ, ни бревенъ. Мы нашли то, что искали. Оставалось вернуться за вещами, перетащить ихъ сюда, и здѣсь приняться за постройку новаго плота.

До стоянки мы добрались очень быстро, страннымъ образомъ миновавъ тотъ ручей, по которому шли утромъ. Отдохнувъ немного и подкрѣпившись сухарями и какао, раздѣлили багажъ на двѣ части и, забравъ половину вещей, двинулись лѣсомъ къ найденной чистой протокѣ.

Но до протоки дойти намъ не удалось. Сумерки застали насъ въ чащѣ. Въ темнотѣ мы сбились съ дороги, забрели въ болото, съ трудомъ выбрались изъ него и, выбившись изъ силъ, заночевали въ лѣсу. На счастье, въ захваченныхъ вещахъ оказались спички и топоръ,—можно было развести костеръ. Ночь выдалась холодная, и безъ костра намъ пришлось бы плохо.

*

Впрочемъ, и съ костромъ эта ночь не принесла намъ отдыха. Мы встали поутру голодные, усталые. Взвалили на плечи багажъ и побрели дальше...

Намъ казалось, что мы идемъ къ протокѣ. Но пройдя нѣсколько верстъ, мы вступили въ знакомую тополевую рощу и, перерѣзавъ ее, вышли къ Челасину выше плотины и нашей старой стоянки.

Снова углубились въ тайгу. Теперь мы соблюдали всѣ предосторожности, чтобы итти по прямой линіи, не сворачивая ни вправо, ни влѣво. Чтобы легче было возвращаться за оставленными на берегу вещами, дѣлали затесы топоромъ на деревьяхъ.

На этотъ разъ мы вышли къ Челасину выше конца бурелома. Перебрались по бревнамъ на противоположный берегъ и стали соображать, какъ итти дальше.

По солнцу опредѣлили, что Челасинъ бѣжитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, на югъ. Между тѣмъ, общее направленіе его теченія—съ юга на сѣверъ. Значитъ, ниже теченіе должно образовать вторую петлю. Боясь, какъ бы на изгибѣ ея не оказалось новаго затора, мы рѣшили срѣзать вторую петлю и опять пошли отъ рѣки вглубь лѣса.

Весь день мы проблуждали по тайгѣ, не останавливаясь для отдыха, не разводя огня, питаясь только ягодами. Наконецъ, дошли до рѣки.

Но это не было то нижнее теченіе Челасина, къ которому мы стремились. Тамъ, за петлей, Челасинъ долженъ былъ течь на сѣверъ. А мы шли съ востока на западъ, такъ что должны были очутиться на правомъ берегу рѣки. Рѣка же, на которую мы вышли, бѣжала справа налѣво, мы стояли на лѣвомъ берегу ея.

Но три дня скитаній настолько измучили насъ, что мы ужъ ничего не соображали. Голова шла кругомъ отъ безчисленныхъ ручьевъ, бѣгущихъ въ противоположныя стороны, отъ безконечныхъ переходовъ черезъ рѣчки то вбродъ, то по сваленнымъ деревьямъ.

И не задумываясь надъ тѣмъ, почему рѣка течетъ влѣво, а не вправо, мы рѣшили остановиться на ней.

Выбрали мѣсто для палатки и для постройки плота. Здѣсь теченіе дѣлало изгибъ. Глубоко врѣзался въ рѣку песчаный мысъ. Ниже его—тихая заводь, въ ней удобно будетъ вязать плотъ... Здѣсь мы заночевали, устроивъ временную стоянку на пескѣ.

Утромъ пошли за оставленными вещами. Старались итти по вчерашнимъ затесамъ. Дошли до бурелома, перешли черезъ него, пересѣкли лѣсъ и вышли къ старому мѣсту. Весь этотъ путь взялъ у насъ около 3 часовъ. Значитъ, новая стоянка отстояла отъ начала затора на Челасинѣ, по прямой линіи, верстъ на десять.

Теперь я отчетливо представлялъ себѣ тотъ клочекъ земли, на которомъ мы вертѣлись всѣ эти дни.

Здѣсь Челасинъ описываетъ двойную петлю въ видѣ удлиненнаго французскаго S. Когда то, вѣроятно, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, въ этой петлѣ образовался заторъ изъ деревьевъ, принесенныхъ водою съ верховьевъ рѣки. Зацѣпилась кореньями за песокъ тяжелая лиственница. Около нея застряло другое дерево, за нимъ третье. Получилась плотина, которая росла и крѣпла съ каждымъ годомъ. Каждую весну рѣка приносила съ отроговъ Джугджура вырванныя съ кореньями деревья. Теченіе съ силой бросало ихъ на плотину и, какъ молотомъ, скрѣпляло этими ударами образовавшійся заторъ.

Плотина росла въ ширину и въ вышину. Нижнія звенья ея все глубже уходили въ песчаное дно, края ея все дальше углублялись въ прибрежные лѣса. Рѣка, стѣсненная въ своемъ теченіи, искала выхода, выбивалась изъ своего ложа, размывала берега.

И вотъ подъ заторомъ Челасинъ разбился на сотни рукавовъ. Побѣжали протоки во всѣ стороны, сѣтью каналовъ прорѣзали тайгу, разбили ее на множество острововъ, усѣяли болотами. Вода подмывала, валила деревья, бросала новыя груды стволовъ на плотину. Потоки мѣняли свое направленіе. Возникли песчаные острова, поросшіе ветлой, въ раіонѣ весеннихъ разливовъ рѣки. Образовались прорѣзающіе лѣсъ глубокіе овраги.

Сотни лѣтъ продолжалась эта работа воды вдали отъ глазъ человѣка. Людямъ нечего было дѣлать здѣсь, въ этой глуши. Тунгусы, посѣщающіе Уй для рыбной ловли, знали устье Челасина, но не поднимались до средняго теченія его. Русскіе только въ верхнемъ теченіи, у Сегынаха, пересѣкли рѣку. О существованіи „пробки“ на Челасинѣ не знали ни тѣ, ни другіе.

Эта „пробка“ представляла значительный интересъ. Но мы задержались на ней слишкомъ долго. Усталость и голодъ мучили насъ. А впереди предстояло еще много трудовъ. И мнѣ не удалось даже зарисовать планъ мѣстности.

Распустивъ плотъ, снявъ веревки, мы пошли къ мѣсту новой стоянки. Благодаря затесамъ, шли увѣренно, не сбиваясь съ дороги.

Но за буреломомъ мы потеряли затесы. Нѣкоторое время шли наугадъ. Затѣмъ остановились. Лѣсъ казался знакомымъ,—какъ будто утромъ мы были здѣсь.

— Останьтесь здѣсь съ вещами, сказалъ я Михаилу; а я налегкѣ пройду до воды, осмотрю дорогу.

Я пошелъ на западъ, противъ опускавшагося къ горизонту солнца. Итти пришлось не долго. Показалась рѣка—быстрая, но узкая, сжатая высокими берегами, съ нависшими надъ водой темными пихтами. Это была та самая рѣка, на которой мы провели послѣднюю ночь. Только я вышелъ къ ней немного ниже песчанаго мыса, на которомъ мы ночевали.

Дойдя по берегу до этого мѣста, я крикнулъ Михаилу:

— Ура! Нашелъ!

Михаилъ отвѣтилъ. Очевидно, я былъ недалеко отъ него. Продолжая перекликаться, я пошелъ на его голосъ.

А вотъ онъ и самъ показался изъ за деревьевъ. Видъ у него встревоженный.

— Что случилось? Вы звали на помощь?

Ничего подобнаго. Нашелъ и протоку, и вещи,—все въ сохранности. А гдѣ вашъ багажъ?

— Кажется, потерялъ...

— Вы шутите?

— Какія тутъ шутки. Вы крикнули, я побѣжалъ на голосъ,—думалъ, что вы на помощь зовете. Потомъ вернулся—нѣтъ вещей... Тогда снова пошелъ навстрѣчу.

Михаилъ разстроенъ до послѣдней степени. Съ вещами осталось ружье, тамъ и топоръ, и веревка, и послѣднія двѣ жестянки консервовъ.

Принимаемся за поиски. Мы помнимъ, что вещи были сложены у толстой, обросшей мхомъ колоды. Но такія колоды видны со всѣхъ сторонъ и всѣ онѣ такъ похожи одна на другую.

Солнце садится. Косыя длинныя тѣни на землѣ сплe-

таются въ густую сѣтку и все обволакиваютъ, все покрываютъ въ лѣсу. Подъ деревьями темно. Сильнѣе чувствуется вечерняя сырость.

Мы уже готовы были отказаться отъ поисковъ, да вдругъ Михаилъ натолкнулся на колоду, у которой лежали наши мѣшки и ружье. Обрадовались:

— Теперь все въ порядкѣ! Идемте!

Выйдя на рѣку, занялись постройкой палатки.

Поднимался вѣтеръ. На горизонтѣ сгущались тучи, и черныя полосы, какъ клубы дыма, прорѣзали зарево заката. Можно было ожидать дождя, бури, грозы. Поэтому палатку пришлось строить основательную.

Крѣпко забили въ песокъ длинные колья, крѣпко привязали къ нимъ брезентъ, а нижній край брезента завалили пескомъ и камнями. Палатку поставили такъ, что выходное отверстіе ея было обращено на югъ, по теченію рѣки, а съ сѣвера, откуда дулъ вѣтеръ, она была защищена лѣсомъ. Передъ палаткой развели костеръ, заготовили пару тяжелыхъ корягъ, чтобы защитить огонь отъ дождя.

Заря ужъ догорала въ небѣ, когда мы покончили со всѣми этими приготовленіями и расположились на отдыхъ.

XII.

— Знаете что? — предложилъ я: — поужинаемъ по-настоящему! Консервами!

— Можно, — согласился Михаилъ.

— А послѣ консервовъ — какао — съ двойной порціей сухарей и сахара?

Михаилъ согласился и на это.

Поужинавъ, мы лежимъ неподвижно въ палаткѣ на

оленьей шкурѣ. Всѣ члены ноютъ такъ, что больно пошевельнуться. Но у насъ такое самочувствіе, будто послѣ ѣды усталость какъ рукой сняло.

Костеръ ярче разгорается подъ порывами вѣтра. Огненными брызгами разсыпаются искры. И весело глядѣть, какъ летятъ свѣтлыя точки въ тьму ночи, какъ рвутся онѣ къ рѣкѣ и гаснутъ въ воздухѣ.

Пляшутъ надъ костромъ красные брызги огня. А сверху глядятъ тихія звѣзды.

Вѣтеръ крѣпчаетъ. Гудитъ тайга. Громче плещетъ вода о берегъ. Но безоблачно очистившееся отъ тучъ небо, и четко вырисовывается серпъ луны надъ ломанной линіей лѣса.

Вспоминается первая ночь, проведенная нами въ тайгѣ на берегу Селенды.

Тогда лѣсъ былъ безмолвенъ, и въ молчаніи его чудилась глухая, враждебная настороженность. А теперь проснулись, ожили несмѣтныя рати деревьевъ, обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Идутъ на насъ безчисленные враги, земля стонетъ подъ ихъ тяжелыми шагами. Намъ не удастся прорвать ихъ ряды. Сколько дней бились мы, — и прошли за это время такъ мало! Можетъ быть, поможетъ намъ рѣка? Можетъ быть, она выведетъ насъ изъ лѣса? Такъ настойчиво плещетъ она о берегъ, такъ упорно зоветъ насъ...

Но можно-ли вѣрить водѣ? Вѣдь она завлекла насъ сюда! Можно-ли вѣрить ея звонкимъ, смѣющимся струямъ?

Прислушиваюсь, лежа въ палаткѣ, къ гулу тайги, и хочется мнѣ въ гудѣньи ея различить отдѣльные голоса, отдѣльные звуки. Чувствую, что каждое дерево, каждый листокъ говоритъ по-своему. Хочется понять то, о чемъ говорятъ они. И досадно, что не знаешь ихъ языка.

Михаилъ чиститъ ружье.

— Жаль, что дичи не попадается, — горюетъ онъ: — если-бъ охота, — совсѣмъ было бы хорошо. Могли бы отдохнуть, собраться съ силами. А на ягодахъ не продержишься...

Покончивъ съ ружьемъ, Михаилъ опускается на шкуру рядомъ со мной. Глядитъ на меня и качаетъ головой:

— Здорово устали сегодня?

— Нѣтъ, ничего, — бодрюсь я. — Пока шелъ, думалъ, будто усталъ до смерти. А теперь отдохнулъ. Теперь усталости не чувствую. А вы?

— И я отдохнулъ. Съ утра за топоръ возьмусь. Буду плотъ мастерить.

— А руки какъ?

Михаилъ при свѣтѣ костра разглядываетъ свои руки, покрытыя ссадинами, царапинами и кровавыми мозолями.

— Руки немного того... Глупость мы сдѣлали, что по рѣкѣ плыли. Нужно было черезъ Сегынахъ ворочаться. Да теперь жалѣть поздно. Хотите, еще какао сваримъ?

— Давайте!

Зачерпнули воды, повѣсили чайникъ надъ огнемъ и опять лежимъ неподвижно, глядя на костеръ.

— Нѣтъ, это вы напрасно сказали, — продолжаю я разговоръ. — По рѣкѣ хорошо плыть. Рѣка славная! Вотъ только пробка насъ задержала, а дальше опять пойдетъ гладко.

— Гладко? Не вѣрю я этой рѣкѣ. Тутъ въ любой мигъ можетъ разнести въ щепки. Костей потомъ не соберешь.

— Не разнесетъ! Вѣдь мы цѣлый день плыли, — и ничего. Прекрасная рѣка! — Защищаю я Челасинъ.

Но Михаилъ стоитъ на своемъ:

— Мы въ первый день случайно уцѣлѣли... Да и силы у насъ тогда были свѣжія. А теперь много-ли осталось? Съ топоромъ-то я управлюсь. Бревна какъ-нибудь свяжемъ... А вотъ, на шестахъ какъ работа пойдетъ? Боюсь я за васъ, да и въ себѣ не увѣренъ...

Закипѣло какао надъ огнемъ. Снимаемъ чайникъ и съ наслажденіемъ пьемъ горячую, душистую жидкость.

Вѣтеръ сильнѣе рветъ пологъ нашей палатки, бросаетъ на крышу ея еловыя шишки, листья и вѣтки, будто гонитъ насъ дальше отъ лѣса, будто толкаетъ насъ въ рѣку.

Я вышелъ изъ палатки. Подошелъ къ водѣ, — и залюбовался.

Лѣсъ за рѣкою чернѣлъ сплошной громадой, и зубчатыя верхушки деревьевъ отчетливо, рѣзко выдѣлялись на звѣздномъ небѣ. Но въ причудливыхъ изломахъ подымавшихся къ небу линій нельзя было узнать лѣса, — не было тутъ ни строгихъ пихтъ, ни ласковыхъ лиственницъ, ни задумчивыхъ кедровъ. Передо мной, за рѣкою, высились стѣны грознаго замка...

Вотъ длинной, прямой вереницей бѣгутъ зубцы крѣпостной стѣны. Вотъ выдвинулся надъ ними широкій бастіонъ. Вотъ возвышается башня, увѣнчанная гордымъ куполомъ, видны линіи опоясавшей ее стройной балюстрады. Вотъ силуэтъ крѣпостныхъ воротъ съ полуопущеннымъ мостомъ, повисшимъ надъ рѣкой. Стремительно, съ плескомъ несется рѣка подъ балками моста, и въ плескѣ ея слышится, что она, вмѣстѣ съ зубчатыми стѣнами лѣса, охраняетъ покой и тайну далекаго замка...

Мѣсяцъ стоитъ надъ башней, какъ сіяющій золотой флюгеръ...

И все—лѣсъ, рѣка и небо—слилось въ фантастически грозную картину.

Молча стою я передъ замкомъ, такъ внезапно выросшимъ подъ пологомъ ночи. Я вижу его, этотъ замокъ, чувствую близость его, и гулъ тайги по-новому звучитъ въ моихъ ушахъ.

То не рать невидимыхъ враговъ идетъ на насъ. Нѣтъ! Тайга неподвижна, она не нападаетъ. Она защищается, она охраняетъ свои нѣдра отъ вторженія человѣка.

Вотъ замокъ. За стѣны его еще не ступалъ человѣкъ. И тайга никого не пуститъ туда. И деревья, и рѣка, и вѣтеръ кричатъ намъ:

— Назадъ!

— Но назадъ нѣтъ дороги. Пробиться черезъ тайгу обратно до Сегынаха не хватитъ нашихъ силъ. Остается плыть дальше, впередъ.

Пропуститъ-ли насъ тайга?

Вся надежда на рѣку. Но какова рѣка тамъ, ниже, за изгибомъ, гдѣ кончается зубчатая стѣна лѣсного замка?

— Назадъ!—гудитъ лѣсъ.

— Назадъ!—воетъ вѣтеръ.

И не знаешь, чему вѣрить,—этимъ ли голосамъ, или зову рѣки, которая манила насъ вдаль, завлекла сюда и все время сулила вывести насъ изъ тайги.

Не знаешь, чему вѣрить...

А звѣзды надъ лѣсомъ блестятъ спокойныя, ласковыя. Я поднялъ глаза къ нимъ, и забылъ и вѣтеръ, и лѣсъ, и рѣку.

Много разъ,—и въ Россіи, и въ Сибири,—наблюдалъ я это: если долго и пристально смотрѣть на звѣзды, онѣ оживаютъ, приходятъ въ движеніе. Мѣняется блескъ ихъ,

онѣ то спускаются къ землѣ, то подымаются ввысь, то сближаются, бѣгутъ навстрѣчу одна другой, то разбѣгаются въ противоположныя стороны неба.

И сегодня играютъ звѣзды въ вышинѣ.

Но сегодня блескъ ихъ какой-то особенный. Спокойный и ласковый, какъ всегда, но болѣе близкій, болѣе понятный.

Звѣзды смотрятъ на насъ. Насъ двое здѣсь, посреди тайги. Кромѣ насъ, на сотни верстъ ни души. И здѣсь, въ этой глуши, мы первые люди. Можетъ быть, пройдутъ многіе годы, прежде чѣмъ случай вновь занесетъ сюда человѣка. Вотъ звѣзды и смотрятъ на насъ.

За изгибомъ рѣки, совсѣмъ близко отъ земли, надъ линіей лѣса блеснули двѣ звѣзды. Рядомъ съ черной громадой замка, онѣ кажутся особенно яркими, ясными,—другихъ такихъ звѣздъ не найти на всемъ небѣ. Будто сверкнули изъ подъ темныхъ длинныхъ рѣсницъ два глаза—безконечно чистые, нѣжные и ясные глаза, полные радости расцвѣтающей жизни. И манитъ къ себѣ ихъ ласковый свѣтъ! И съ каждымъ мгновеніемъ все ярче, все ближе становятся онѣ. Лучи ихъ пронизали покровъ ночи, и даль рѣки тамъ, за изгибомъ, озарена ихъ сіяньемъ.

Двѣ маленькія звѣздочки! Но вотъ блеснули онѣ мнѣ,—и все кругомъ становится неожиданно новымъ, получаетъ новый смыслъ, новое значеніе. И я ужъ не тотъ, какимъ былъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

Плещетъ рѣка о берегъ. Это мчится она навстрѣчу звѣздамъ, сіяющимъ надъ лѣсомъ. И въ плескѣ ея теперь нѣтъ ни враждебной угрозы, ни обмана.

Рѣка пробила свой путь черезъ тайгу и мчится туда, куда зовутъ ее звѣзды, куда пробьемся и мы.

А замокъ?... Все такъ же стоитъ онъ за быстрой рѣкой. Но стѣны и башни его окутаны задумчивымъ сномъ. Замеръ надъ рѣкой наполовину опущенный мостъ, замеръ золотой флюгеръ надъ башней. Все спитъ. И только вѣтеръ воетъ и гудитъ надъ деревьями.

Мы не будемъ тревожить волшебный сонъ лѣса. Мы подошли къ стѣнамъ замка, провели ночь подъ ними, — и довольно.

Завтра поплывемъ дальше,—въ ту сторону, гдѣ звѣзды горятъ такъ близко къ землѣ надъ линіей лѣса.

Свѣжо надъ рѣкой. Вѣтеръ рветъ рубаху, забирается за воротъ. Холодно босымъ ногамъ на галькѣ, остывшей подъ брызгами воды. Но я все стою на берегу.

Михаилъ тоже вышелъ изъ палатки. Но онъ не можетъ отдаться обаянію ночи такъ полно, какъ я. Онъ поглощенъ мыслью о завтрашнемъ днѣ.

Милый товарищъ! Онъ сильнѣе меня, и считаетъ себя отвѣтственнымъ за исходъ нашего путешествія. Все время онъ обдумываетъ положеніе, соображаетъ, прикидываетъ въ умѣ разные планы. Въ дорогѣ онъ тащитъ на себѣ три четверти клади, и, кажется, еслибы я выбился изъ силъ, Михаилъ и меня взалилъ бы на плечи и вынесъ бы изъ тайги. Онъ обидѣлся и огорчился чуть не до слезъ, когда я дня три тому назадъ сказалъ ему:

— У васъ больше силъ. Если я не смогу итти дальше, я прямо такъ и скажу. Одинъ вы скорѣе выберетесь изъ лѣса.

Теперь Михаилъ стоитъ рядомъ со мною и смотритъ на рѣку. Долго стояли мы такъ. Наконецъ, Михаилъ сказалъ:

— Спать намъ пора!

— Почему?—удивился я.

— Завтра работы много. Плотъ будемъ строить.

— Ахъ, да!

Забрались въ палатку. Мнѣ не хочется спать. Сижу у костра, обхвативъ руками колѣни, и отдаюсь во власть мыслей и чувствъ, навѣянныхъ ночью.

Михаилъ вытянулся на шкурѣ, но и ему не спится. Глаза у него раскрыты, руки закинуты за голову.

Я окликнулъ его:

— Михаилъ! Неужели вы думаете, что мы не выберемся отсюда?

— Должны бы выбраться. Да силъ мало осталось!..

Завтра выяснится все?

— Нѣтъ, завтра будемъ плотъ строить. Послѣ-завтра...

— А пока все хорошо!

— Не очень-то хорошо. Хвастать нечѣмъ. Провизія на исходѣ... Да и съ сапогами не ладно...

Михаилъ и теперь думаетъ о существенномъ, о топорѣ, о веревкѣ, о сбившемся на сторону каблукѣ. Мнѣ хочется измѣнить направленіе его мыслей.

— Я смотрѣлъ на звѣзды, — тихо говорю я: Знаете старое повѣріе, — у каждаго своя звѣзда на небѣ? Вотъ я искалъ свою звѣзду...

— И нашли?—улыбается Михаилъ въ темнотѣ.

— Да, нашелъ!

И я думалъ... Въ городѣ, на людяхъ, не бываетъ такихъ мыслей. А въ тайгѣ хорошо думать. Мысли ярче, красивѣе...

— Это вѣрно. За это и люблю я тайгу.

Тихо, полушепотомъ, говоримъ мы. А кругомъ гудитъ

тайга. Говоримъ полушепотомъ, чтобы не спугнуть обаянія такихъ звѣздъ...

Незадолго до утра затихла наша бесѣда. Но и во снѣ блестѣли передо мной двѣ звѣзды, зовущія изъ лѣсу къ жизни, къ простору, сулящія побѣду и радость.

XIII.

Когда поутру мы принялись за постройку плота, оказалось, что работать я не въ силахъ. Топоръ валился изъ моихъ израненныхъ рукъ. Мнѣ не удавалось сдѣлать даже зарубку на бревнѣ—лезвіе топора плашмя падало на дерево и не прорубало, а только мяло его.

Работать топоромъ пришлось Михаилу одному. Работалъ онъ черезъ силу, и работа плохо спорилась у него. Сухого лѣса не было по близости. Пришлось рубить деревья въ лѣсу... Михаилъ рубилъ, я таскалъ бревна къ водѣ. Но деревья попадались неладныя,—то стволъ искривленъ то сердцевина гнилая.

Все было противъ насъ въ этотъ день. Топоръ соскакивалъ съ топорища, бревна выходили неравной длины, зарубки для веревокъ приходились не тамъ, гдѣ нужно.

День выдался хмурый. Съ полудня прошелъ дождь. Серва моросило, какъ сквозь мелкое сито, потомъ хлынулъ ливень.

Мы продолжали работать. Пока Михаилъ тюкалъ топоромъ, я натаскалъ дровъ для костра, подъ крышей палатки развелъ огонь, перенесъ его подъ колоды, приготовленныя наканунѣ, завалилъ жердями и хворостомъ, и соорудилъ костеръ, который долженъ былъ выдержать и вѣтеръ, и дождь.

Михаилъ углубился въ лѣсъ, высматривая дерево для плота. Вернулся, запыхавшись:

— Давайте ружье!

Я протянулъ ему двустволку.

— Что тамъ такое?

— Куропатка!—Заряжены оба ствола?

— Въ лѣвомъ пуля, въ правомъ дробь...

Волненіе Михаила передалось мнѣ, я не могъ усидѣть на мѣстѣ. Вышелъ изъ палатки и, стоя подъ дождемъ на опушкѣ лѣса, слѣдилъ за движеніями Михаила.

Вотъ онъ замедлилъ шаги... Крадется на цыпочкахъ... Остановился, ищетъ чего-то глазами, держа ружье наготовѣ... Выстрѣлъ... и почти сразу за выстрѣломъ радостный крикъ:

— Есть!

Бѣгу къ Михаилу. У него въ рукахъ подстрѣленная птица.

Сѣрокоричневыя перышки, мохнатыя лапки, надъ полураскрытымъ клювомъ нѣжный пушокъ. Крылья еще вздрагиваютъ, трепещутъ. Глаза не закрылись. Михаилу жаль убитой птицы. Стараясь не глядѣть на нее, онъ встряхиваетъ ее разъ-другой, держа за головку.

Теперь она мертва. Мы осматриваемъ, ощупываемъ ее.

— Въ ней фунта три будетъ?—спрашиваю я.

— Меньше!—рѣшаетъ Михаилъ. Но фактъ тотъ, что дичь здѣсь имѣется. Теперь каждый день будемъ охотиться.

— А какъ вы нашли ее?

— Высматривалъ дерево попрямѣе, вдругъ вижу у самаго ствола птицу,—отъ дождя укрылась подъ вѣтками. Ну, я сейчасъ за ружьемъ.

— Сегодня пообѣдаемъ на славу,—сладко мечтаю я.

— Да, надо только сообразить, что съ ней дѣлать? сварить или сжарить?

— Сжарить! жаркого у насъ давно не было.

— Если жарить, такъ много выбрасывать придется.

— Тогда сваримъ!

Мы забыли о томъ, что стоимъ подъ проливнымъ дождемъ. Думаемъ только о нашей куропаткѣ и о предстоящемъ пиршествѣ.

Михаилъ вспомнилъ, наконецъ, о ружьѣ.

— Испортится подъ дождемъ. Нужно вытереть, вычистить, смазать. Займитесь этимъ, а я буду плотъ кончать.

— Хорошо! Заодно я и куропатку вычищу.

Снова тюкаетъ Михаилъ топорикомъ подъ дождемъ. Но теперь удары его звучатъ веселѣе, увѣреннѣе, чѣмъ утромъ. Птица, которую я старательно ощипываю въ палаткѣ, вдохнула въ него новыя силы. Да и у меня, лишь взялъ я куропатку въ руки, сразу прошло головокруженіе, мучившее меня послѣдніе дни, прошла и боль въ спинѣ и въ плечахъ. Только голодъ сталъ чувствительнѣе, чѣмъ раньше.

А птица хорошая! Немного мала для двоихъ, но мягкая такая, нѣжная.

Вѣроятно, вкусна окажется она необыкновенно!

Вотъ я ощипалъ ее.

— Что дальше съ ней дѣлать? Подхожу къ Михаилу.

— Теперь выпотрошите.

— Это какъ-же? я не умѣю.

Михаилъ, смѣясь, вытаскиваетъ свой ножъ и разрѣзаетъ птицу.

— Вотъ такъ! прополощите въ рѣкѣ, вымойте, а потомъ разрѣжьте на куски, положите въ котелокъ, налейте воды и ставьте на огонь! Дѣло нехитрое. Когда кончите,

приходите сюда помогать: будемъ вмѣстѣ вязать плотъ, бревна готовы.

Дождь проходитъ. Небо обложено тучами, но вѣтеръ стихъ.

Это намъ на руку: теперь самая отвѣтственная часть работы, нужно стянуть веревками бревна.

Стоя по колѣно въ водѣ, мы вяжемъ плотъ. Веревка раскисла подъ дождемъ и скользитъ въ рукахъ, узлы не затягиваются, соскакиваютъ; кривыя бревна, какъ живыя, вырываются изъ рукъ, выскользаютъ изъ веревочной петли, накинутой на нихъ.

Изо всѣхъ силъ мы тянемъ веревку, но, видно, силъ у насъ недостаточно.

Затянемъ узелъ, — оказывается, бревно свободно болтается въ петлѣ. Распускаемъ узелъ, затягиваемъ петлю потуже,—веревка ослабѣваетъ съ другого конца.

Долго мучались мы такимъ образомъ. Наконецъ, Михаилъ предложилъ:

— Поѣдимъ сперва! можетъ, послѣ ѣды силъ прибавится.

Но наша дичь еще не сварилась.

Мы сидимъ въ палаткѣ, смотримъ на котелокъ. Раздѣлись, чтобы выжать воду изъ платья и просушить бѣлье. Сидимъ серьезно — сосредоточенные, молчаливые и ждемъ, скоро-ли поспѣетъ обѣдъ. Время отъ времени то я, то Михаилъ заглядываемъ въ котелокъ. Помѣшаемъ въ водѣ прутикомъ и, убѣдившись, что мясо еще не сварилось, садимся на мѣсто.

А вода ужъ давно закипѣла въ котелкѣ. Мы засыпали туда остатки соли, смѣшанной съ хлѣбными крошками и съ мусоромъ, засыпали послѣднюю горсть риса, оставшуюся на днѣ мѣшка. Супъ долженъ выдти на славу.

*

Наконецъ, Михаилъ вытащилъ на прутикѣ кусокъ мяса изъ котелка и, попробовавъ его, заявляетъ:

— Готово!

Принимаемся за ѣду. Въ жизни своей не ѣдалъ я подобнаго супа! Никогда и не думалъ, что супъ, сваренный столь первобытнымъ способомъ, можетъ быть такъ вкусенъ, питателенъ, ароматенъ!

И Михаилъ ѣстъ съ аппетитомъ. На лицѣ его разлита блаженная улыбка. Мы такъ поглощены ѣдой, что не можемъ по-настоящему обмѣняться впечатлѣніями, перебрасываемся лишь односложными замѣчаніями:

— Вкусно!

— Гм... Гм...

Послѣ ѣды нѣкоторое время сидимъ молча. Наконецъ, Михаилъ поднимается:

— Теперь за работу примемся!

— Отдохнемъ еще немного!—прошу я.

— Ну, еще съ полчаса полежимъ.

Опять дождь усилился. За частой сѣткой его скрывается даль рѣки. Видны только нависшія надъ водой пихты, которыя ночью казались похожими на полуопущенный мостъ надъ рѣкой. Теперь онѣ напоминаютъ сводъ туннеля, подъ который убѣгаетъ рѣка. Убѣгаетъ подъ нихъ вода, а дальше не видать ничего, дальше сѣрая мгла дождя.

Снова стоимъ мы въ рѣкѣ, стягивая веревками бревна. Какъ будто, теперь работа лучше подвигается впередъ. Мы вяжемъ носъ и корму плота сразу: сперва скрѣпляемъ два бревна, потомъ притягиваемъ къ нимъ третье, затѣмъ четвертое и такъ дальше. Но для послѣднихъ двухъ бревенъ

веревка оказывается слишкомъ коротка. Приходится распускать первые узлы и начинать все сначала.

Наконецъ, плотъ связанъ. Гдѣ нужно, загнали клинья между бревнами и перекладинами. Теперь все въ исправности.

Но вспоминаемъ мы нашъ первый плотъ,—и новое наше суденышко кажется намъ такимъ неказистымъ, что смотрѣть на него противно.

Плыть сейчасъ нельзя: за сѣткой дождя не видать рѣки, можно налетѣть на камни, а то и на корчаги, которыя опаснѣе подводныхъ камней и мелей.

Приходится ждать, когда прояснится погода. А дождь то ослабѣваетъ, то снова усиливается. Въ небѣ то появятся просвѣты между тучами, то вновь затянетъ ихъ свинцово-сѣрой пеленой. Прекратился дождь только къ вечеру. Пришлось отложить возобновленіе плаванія до утра. А ночью надвинулась на насъ новая бѣда.

Отъ дождя вода въ рѣкѣ начала прибывать. Рѣка вышла изъ береговъ, затопила мысокъ, на которомъ мы расположились, залила костеръ, забралась въ нашу палатку.

Когда мы проснулись, кругомъ стояла вода. Поспѣшно вытащили на высокій берегъ подмокшій багажъ, выбрались сами, привязали покрѣпче плотъ и, дрожа отъ холода, усѣлись подъ деревьями ждать разсвѣта.

Дождя уже не было, небо прояснилось, но нельзя было развести огонь. Наши спички подмокли, кругомъ не было ни сухого сучка, ни кусочка сухой коры.

А когда разсвѣло, передъ нами открылась грустная картина: вода поднялась аршина на два, и теперь рѣка бѣжала подъ стволами нависшихъ надъ нею пихтъ, какъ подъ

опущеннымъ шлагбаумомъ. Провести плотъ подъ этой преградой представлялось невозможнымъ. Положеніе ухудшалось и тѣмъ, что теченіе, усилившееся за ночь, ударяло въ берегъ какъ разъ подъ пихтами. Мы попробовали бросать въ рѣку куски дерева, ихъ относило неизмѣнно въ это мѣсто. И здѣсь, между обнажившимися кореньями деревьевъ и погруженнымн въ воду стволами, образовался грозный водоворотъ, въ которомъ неминуемо долженъ былъ погибнуть нашъ плотъ.

Михаилъ сразу оцѣнилъ положеніе.

— Плыть отсюда нельзя,—заявилъ онъ:—чѣмъ рубить деревья, лучше ниже ихъ новый плотъ свяжемъ. Да и съ теченіемъ не справимся мы на этой протокѣ. Придется новой протоки искать.

— Значитъ, опять скитаться по тайгѣ?

Я запротестовалъ:

— Попробуемъ плотъ налегкѣ пропустить! Вѣдь столько работали!

Михаилъ стоялъ на своемъ:

— Пусть лучше нашъ трудъ пропадаетъ, да головы цѣлы будутъ!

— Гдѣ же новую протоку искать?

— А вотъ сообразимъ!

Сообразивъ все, мы пришли къ такому выводу:

Мы находимся ниже затора за вторымъ изгибомъ петли. Пришли мы сюда, перейдя по бурелому въ средней части петли съ лѣваго берега на правый. Значитъ, мы стоимъ на правомъ берегу Челасина или, во всякомъ случаѣ, въ районѣ его правыхъ рукавовъ. Но протока, по которой мы думали плыть, течетъ влѣво, слѣдовательно, мы попали на ея лѣвый берегъ. Параллельно ей, за мысомъ должны быть другія протоки и главное теченіе рѣки.

Мы пошли на юго-западъ, забравъ съ собой половину багажа. Шли, дѣлая затесы на деревьяхъ, чтобы можно было вернуться за остальными вещами.

Оказалось, что направленіе мы выбрали удачно. Часа черезъ полтора мы вышли на широкую рѣку. Это, несомнѣнно, было главное русло Челасина. Характеръ рѣки былъ тотъ же самый, какъ выше плотины: тайга — на правомъ берегу, тополи—на лѣвомъ, ветлы—на песчаныхъ островкахъ. И шириной, и глубиной, и силой теченія рѣка напоминала старый Челасинъ. По всему видно было, что лабиринтъ протокъ нами пройденъ, что здѣсь начинается ровное теченье рѣки.

И еще одно обстоятельство порадовало насъ: на пескѣ, посреди жидкаго кустарника, бѣлѣли стволы принесенныхъ рѣкой и высушенныхъ солнцемъ огромныхъ деревьевъ. Это былъ хорошій матеріалъ для постройки плота.

Вернулись по затесамъ за оставленными вещами и, перетащивъ ихъ на берегъ найденнаго русла рѣки, приступили къ работѣ.

Было жарко. Это дало намъ возможность просушить вещи—въ томъ числѣ спички и патроны—и самимъ обсушиться. Но работать на солнцепекѣ было тяжело.

У Михаила руки были стерты чуть не до кости, я работалъ въ полуобморочномъ состояніи, ничего не видя передъ собой. А большую часть времени я даже и не работалъ, а лежалъ на прибрежной галькѣ, свѣсивъ голову въ воду. Михаилъ съ тревогой смотрѣлъ на меня, старался меня ободрить, но и его состояніе было не многимъ лучше моего.

Прервавъ работу, Михаилъ пошелъ съ ружьемъ вдоль берега, въ надеждѣ подстрѣлить какую-нибудь дичь на обѣдъ. Охота вышла удачная; черезъ полчаса онъ вернулся, неся убитаго рябчика.

— Двухъ подстрѣлилъ,—сказалъ онъ, передавая мнѣ добычу:—да одинъ въ воду упалъ, подъ корчаги его унесло.

Сварили мы птицу, съѣли ее. Рябчикъ оказался меньше вчерашней куропатки, но такой-же вкусный.

Къ вечеру поспѣлъ плотъ. Мы сдѣлали его значительно длиннѣе и уже, чѣмъ первые два плота. Думали, что двухъ толстыхъ бревенъ съ третьимъ бревномъ потоньше посерединѣ будетъ достаточно, чтобы выдержать тяжесть двухъ человѣкъ. Связать бревна на этотъ разъ удалось недурно. Но когда мы поутру, нагрузивъ плотъ, стали на него съ шестами и оттолкнулись отъ берега, онъ накренился и медленно опустился на дно.

Мы едва успѣли поймать поплывшія по теченію вещи и выбраться на берегъ. Михаилъ стоялъ, опустивъ руки. Лицо его выражало крайнюю степень растерянности. Я теперь только замѣтилъ, какъ осунулся и похудѣлъ онъ за эти дни, какіе черные круги появились у него подъ глазами.

Онъ хотѣлъ сказать что-то и, видимо, не находилъ нужныхъ словъ. Наконецъ, спросилъ меня:

— Ну?

— Я отвѣтилъ такъ-же глубокомысленно:

— Ничего!

— То-есть, какъ ничего?—переспросилъ Михаилъ.

— Да такъ вотъ...

Затѣмъ я замѣтилъ:

— У насъ теперь времени много. Сядемте, обсушимся!

Сѣли на горячій песокъ, разулись, вылили воду изъ сапогъ и положили ихъ на солнце сушиться. Сидѣть на галькѣ было пріятно. Пріятно было также глядѣть на рѣку и на лѣсъ, залитый сіяніемъ утренняго солнца. Я предложилъ:

— Ляжемте, отдохнемъ немного! Потомъ станемъ думать...

Михаилъ сказалъ:

— Теперь ясно одно; по этой проклятой рѣкѣ дальше плыть нельзя. Значитъ, приходится идти лѣсомъ. Какъ-нибудь проберемся и съ голоду не помремъ. Весь вопросъ,— куда идти? Гдѣ мы теперь? Вы не знаете?

Но я не отвѣтилъ. Я не могъ ни о чемъ думать. Мнѣ хотѣлось безъ всякихъ мыслей лежать на галькѣ подъ ласковыми солнечными лучами, смотрѣть на небо, на деревья.

Я не отвѣтилъ Михаилу, скользя взглядомъ по верхушкамъ тополей на противоположномъ берегу рѣки, безпечно перебиралъ пальцами горячіе камешки.

Вдругъ я замѣтилъ характерную вершину гольца за линіей тополеваго лѣса. Свѣтло-сѣрая каменная масса казалась прозрачной подъ косыми лучами солнца и почти сливалась съ голубымъ небомъ. Мнѣ казалось, что я уже видѣлъ эту вершину.

— Смотрите, Михаилъ!—сказалъ я:—узнаете эту вершину? Вонъ тамъ за лѣсомъ.

— Вы думаете, это Киваги?

— Да, Киваги!

— Пожалуй...

— А если такъ, то мы сейчасъ узнаемъ, гдѣ мы находимся и куда намъ идти!

Я досталъ карту, разыскалъ на ней Киваги, прикинулъ по компасу, въ какой сторонѣ отъ насъ онъ расположенъ.

Выходило по картѣ, что мы находимся на Челасинѣ недалеко отъ впаденія его лѣвыхъ притоковъ Аимчи и Маиля, всего вѣроятнѣе, ниже Аимчи и выше Маиля.

Выяснивъ это, я спросилъ Михаила:

— Какъ же идти намъ? по рѣкѣ, что-ли?

— Нѣтъ! разъ лѣсомъ идти, такъ по прямой линіи, по компасу,—возразилъ Михаилъ.—Нужно только направленіе выбрать.

Я разсматривалъ карту и соображалъ:

— Отсюда до Нелькана верстъ 150. Если идти прямикомъ на Маю, будетъ верстъ 80, а то и больше. Придется пади пересѣкать, рѣчки, болота... Намучаемся! А до тропы верстъ 30, не больше. Тутъ придется на западъ идти... 30 верстъ тайгой — немного, а дальше старой дорогой идти—совсѣмъ легко.

— Такъ и пойдемъ!—рѣшилъ Михаилъ.—Нужно компасъ провѣрить.

Свѣрили компасъ съ солнцемъ. Выяснилось, что магнитная стрѣлка указываетъ направленіе вѣрно.

Условились, что идти будемъ только по компасу, выдерживая прямую линію съ востока на западъ. Если встрѣтимъ болота и бадароны, обходить ихъ будемъ съ сѣвера.

Принявъ эти рѣшенія, отобрали наиболѣе необходимыя вещи, все лишнее бросили на берегу, осторожно переправились черезъ рѣку на злосчастномъ плоту и, простившись съ Челасиномъ, углубились въ чащу.

XIV.

Съ рѣки казалось, будто берегъ покрытъ рѣдкимъ крупнымъ лѣсомъ, и другой растительности нѣтъ на немъ. Но

когда мы вошли въ лѣсъ, оказалось, что пространство между деревьями сплошь заросло густымъ кустарникомъ выше роста человѣка.

Какихъ кустовъ только не было здѣсь! Смородинникъ, „охта“, жимолость и шиповникъ перемѣшались съ боярышникомъ, корявой ольхой, можевельникомъ и пышнымъ кедромъ. Кусты сплелись въ сплошную массу. Намъ стоило большого труда пробираться сквозь нихъ.

Медленно, шагъ за шагомъ, продвигались мы впередъ. Я не выпускалъ изъ рукъ компаса. Михаилъ шелъ съ ружьемъ наготовѣ, поглядывая по сторонамъ, не подвернется ли какая-нибудь дичь. Около кустовъ съ ягодами мы останавливались. Кусты жимолости достигали здѣсь трехъ аршинъ въ высоту. Можно было рвать ягоды губами прямо съ вѣтокъ.

Попадались кусты, на которыхъ удлиненныя синія ягоды сидѣли цѣлыми гроздьями, такъ что вѣтка, зеленая сверху, снизу казалась голубовато-сизой.

Мы рады были этимъ кустамъ, какъ драгоцѣнной находкѣ.

Ягоды не только утоляли голодъ, — благодаря имъ не чувствовалась и жажда.

Одно было непріятно: въ глухихъ заросляхъ въ двухъ шагахъ нельзя было разглядѣть ничего. Можно было натолкнуться на змѣю, встрѣтиться со звѣремъ, и въ этомъ случаѣ мы были бы беззащитны.

Долго шли мы, продираясь сквозь кусты, отъ дерева къ дереву. Затѣмъ крупный лѣсъ кончился. Мы вышли на кочковатый лугъ, поросшій мелкимъ кустарникомъ.

Кустарникъ былъ незнакомый намъ. Вперемежку съ вербой и жимолостью шли кусты съ клейкими, свернутыми въ

трубку листьями и другіе кусты съ мелкими-мелкими листьями, напоминавшими изрѣзанныя, перистыя лапы папоротника.

Кусты росли на кочкахъ, а между кочками нога проваливалась въ топкую трясину. Кочки, неподвижныя у опушки лѣса, дальше становились все болѣе зыбкими. Казалось, онѣ держатся надъ болотомъ, какъ пустыя бочки, плавающія въ рѣкѣ: ступишь на кочку,—она или опрокинется, или погрузится внизъ.

Мы забрались въ бадаронъ. Дальше идти впередъ было невозможно, хотя въ двухъ-трехъ верстахъ синѣла передъ нами стѣна лѣса,—тамъ кончалось болото.

Рѣшили свернуть направо и обойти болото съ сѣвера. Разсчитывали, что обходъ будетъ не слишкомъ большой, такъ какъ долина Челасина оставалась къ югу отъ насъ, а къ сѣверу шелъ подъемъ въ гору.

Выбрались изъ болота и пошли опушкой лѣса. Заросли были настолько густы, что мы съ Михаиломъ нѣсколько разъ теряли изъ виду одинъ другого. Приходилось идти, перекликаясь.

Когда добрались до сѣвернаго края бадарона, здѣсь оказалась и лѣсная граница. Рѣдкій лѣсъ, поросшій кустами, смѣнялся здѣсь сухимъ хвойнымъ лѣсомъ съ мягкимъ мхомъ подъ деревьями.

Здѣсь кончалась низменная полоса челасинской долины, начинался материковый берегъ. Подъемъ былъ незначительный, тянулся только черезъ всю ширь лѣса уступъ въ полтора-два аршина. Ниже его (къ югу) шли направо кусты посреди рѣдкихъ деревьевъ, а налѣво болотныя кочки, выше (къ сѣверу)—стояли пихты, ели и могучіе кедры.

Поднявшись въ тайгу, мы опять пошли на западъ. Идти

пришлось вдоль уступа, почти по опушкѣ тайги. Оказалось, что бадаронъ, который мы только что обходили, имѣлъ форму прямоугольника. Длинныя стороны его тянулись съ юга на сѣверъ, а узкая сторона шла съ востока на западъ.

Послѣ зарослей, скрывавшихъ насъ съ головой, тайга казалась не слишкомъ густой. Затруднялъ передвиженіе лишь валежникъ. То и дѣло спотыкались мы, задѣвая ногой за гнилыя колоды. Много разъ падали, но на мягкомъ мху эти паденія не были такъ опасны, какъ на хаосѣ бревенъ челасинской плотины.

Хороша была тайга и тѣмъ, что здѣсь можно было присѣсть отдохнуть. Можно было даже вытянуться на мягкой мховой постели. А въ заросляхъ, черезъ которыя мы пробирались все утро, негдѣ было расположиться на отдыхъ.

Опустились на землю. Разглядываемъ карту, соображаемъ, много ли прошли.

Повидимому, отошли мы недалеко. Но все-же выбрались наконецъ, изъ Челасинскаго лабиринта, покончили съ капризной горной рѣкой, — и то хорошо! Теперь у насъ твердая земля подъ ногами, кругомъ тайга.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ на западъ отъ насъ — аяно-нельканская тропа. Нужно только дойти до нея.

Простая и ясная задача! Сбиться при рѣшеніи ея — невозможно...

Бросивъ багажъ на Челасинѣ, мы сохранили при себѣ оружіе, — двустволку, револьверъ, ножъ и топоръ; захватили съ собой, кромѣ компаса, также карты и спички, кусокъ веревки, брезентъ для палатки, остатки сахару и какао.

Ягодъ въ тайгѣ сколько угодно. И ягоды, къ тому же

дозрѣли за время нашихъ скитаній по „пробкѣ“. Теперь онѣ сочныя, вкусныя.

Дичь тоже попадается. Значитъ, мы обезпечены всѣмъ необходимымъ. Бояться намъ нечего!

Правда, мы измучились, ослабѣли на Челасинѣ. Но зато, за двѣ недѣли мы привыкли къ тайгѣ, приспособились къ ней.

На привалѣ не приходится долго возиться: палатка устанавливается сразу, сразу разгорается костеръ, быстро закипаетъ вода въ котелкѣ.

И намъ пріятно сознаніе, что мы привыкли къ тайгѣ. Это искупаетъ отчасти и упадокъ нашихъ силъ, и раны на рукахъ и на ногахъ.

— Ну, что? Выберемся теперь изъ тайги? смѣясь, спрашиваю я Михаила.

Онъ занятъ осмотромъ своего сапога. Озабоченно разглядывая сбившійся на сторону каблукъ, соображаетъ, нельзя ли починить его. Поглощенный всецѣло этимъ дѣломъ, онъ не слышитъ моего вопроса.

— Какъ думаете? повторяю я: Выберемся мы отсюда, или нѣтъ?

— Теперь-то выберемся, отвѣчаетъ Михаилъ: вотъ только, не знаю, какъ сапоги. Выдержатъ ли?..

Побрели дальше. Попался рябчикъ на опушкѣ лѣса, возлѣ болота. Михаилъ застрѣлилъ его.

Птичка небольшая, съ сѣрыми крылышками и темными перышками на головѣ...

Я голоденъ, мнѣ хочется сейчасъ-же изжарить или сварить убитую птицу.

— Давайте, сдѣлаемъ привалъ! прошу я товарища.

— Да мы только-что отдыхали, возражаетъ Михаилъ: развѣ вы устали опять?

— Не усталъ, да вотъ рябчикъ...

— Рябчикъ отъ насъ не улетитъ!.. Давайте, хоть до воды доберемся.

И видя, что мнѣ тяжело отказаться отъ мысли объ обѣдѣ, Михаилъ лукаво замѣчаетъ:

— До обѣда, можетъ быть, еще что-нибудь подстрѣлимъ, сытнѣе будетъ.

Противъ этого довода я ничего не могу возразить. Михаилъ привязываетъ птицу къ поясу, и мы продолжаемъ путь. Я иду сзади и глазъ не спускаю съ нашей добычи.

Чувствую, что силъ у меня мало. Кружится голова, темно въ глазахъ.

Я шагаю черезъ силу, стараясь не отстать отъ товарища, но не вижу ни дороги, ни деревьевъ кругомъ, ни Михаила. Вижу лишь, въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собой, его высокіе сапоги съ сбитыми каблуками и выше ихъ—рябчика съ безсильно опущенной головой, съ связанными вверху тоненькими лапками.

Жужжатъ комары. Тучами кружатся они надъ нами, облѣпили руки, лицо. Но—странное дѣло,—укусы ихъ теперь почти не чувствительны.

Наконецъ, остановились у ключика.

Ключъ бѣжитъ изъ лѣса, съ сѣвера, и теряется въ болотѣ. Теченіе у него почти прямое, такъ что кажется, будто бѣжитъ онъ по прорубленной черезъ тайгу просѣкѣ.

Но въ просѣку не видно горъ. Киваги, повидимому, остался къ востоку отъ просѣки, а холмы, черезъ которые переходили мы, приближаясь къ Челасину, лежали много дальше, къ западу.

На ключикѣ мы отдохнули. Сварили рябчика съѣли его; вздремнули съ часокъ. На привалѣ я не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, напротивъ, былъ оживленъ, веселъ, смѣялся, шутилъ Но лишь только двинулись мы въ путь, снова оказалось, что я съ трудомъ передвигаю ноги.

У Михаила все шло по иному. На привалѣ онъ чувствовалъ усталость и добросовѣстно отдыхалъ, а во время переходовъ шелъ, какъ автомобиль. И меня онъ поучалъ тому-же.

— Когда останавливаемся отдыхать, вы отдыхайте, не дѣлайте лишнихъ движеній. А въ пути объ усталости не думайте. Хоть стихи про себя повторяйте, хоть о чемъ угодно думайте, только не объ усталости.

Но я не могъ послѣдовать этимъ благоразумнымъ совѣтамъ.

Граница лѣса, которой мы придержавались, свернула влѣво. Выдерживая принятое направленіе на западъ, мы оставили опушку и пошли вглубь тайги.

Лѣсъ сталъ крупнѣе. Чаще попадались лиственницы. Мелькали между пихтами и елями бѣлые стволы березъ. Мѣстами виднѣлись цѣлыя березовыя рощицы—десятка два березокъ съ свѣтло-зеленой, яркой и нѣжной листвой.

Нѣсколько разъ эти рощицы сбивали насъ съ толку.

Подъ лучами солнца бѣлые стволы за темными рядами елей и пихтъ создаютъ странный обманъ зрѣнія: кажется, будто за ними кончается лѣсъ.

Бѣлыя полосы манятъ къ себѣ, какъ просвѣтъ надъ рѣкой. И нѣсколько разъ мы сворачивали то влѣво, то вправо, обманутые этими полосами.

Часамъ къ тремъ пополудни вышли на рѣку.

Рѣка бѣжала почти навстрѣчу намъ, съ сѣверо-запада.

Замыкали ее высокіе, строгіе берега. Не видно было надъ нею ни ветлы, ни березы. Темнѣли лишь остроконечныя, отливающія синевой пихты, да мохнатыя лиственницы.

Мы вышли къ рѣкѣ надъ кручей. Вода бѣжала, въ глубокомъ оврагѣ у нашихъ ногъ, и вершины деревьевъ, росшихъ внизу, у воды, не доходили до середины крутого берега.

Скатъ берега былъ песчаный, поросшій соснякомъ. Придерживаясь за деревья, мы спустилисъ къ водѣ.

Теченіе у рѣки было быстрое. Рѣка казалась мелкой у береговъ, но глубокой по серединѣ.

Чтобы продолжать путь на западъ, мы должны были перебраться на правый берегъ рѣки, а это было сложное дѣло.

— Пожалуй, придется плотъ снова рубить, сказалъ Михаилъ.

— Не стоитъ! возразилъ я: можетъ быть, выше окажется бродъ. Пойдемъ пока берегомъ.

На сѣверо-западъ идти или на западъ, разница не велика.

Михаилъ всматривался въ гальку на днѣ рѣки и на берегу.

— Еслибъ только узнать, что это за рѣка! вздыхалъ онъ.

Галька въ рѣкѣ была характерная. Блестѣли яркіе зеленоватые камешки, похожіе на осколки малахита.

Мы одновременно оба узнали рѣку:

— Да это Аимча!

Это, дѣйствительно, была Аимча.

Количество воды, сила теченія, сумрачные берега—все

напоминало рѣку, которую мы переходили полторы недѣли тому назадъ.

— Пересѣкать рѣку намъ совсѣмъ не придется, сказалъ я, доставъ карту и взглянувъ на нее: можемъ до самой тропы идти по рѣкѣ.

— Тѣмъ лучше! согласился Михаилъ. А если петли пойдутъ, тамъ ясно будетъ, что предпринимать. Да петель на Аимчѣ, какъ будто и нѣтъ.

Пошли по рѣкѣ, держась у самой воды. Шли по галькѣ.

Хорошо было идти, не цѣпляясь за вѣтки деревьевъ, не спотыкаясь о колоды, не натыкаясь на пни. Но солнце стояло за рѣкой, надъ правымъ берегомъ ея. Тѣнь отъ высокаго берега хватала до середины рѣки. А мы шли лѣвымъ берегомъ, на солнцепекѣ. И жара порядкомъ мучила насъ. Спасались мы тѣмъ, что поминутно наклонялись къ рѣкѣ и освѣжали себѣ лицо, голову и руки студеной водой, а то мокали въ воду вѣтку и ею кропили себѣ и лицо, и грудь, и спину.

Берега начинаютъ сдвигаться, ихъ склоны становятся круче, рѣка бѣжитъ, какъ въ ущельѣ. Полоса гальки, по которой мы шли, исчезла. Приходится дальше идти косогоромъ.

Тутъ лежатъ круглые бѣлые камни, похожіе на обточенныя водой глыбы кварца. Попадаются друзы горнаго хрусталя. Хрусталь дымчатый, нечистый, съ мелкими кристаллами желтовато-сѣраго цвѣта. Я поднялъ нѣсколько кристалловъ съ земли и взялъ ихъ съ собою на память.

Нога срывается съ крутизны косогора. Приходится подниматься выше, дальше отходить отъ воды. Теперь мы идемъ надъ рѣкой по высокому берегу.

Провѣрили по компасу направленіе. Оказывается, все время мы шли на сѣверо-западъ. Но вотъ рѣка сворачиваетъ круто налѣво. Идти-ли дальше по теченію ея, или придерживаться компаса?

Осматриваемся по сторонамъ. Сквозь стволы деревьевъ видно, что мы стоимъ на возвышенности, на вершинѣ холма. Рѣка обтекаетъ его, образуя петлю.

Мы рѣшаемъ пройти черезъ холмъ напрямикъ, такъ какъ за холмомъ должно быть продолженіе рѣки.

Идемъ, сперва по гребню, затѣмъ спускаясь постепенно по пологому склону. Въ лѣсу еще не стемнѣло, но солнца не видно. Въ воздухѣ разлита голубоватая тѣнь, предшествующая сумеркамъ.

Мы оба устали смертельно. Давно пора бы остановиться на отдыхъ. Но мы стараемся пройти до вечера какъ можно дальше,—благо, день выдался счастливый: и охота удалась, и ягоды все время были подъ рукой, и за цѣлый день мы ни разу не сбились съ намѣченнаго пути.

Идемъ, медленно ступая по мху, расходуя послѣднія силы.

Вдругъ я замѣтилъ справа узкій просвѣтъ между деревьями. Съ усиленно бьющимся сердцемъ бросился въ ту сторону, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вышелъ на опушку лѣса.

Передо мной лежала свѣтлая, изумрудно-зеленая лужайка, пологимъ скатомъ сбѣгавшая къ быстрой рѣкѣ. За лужайкой виднѣлась просѣка, а вверхъ по склону холма убѣгала отъ рѣки въ лѣсъ узкая тропинка.

Въ это время Михаилъ радостно крикнулъ мнѣ:

— Затесъ!

Онъ замѣтилъ слѣдъ топора на корѣ дерева.

Я отвѣтилъ товарищу:

— Дорога!

На полянкѣ и возлѣ нея лежало нѣсколько сваленныхъ вѣтромъ лиственницъ. Мы стащили ихъ въ кучу и, когда стемнѣло, зажгли.

Языки веселаго, смѣющагося огня били къ небу выше толпившихся вокругъ насъ неподвижныхъ деревьевъ, а мы, разбитые усталостью, измученные, но все же счастливые, довольные, гордые лежали у костра, смотрѣли на искры и пламя и торжествовали свою побѣду надъ тайгой.

Оставшіяся восемьдесятъ верстъ мы прошли въ три дня, питаясь въ пути ягодами и дичью. Въ Нельканъ вернулись на 16 сутки послѣ начала путешествія. Похудѣли, осунулись мы за эти дни, какъ послѣ тяжкой болѣзни.

Но о предпринятомъ путешествіи мы не жалѣли.

Мы побывали въ сердцѣ неприступной тайги.

Боролись съ ней и побѣдили!

Теперь тайга спитъ. Она еще не освободилась отъ снѣга. Но скоро зазеленѣетъ тайга, загремятъ полой водой горные ручьи и таежныя рѣки, — и каждаго, кто хоть разъ былъ въ тайгѣ, потянетъ снова вглубь лѣса, подъ вѣковыя деревья, на берега извилистыхъ и быстрыхъ потоковъ.

Хорошо тамъ, въ тайгѣ!

Иркутскъ, февраль 1915 г.

На Ленѣ

I.

Своеобразно красива Лена съ ея суровыми, неприступными берегами. Непохожа она на рѣки Европейской Россіи.

Изрѣдка лишь то здѣсь, то тамъ мелькнетъ въ колючихъ сосновыхъ поросляхъ знакомый пейзажъ нашего Сѣвера. Усѣянныя островами излучины рѣки напоминаютъ тихія озера Финляндіи. Обнаженные известняки, ровная зелень хвои подъ синевой неба... Кажется, что все это видѣлъ не разъ въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Петрограда.

Но вотъ, завернула рѣка за скалистую косу, открылась даль съ уходящими въ безконечность горами,—и чувствуешь, что все здѣсь чужое, далекое, не похожее на то, къ чему мы привыкли...

Все въ ленскомъ пейзажѣ говоритъ о неизмѣримыхъ пространствахъ, о неизслѣдованныхъ и недоступныхъ человѣку пустыняхъ.

Громоздятся налѣво и направо горы. Гряда за грядой, цѣпь за цѣпью тянутся онѣ. И нѣтъ имъ числа. Гдѣ-то на горизонтѣ теряются онѣ. И никто еще не ступалъ ногой по ихъ зеленѣющимъ вершинамъ.

Что-то суровое, угрожающее притаилось въ ленскомъ пейзажѣ.

Врѣзалась грубоко въ рѣку покрытая лѣсомъ гора. Крутыми, почти отвѣсными уступами обрывается она. Снизу облѣпили ее громады сѣрыхъ камней. Еще ниже стелется мелкая галька.

Скользнулъ лучъ солнца по горѣ. И кажется, будто она ожила, будто склоны ея дышатъ, будто колеблется ея мохнатый гребень.

Ожила громада камня и лѣса. Это—драконъ, залегшій поперекъ рѣки, стерегущій сокровище и съ угрозой глядящій на плывущихъ мимо него.

Повернула рѣка, обогнула утесъ. Пропалъ изъ глазъ зеленый драконъ. Теперь теченіе сжато съ обѣихъ сторонъ лѣсистыми скатами. Но той же угрозой полна спускающаяся къ водѣ тайга. И попрежнему чудится, что громоздящіяся вокругъ горы не спроста стоятъ здѣсь, что онѣ охраняютъ входъ въ царство кладовъ. Это гиганты у воротъ въ золотоносную Витимскую тайгу.

Трудно отдѣлаться отъ этой мысли на Ленѣ. Можетъ быть, думаешь объ этомъ, такъ какъ привыкъ вкладывать опредѣленное содержаніе въ понятіе „Лена“.

А, можетъ быть, самый видъ безконечныхъ, растянувшихся на тысячи верстъ гористыхъ пустынь наводитъ на эти мысли.

Богатства Ленскаго края до сихъ поръ почти не разрабатываются.

Край, въ огромной части, еще не заселенъ. Изрѣдка промелькнетъ деревушка въ прибрежной долинѣ. Полтора-два десятка домовъ съ убогими надворными строеніями. При рѣкѣ—полдюжины лодокъ—„шитиковъ“ съ каютами въ видѣ кибитки. За околицей покосившаяся, потемнѣвшая отъ времени часовня.

Кругомъ поля, огороды. Но сразу видишь, что ихъ слишкомъ мало, что деревушка не прокормится ими.

Ленскій крестьянинъ кормится, по мѣстному выраженію, „не сохой, а кнутикомъ“. Здѣшніе мужики—потомки „государевыхъ ямщиковъ“ и до сихъ поръ живутъ почтовой гоньбой.

Издавна установился въ ленской деревнѣ обычай взваливать на женщинъ работу, которую въ русской деревнѣ выполняютъ мужчины. Женщина идетъ здѣсь за сохой, ѣдетъ въ лѣсъ за дровами, бредетъ въ водѣ съ неводомъ. Женщина даже бурлачитъ и съ лямкой черезъ плечо тянетъ лодку вверхъ по рѣкѣ. А мужская работа здѣсь—ямщицкій кнутикъ.

Но почтовая гоньба падаетъ. Иные почтовые тракты Ленскаго края ужъ отмѣнены. Въ другихъ мѣстахъ лѣтнюю гоньбу замѣнилъ пароходъ.

„Государевы ямщики“ постепенно превращаются въ обыкновенныхъ крестьянъ.

Въ жизни края произошелъ сдвигъ за послѣдніе годы,—крестьяне „принялись за землю“. И объ этомъ краснорѣчиво говорятъ обступившіе рѣку лѣса.

Чтобы раздѣлать землю подъ пашню, мѣстный крестьянинъ долженъ выдержать нелегкую борбу съ тайгой. Нужно свезти лѣсъ, выкорчевать пни, выжечь остатки хвороста, хвои, мха.

Чѣмъ гуще и старѣе лѣсъ, тѣмъ труднѣе борьба съ нимъ, тѣмъ тяжелѣе расчистка его подъ пашню. При расчисткѣ стараго лиственичнаго лѣса иной разъ двумъ работникамъ приходится цѣлый день биться надъ однимъ пнемъ...

Но борьба съ тайгой началась. И когда плывешь по

Ленѣ, на берегахъ ея видишь слѣды этой борьбы. Видишь зимовья, поставленныя посреди лѣса тамъ, гдѣ начаты работы по расчисткѣ. Видишь подсѣченныя у корня высохшія лиственницы. Видишь посреди лѣса полянки съ уродливо торчащими обгорѣлыми пнями.

Человѣкъ вступилъ въ борьбу съ тысячелѣтней тайгой и пядь за пядью отвоевываетъ у нея землю.

И кажется порой, что тайга понимаетъ человѣка. Понимаетъ, что человѣкъ—врагъ ея. И ненавидитъ его, готова мстить ему.

Вотъ тянется пологій берегъ, среди угрюмыхъ сосенъ мелькаютъ нѣжныя лиственницы и стройныя, будто выточенныя изъ драгоцѣннаго камня красавицы-пихты.

Это—тайга, не тронутая человѣкомъ.

Проплыли нѣсколько десятковъ сажень,—и картина измѣнилась.

Безпорядочно громоздятся стволы сваленныхъ деревьевъ. Надъ ними тянутся въ воздухъ узловатые сучья. Изломанныя, истерзанныя вѣтви лиственницъ, какъ проклинающія руки, подняты кверху. А дальше, на склонѣ горы, зеленѣетъ тайга. Но теперь, когда человѣкъ ворвался въ ея царство, она ужъ не стоитъ надъ водой равнодушной, безгласной стѣной. Она проснулась, и въ каждомъ шелестѣ, въ каждомъ движеніи милліоновъ вѣтвей ея—угроза.

Безсильная угроза!

Человѣкъ побѣдитъ тайгу.

Плыли мы по Ленѣ мимо горы, покрытой густымъ дикимъ боромъ.

Рѣдко приходилось мнѣ раньше видѣть такую глушь. Я замѣтилъ товарищу.

— Вотъ это лѣсъ! Сюда бы парочку медвѣдей на опушку,—и совсѣмъ хорошо было-бъ.

— Да! Сюда еще не добрался человѣкъ!

Но въ этотъ моментъ мелькнулъ сквозь чащу деревьевъ телеграфный столбъ съ блестящимъ фарфоровымъ изоляторомъ.

Мы вспомнили о почтовомъ трактѣ и телеграфной линіи, тянущихся вдоль Лены.

Электрическій изоляторъ вмѣсто мохнатаго Мишки—это нынѣшнее положеніе Лены.

Дикая пустыня, черезъ которую за три столѣтія прошли и проѣхали съ юга на сѣверъ сотни тысячъ людей. Всѣ они шли туда, вдаль, за угрюмыя горы, за золотомъ и за пушниной. И до сихъ поръ идутъ они этимъ путемъ.

Пробили дороги, провели телеграфъ. Но дикимъ и безлюднымъ остается край, которымъ идутъ и ѣдутъ люди на сѣверъ...

II.

До Качуга ѣхалъ я на почтовыхъ. Дальше спускался въ лодочкѣ. Можно было еще плыть на товарной „посудинѣ“, „паузкѣ“. Но мы съ Михаиломъ предпочли лодку. Только плывя въ лодкѣ, видишь рѣку, чувствуешь ея жизнь, слышишь говоръ ея струй, шопотъ ея береговъ.

Мы плыли вдвоемъ. Одинъ на веслахъ, другой на кормѣ, у руля. Посреди лодки сложили багажъ. Старались держаться въ теченіи рѣки. Неуклюжіе, грузные паузки отставали отъ насъ. Но за лодками спускавшихся по Ленѣ пріискателей угнаться мы не могли.

На каждой парѣ веселъ пріискателей сидитъ по четыре

человѣка. Плывутъ они только днемъ, смѣняя гребцовъ каждый часъ. А мы плыли днемъ и ночью и частью гребли, частью шли по теченію.

Обгоняетъ насъ лодка. Въ ней человѣкъ пятнадцать-двадцать. На кормѣ парень въ лакированныхъ сапогахъ; картузъ лихо сбитъ на ухо; рубаха малиновая, плисовая; на шеѣ серебряная часовая цѣпочка съ кистями. Видно, бывалый пріискатель.

Оглянулся на насъ:

— Куда плывете?

— Нанизъ.

— Далече?

— До Устъ-Кута.

— Что васъ такъ мало? Не боязно вдвоемъ-то?

— А чего бояться? отвѣчаемъ мы.

— Всяко бываетъ! предупреждаетъ насъ .пріискатель и прибавляетъ:

— Путь добрый!

— Спасибо.

Лодка съ пріискателями скрылась за островомъ. Мы плывемъ дальше.

Догоняя паузки, вступаемъ въ бесѣду съ командой.

Спрашиваемъ:

— Далеко до станка?

Намъ каждый разъ отвѣчаютъ:

— А кто его знаетъ? Чего васъ такъ мало? Не боитесь, вдвоемъ-то?

Въ Жигаловѣ намъ объяснили, почему по Ленѣ слѣдуетъ плавать большой компаніей.

Рѣка не представляетъ опасности. Но народъ на рѣкѣ безпокойный. Много бродягъ, жигановъ. Могутъ ограбить.

Весной грабежи и убійства случаются относительно рѣдко: грабить некого, такъ какъ весной по Ленѣ спускаются на пріиски люди безъ денегъ. Но осенью каждый годъ десятки людей пропадаютъ на Ленѣ безъ вѣсти,—благо, концы въ воду спрятать не трудно...

Все же и изъ Жигалова выплыли мы вдвоемъ.

Отчалили подъ вечеръ, часовъ въ семь.

Укладывая вещи въ лодку, я замѣтилъ на берегу, у воды, оборваннаго субъекта съ небритой, опухшей физіономіей. Засунувъ руки въ штаны, субъектъ слѣдилъ за нами. Встрѣтившись съ моимъ взглядомъ, спросилъ:

Плыть думаете?

— Да.

— Что-жъ поздно такъ?

— Нужно къ пароходу поспѣть.

— Такъ скрозь и плывете всю ночь?

— Да.

Подошелъ къ намъ высокій и худощавый человѣкъ въ старой солдатской шинели безъ пуговицъ.

— Далеко плывете?

— До Усть-Кута.

— Путь добрый!

Лучшее время на рѣкѣ—вечеръ. Горитъ заря на небѣ, загорается золотымъ и алымъ пламенемъ вода подъ лодкой и подъ веслами. А берега становятся черными,—будто въ небо и въ воду ушли всѣ краски.

Хорошо въ это время на рѣкѣ!

Но догорѣла заря. Потемнѣла вода, потянуло отъ нея прохладой. Берега сдвинулись, стали выше, неприступнѣй. Рѣзче обозначились въ небѣ гребни обступившихъ насъ горъ.

Я спросилъ товарища:

— Вы замѣтили тѣхъ господъ въ Жигаловѣ?

— Жигановъ? Какъ-же, замѣтилъ.

— Каковы думаете? Они поплыли за нами?

— У нихъ, кажется, лодки не было. А, можетъ быть, достали...

— Но мы замѣтили бы ихъ...

— Если плывутъ, то вдали. Нужно будетъ слѣдить.

Становилось все холоднѣе. Я одѣлъ шубу, сунулъ ноги въ валенки.

— Сосните на кормѣ! предложилъ товарищъ, а потомъ смѣните меня...

Зажигались звѣзды въ небѣ. Все глуше гудѣла, стонала тайга. Я не замѣтилъ, какъ заснулъ.

Очнулся, когда услышалъ свое имя.

Лодка беззвучно плыла по рѣкѣ. Михаилъ, поднявъ весла, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ чему-то.

— Въ чемъ дѣло? тревожно спросилъ я.

— За нами плывутъ.

— Давно?

— Съ часъ.

— Догоняютъ?

— Нѣтъ, держатся въ одномъ разстояніи.

Я прислушался. Тишина. Только тайга гудитъ да журчатъ струи воды...

— Вамъ показалось.

— Нѣтъ! Слушайте!

Михаилъ взялся за весла. Минутъ пять гребъ изо-всѣхъ силъ. Затѣмъ пересталъ. Лодка продолжала идти по инерціи.

Издали отчетливо донеслись всплески веселъ.

— Лодка большая, замѣтилъ я, причалимъ къ берегу.

— На водѣ выгоднѣй. Здѣсь мы ихъ не подпустимъ къ себѣ. А на берегу ихъ перевѣсъ.

— Пропустимъ ихъ впередъ.

— Не удастся. Слышите?

На задней лодкѣ перестали грести.

Мы рѣшили плыть до ближайшаго села.

Михаилъ ровными ударами веселъ гналъ лодку впередъ. Я подгребалъ кормовымъ весломъ. Сзади въ темнотѣ шла за нами та лодка. Мы не видали ея. Слышали только всплески веселъ да смутные звуки голосовъ.

Было немного жутко. Не было основаній бояться встрѣчи съ жиганами, такъ какъ въ нашихъ рукахъ оставалось достаточно средствъ защиты. Но вся обстановка навѣвала непреодолимое чувство тревоги.

Мы работали изо-всѣхъ силъ. Прислушивались къ тайгѣ, прислушивались къ шуму веселъ за нами. Пристально вглядывались въ ночную тьму, не блеснутъ ли огоньки далекой деревни.

Но нигдѣ не видно было слѣдовъ человѣческаго жилья. Кругомъ царила безпросвѣтная ночь. Чернѣла вода, шумѣли деревья.

Но вотъ, справа у самой воды мелькнулъ огонекъ. Вотъ ближе, яснѣе...

Костеръ!

На берегу, какъ видно, расположилась на ночь команда торговаго паузка.

Поблизости блеснулъ и другой костеръ. Дальше еще огонекъ.

А на другой сторонѣ рѣки надъ кустами вырисовываются очертанія крышъ.

Мы въ безопасности.

— Не стоитъ приставать! Пусть они пристаютъ, если желаютъ!

Выѣзжаемъ на середину рѣки и останавливаемъ лодку, отгребаясь противъ теченія. Держимся между деревней и кострами.

Рѣка здѣсь широкая, мѣсто открытое, теченіе медленное. Прислушиваемся...

Въ задней лодкѣ перестали грести. Плывутъ по теченію. Приближаются къ намъ. Ужъ можно разобрать очертанія лодки...

Но вотъ замѣтили насъ. Заработали веслами. Гребутъ къ берегу. Слышно, какъ причалили недалеко отъ костра.

Весело возбужденные, плывемъ мы дальше. Кругомъ гудитъ тайга.

И не знаемъ мы, что за лодка плыла за нами.

Что за люди сидѣли въ ней?

Можетъ быть, жиганы. А можетъ быть, такіе же мирные путники, какъ мы съ Михаиломъ, уклонившіеся отъ встрѣчи съ нами изъ опасенія, не покусились бы мы на ихъ тощіе кошельки...

За золотомъ

I.

Жизнь Лены — это жизнь проѣзжей дороги на сѣверъ, въ тайгу, въ царство золота и пушнины.

Черезъ трое воротъ выходятъ люди на эту дорогу— черезъ Качугъ, Жигалово и Усть-Кутъ.

Качугъ похожъ на небольшое торговое село гдѣ-нибудь въ верхнемъ теченіи Волги. Здѣсь начало ленскаго сплава. Весной здѣсь жизнь бьетъ ключемъ, — берегъ покрытъ бѣлыми досчанниками, рѣка запружена караванами паузковъ.

Въ Жигаловѣ — начало пароходнаго движенія. Выдѣляются здѣсь на фонѣ тайги крыши амбаровъ и стѣны мастерскихъ для ремонта судовъ. Мелькнетъ то круглый нефтяной бакъ, то высокая фабричная труба.

Усть-Кутъ—главное мѣсто погрузки прибывающихъ изъ Россіи товаровъ. Рѣка испещрена здѣсь флотиліями судовъ. Село имѣетъ видъ морского порта.

Но толпа въ Качугѣ, Жигаловѣ и Усть-Кутѣ одна и та же. Это толпа пріискателей.

Ленскій пріискатель не похожъ ни на крестьянина, ни на фабричнаго рабочаго. Это—особый, довольно своеобразный типъ.

Мѣстные крестьяне не любятъ этого типа. Въ ихъ раз-

говорѣ „пріискатель“ (или, какъ они выражаются, „прискакатель“) — бранное слово. Я слышалъ въ деревнѣ отзывъ объ одномъ буйномъ парнѣ:

— Шибко онъ изъ себя прискакателя показываетъ: что не по немъ, — сразу за ножъ.

Золотая горячка не заражаетъ ленскихъ крестьянъ. Мимо нихъ плывутъ на сѣверъ люди, которыхъ издалека привела сюда жажда быстраго обогащенія. Десятки лѣтъ плывутъ уже флотиліи пріискателей мимо ленскихъ деревень. Но мѣстные крестьяне равнодушно смотрятъ на нихъ, мѣстныхъ людей не соблазняютъ золотые клады тайги.

Въ чемъ причина этого?

Можетъ быть, золотая горячка безвредна для людей, выросшихъ на золотой землѣ, въ сосѣдствѣ съ таинственными кладами.

Можетъ быть, ленскихъ крестьянъ отпугиваетъ отъ золотоносной тайги видъ оборванныхъ, истощенныхъ людей, оставившихъ въ тайгѣ здоровье и силы и возвращающихся домой съ крупицами золота въ рукахъ...

Ленскіе крестьяне не идутъ на пріиски. Они довольствуются тѣмъ, что пропускаютъ мимо себя пріискателей и, по мѣрѣ возможности, обираютъ ихъ.

Въ былое время нерѣдко пріискателей напаивали въ деревняхъ до-пьяна и у пьяныхъ и сонныхъ отнимали вынесенную изъ тайги добычу. И пріискатели, возвращавшіеся домой, избѣгали останавливаться въ деревнѣ для ночного отдыха. Они чувствовали себя въ большей безопасности, ночуя подъ сѣнью деревьевъ въ тайгѣ, защитившись кострами отъ приближенія дикихъ звѣрей.

Но это было давно.

Теперь обираютъ пріискателей по-иному.

Вотъ Жигалово.

Все село — обширный постоялый дворъ для пріискателей. Въ каждомъ домѣ и шинокъ, и кабакъ, и лавченка.

Мѣстные крестьяне мало интересуются пашнями и огородами. Всѣхъ обуялъ здѣсь духъ торгашества, духъ наживы. Всѣ живутъ погоней за «длинными рублями», и это сразу замѣтно по внѣшнему виду села.

Праздно шатаются по единственной улицѣ села, праздно толпятся у берега проѣзжіе. Выдѣляются въ толпѣ фигуры въ широчайшихъ плисовыхъ шароварахъ и въ огромныхъ сапогахъ. Яркія рубахи. Серебряныя цѣпочки съ подвѣсками и кистями на груди. Широкіе кушаки, сплошь усѣянные стеклянными и серебряными пуговицами. Это — пріисковые щеголи.

Рядомъ съ ними — оборванцы, будто только-что выбравшіеся изъ ночлежки. Но иной оборванецъ держится здѣсь съ развязностью и самоувѣренностью человѣка, которому достаточно свистнуть, чтобы окружающіе бросились исполнять его волю. Ходитъ, пошатываясь, съ гармоникой въ рукахъ, горланя пѣсни. Пріисковые щеголи, какъ свита, окружаютъ его. Мѣстные мужики ломаютъ шапки передъ нимъ. Это старый пріискатель, которому не разъ фартило въ тайгѣ. Онъ бывалъ здѣсь и съ сотнями рублей на рукахъ, и съ тысячами. Теперь онъ нищій. Но осенью снова будетъ швырять деньгами. Мѣстные мужики поятъ его въ долгъ, зная, что за нимъ не пропадетъ.

Пугливымъ стадомъ жмутся на берегу крестьяне, впервые отправляющіеся на пріиски. Издалека ѣдутъ они артелями по 5—6 человѣкъ, съ женами и дѣтьми, со всѣмъ

скарбомъ въ сундукахъ и узлахъ. Землякъ, ослѣпившій ихъ вывезеннымъ изъ тайги богатствомъ и подбившій ихъ на дальнее путешествіе, гуляетъ въ селѣ. А они сидятъ, дожидаясь его, у лодки. И глаза ихъ съ тревогой устремлены на холодную рѣку и на безконечный лѣсъ. Сидятъ они въ глубокомъ молчаніи, неподвижные, будто застывшіе въ безрадостной думѣ.

О чемъ ихъ дума? О далекой, сѣрой деревнѣ, гдѣ не подъ силу имъ стала ихъ нудная, тусклая, безнадежная жизнь? Или о тайгѣ, что издали манила ихъ блескомъ кладовъ, а теперь такъ сурово, такъ хмуро глядитъ на нихъ со склоновъ сжавшихъ рѣку горныхъ хребтовъ?

Сидятъ надъ рѣкой эти люди, не сумѣвшіе устроить по-хорошему свою жизнь въ родной деревнѣ и бросившіе эту деревню ради новыхъ лишеній на дальней чужбинѣ. И насмѣшливо глядятъ на нихъ окна деревенскихъ избъ-кабаковъ,—каждый годъ катятся мимо этихъ оконъ людскія волны, неизмѣнныя, какъ волны рѣки...

II.

На рѣкѣ стоитъ, зацѣпившись якоремъ за берегъ, крошечный пароходикъ. На борту его выведено бѣлой краской: „Чайка“.

Остановились на берегу противъ него трое: высокій, бѣлокурый, въ малиновой рубахѣ, съ цѣпочкой на груди; черный, какъ жукъ, кавказецъ въ почернѣвшей отъ грязи курткѣ, перехваченной узкимъ ремешкомъ съ серебрянными украшеніями; и невысокаго роста подвижный и юркій субъектъ съ длинными усами, въ обтрепанномъ пиджакѣ, изъ-подъ котораго виденъ широкій поясъ съ гнѣздами для патроновъ.

Остановились, осматриваютъ пароходикъ.

Усатый рѣшительными шагами подымается на трапъ.

— Эй, ты! хозяинъ! Кто тутъ на пароходѣ?

Изъ каюты высовывается толстая рожа хозяина парохода. Онъ, видимо, спалъ и еще не окончательно очухался.

— Чаво тамъ? — оретъ онъ на усатаго пріискателя, стоящаго на трапѣ.—Чаво посудину качаешь?

— Твоя посудина?—спрашиваетъ усатый.

— Моя однако. А тебѣ чаво, паря?

— Пассажировъ возишь?

— Вожу.

— И грузъ возишь?

— Можно и грузъ.

— До Витима сколько возьмешь?

— Тебѣ что? Нанимать будешь?

— Можетъ найму. Какая цѣна твоя?

— Двѣсти рублей.

— А машина хорошая?

— Хороша.

— По Витиму плавалъ?

— Плавалъ.

— Давай рядиться! Да я не одинъ, — тутъ и товарищи со мной.

— Тебѣ куда плыть однако?

— Зайдемъ въ домъ. Сразу не скажешь.

Спустя полчаса всѣ четверо сидятъ за столомъ на постояломъ дворѣ. Передъ ними водка, куски чернаго хлѣба, тарелки съ селедкой и огурцами.

Хозяинъ „Чайки“ въ раздумьи уставился въ свой стаканъ.

*

— Я ничего, — мямлитъ онъ. — Знать нужно однако. Можетъ, тамъ и золота нѣтъ?

Усатый стучитъ кулакомъ въ грудь:

— Я тебѣ говорю, богатѣйшее золото! Двадцать лѣтъ я золотомъ занимаюсь, а такого мѣста не встрѣчалъ!

— А ты, паря, самъ видѣлъ, или со словъ говоришь?

— Словамъ я не вѣрю. Самъ видѣлъ!

— Проба есть однако?

— Проба?! На что тебѣ проба, когда я въ два дня 50 золотниковъ намылъ? Въ Витимѣ спустилъ.

— Зачѣмъ спустилъ? Нужна проба, для вѣрности.

— Спустилъ затѣмъ, что жрать надо было... Ну и пропилъ. А проба дураку нужна. Умный и такъ пойметъ. Тутъ въ мѣсяцъ 20.000 на брата бери. Меньше я не согласенъ. Такое мѣсто!

— А это товарищи твои?

— Да, въ равной долѣ.

— Вмѣстѣ нашли?

— Нѣтъ, одинъ я нашелъ. Да я ихъ въ долю взялъ. И тебя въ долю возьму. Одному это золото не поднять.

— Далеко однако?

— По Олекмѣ два дня подыматься. А тамъ еще по другой рѣчкѣ дня три-четыре до ключика. А по ключику подыматься водой нельзя. Тамъ лѣсомъ пойдемъ, съ гольца на голецъ. Ключикъ направо будетъ, внизу. Такъ и пойдемъ, верстъ на сорокъ, до настоящаго мѣста.

— Какъ звать ключикъ?

— Такъ я тебѣ и сказалъ! Дашь пароходъ, такъ скажу.

— А какъ я, не зная, пароходъ дамъ?

— Честнымъ людямъ можешь на слово вѣрить. Я тебѣ

ключикъ назову, а ты наберешь людей, да и поѣдешь. Что я съ тобой дѣлать буду? Столбовъ я не ставилъ.

— Та-а-акъ... А какъ ты на золото напалъ?

— Это сказать можно. Я прошлымъ лѣтомъ на Лантарѣ, у Охотскаго моря, золото мылъ. Тамъ кругомъ золото. Да никто не знаетъ, какъ его взять. Тунгусы, тѣ знаютъ. Да они золота сами не моютъ и другимъ не укажутъ. Ужъ чѣмъ ихъ ни пробовали,—и словомъ, и лаской, и деньгами, и водкой,—ничто не беретъ! Иной согласится, поведетъ къ золоту,—такъ нарочно на такое мѣсто выведетъ, гдѣ нѣтъ ничего. А золото тамъ кругомъ лежитъ. По всѣмъ признакамъ видать, что близко,—да взять его нѣтъ возможности. Тунгусы говорятъ, такое правило у нихъ установлено: если придетъ нуча (насъ они «нуча» зовутъ) золото искать, конецъ тогда ихъ промыслу, всѣхъ звѣрей распугаютъ. Вотъ они и хранятъ про себя, не показываютъ. А золото я на Лантарѣ сперва отъ инженеровъ мылъ, да отъ партіи отбился. Разсчета нѣтъ на людей на золотѣ работать, хотя золото тамъ, правда, не очень богатое: больше золотника, пожалуй, и не намоешь. Два золотника если соберешь, такъ за счастье считаютъ, а это много-ли? Я считаю, если на золотѣ, да 500 р. въ мѣсяцъ не возьмешь, такъ нечего и въ лѣсъ идти! Лучше ужъ я по девять гривенъ въ день на сплавѣ буду работать или баржи грузить пойду за два съ полтиной, чѣмъ по золоту свою цѣну уроню. Здѣсь мнѣ одна цѣна, а въ лѣсу—другая. Такъ и тебѣ съ пароходомъ. Здѣсь на рѣкѣ, если возьмешь за лѣто чистыхъ 300 р.,—такъ и радъ, поди? А если за золотомъ поѣдешь, меньше 20.000 не бери! Прямо тебѣ говорю: если кто тебѣ за пароходъ 10.000 или, примѣрно, 15.000 дастъ, въ глаза

тому плюнь! Потому,—на золотомъ дѣлѣ тебѣ съ пароходомъ 20.000 цѣна. Меньше не предложу. А если на твой пай больше 20.000 придется, такъ это не я даю, это Богъ далъ, — такой фартъ тебѣ вышелъ. Тутъ ужъ безъ счета идетъ, отъ хорошаго мѣста...

Усатый увлекся. У хозяина парохода глаза разгорѣлись отъ жадности. Но стараясь скрыть свое волненіе, онъ повторяетъ вопросъ:

— А какъ ты на золото напалъ?

— На золото?! Да развѣ я не сказалъ? Это вотъ какъ началось...

И онъ принимается разсказывать съ еще большимъ воодушевленіемъ...

III.

— Отбился я отъ лантарской партіи, пошелъ по ключикамъ. Мѣшокъ сухариковъ взялъ съ собой, да больше ружьемъ кормился. Иду съ ключика на ключикъ. Гдѣ признаки показываютъ, лотокъ налажу и мою. Гдѣ слѣдовъ нѣтъ, или золото бѣдное, тамъ не остаюсь, а гдѣ мѣсто получше, тамъ сижу, пока охота. Да только, прямо сказать, не фартило мнѣ на тотъ разъ. Должно быть золото,—по всему видно,—а мнѣ не дается. А ключиковъ тамъ большая сила. Голецъ отъ гольца все распадочками раздѣлены, въ каждомъ распадочкѣ ключикъ бѣжитъ. А гдѣ за лѣто пересохло, такъ по камнямъ видать, что весной вода бѣжала. Въ каждомъ ключикѣ и кварцъ, и кубикъ, и всѣ породы, какія при золотѣ состоятъ. Прямо глазомъ видать. Да гдѣ золото залегло, — не знаешь. Въ этомъ вся бѣда. А звѣря да птицы въ тѣхъ мѣстахъ много—съ голоду не

пропадешь. Шелъ я себѣ съ ключика на ключикъ, съ гольца на голецъ,—не замѣтилъ, какъ черезъ хребетъ перевалилъ. Хребетъ тамъ трудный, да я на хорошій перевалъ, видно, вышелъ. Какъ подымался я, все камни шли, да сосна, да лиственница. А за хребетъ перевалилъ,—трава пошла. А внизу озеро видать, не такъ, чтобъ очень большое, а съ полверсты поперекъ будетъ. А подлѣ него урасы стоятъ, на зимнее время поставлены: изъ бревенъ, а сверху мохомъ покрыты. И загоны для оленей устроены. Главное стойбище здѣсь у тунгусовъ. А я не слыхалъ, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, за хребтомъ, тунгусы стояли. Опустился я къ нимъ...

Хозяинъ „Чайки“ жадно ловитъ каждое слово разсказчика. Но чудится ему, что усатый что то заливаетъ. И добродушная рожа его принимаетъ строгое выраженіе.

— Погоди!—перебиваетъ онъ разсказчика: — Ты говорилъ, по Олекмѣ подыматься. А теперь куда завелъ?

Усатый досадливо машетъ рукой.

— А ты слушай! И до Олекмы дойду... Вотъ спустился я къ тунгусамъ. Ничего, хорошо приняли, угостили. Водки у нихъ не было, а то всего дали. Тамъ шаманъ ихній и сказалъ мнѣ про золото.

— Да оттуда до Олекмы тысяча верстъ!—сомнѣвается хозяинъ „Чайки“.

Но усатый успокаиваетъ его.

— Потому и сказалъ, что далеко. Про близкое мѣсто не сказалъ бы, побоялся бъ. А далекое съ чего ему хранить? Сказалъ! Мы, это, у костра сидѣли, чай пили, а шаманъ мнѣ говоритъ: „Зачѣмъ здѣсь, по горамъ, ходишь?“ Я ему по чести: „Золота ищу“. А онъ мнѣ: „Не надо, говоритъ, сюда ходить золото искать. Зачѣмъ сюда нуча

ходитъ, когда ближе золота много?“ Я ему говорю: „Ближнія мѣста всѣ заявлены. А намъ вольное золото надобно“. „Неправда, говоритъ, не всѣ ближнія мѣста заняты. Я такія мѣста знаю, гдѣ никто не былъ“. Я и присталъ къ нему: „Скажи, гдѣ такія мѣста!“ Шаманъ согласился: „Скажу, говоритъ, только напередъ уговоръ положимъ: уѣзжай туда, а къ намъ больше не суйся! Побожись, что уѣдешь!“ Побожился я. Тутъ то онъ мнѣ и сказалъ, какъ это мѣсто найти.

— Можетъ, совралъ?—въ раздумьѣ замѣчаетъ хозяинъ „Чайки“.

— Я самъ такъ думалъ. Да шаманъ мнѣ золото показалъ!

— Много?

— Фунта на полтора самородокъ. Пластинка этакъ съ полъ-ладони, по краямъ неровная. Только въ руки брать не велѣлъ. Говоритъ, кто этотъ самородокъ рукой тронетъ, тотъ золота семь лѣтъ не найдетъ. Я и побоялся рукой его брать. Черезъ полу бралъ однако, и на зубъ пробовалъ.

— Хорошее золото?

— Такое хорошее, что лучшаго я и не видывалъ!

— И что же ты?

— Натурально, я сейчасъ на Олекму подался. Нашелъ рѣчку,—все, какъ есть, въ полномъ порядкѣ. По рѣчкѣ до ключика поднялся. Пошелъ вдоль ключика, какъ шаманъ приказывалъ. Дошелъ до синей горы — тамъ камень синей породы проступаетъ. Спустился въ распадокъ за горой. А тамъ сразу видать, гдѣ шурфы были заложены. Тутъ оно, мѣсто, и есть. Тутъ бы я большія тысячи взялъ, да су-

харей съ собой не запасъ и патроны безъ малаго всѣ разстрѣлялъ, а ягодъ въ ту пору не было. Выходило мнѣ погибать на золотѣ лихой смертью. Я и побоялся, рѣшилъ возвращаться, а золото оставилъ до времени. Вотъ, я шурфы мохомъ прикрылъ, мѣсто тайнымъ знакомъ отмѣтилъ, да и подался изъ тайги. А теперь артель сбиваю... Этого вотъ,— усатый указываетъ на кавказца—я пятнадцать лѣтъ знаю, такъ что его перваго въ дѣло позвалъ. Этотъ, — усатый тычетъ пальцемъ на высокаго, бѣлокураго—въ Витимскомъ къ намъ присталъ. Промывку онъ превзошелъ, можетъ машины строить. А теперь тебя зовемъ. Съ тобой четверо будетъ. Вчетверомъ дѣло и начнемъ. А тамъ отъ себя рабочихъ наймемъ. Пойдешь, что-ли?

— Подумать надо, — колеблется хозяинъ „Чайки“.— Дай срокъ.

— Что думать?—вмѣшивается кавказецъ.—Прямо скажи, хочешь 30.000 заработать или не хочешь! Вези на мѣсто,— въ долѣ будешь. Не хочешь—не надо.

— Нельзя заразъ рѣшить...

— А намъ ждать нельзя. Хочешь—такъ будемъ условіе писать. А не хочешь,—другихъ найдемъ. На такое дѣло всякій съ радостью пойдетъ.

— Условіе?—лепечетъ хозяинъ „Чайки“. — Условіе, это точно... Да я по этимъ дѣламъ тово... не больно...

— Не бойся! — успокаиваетъ его усатый. — Эти дѣла я тонко понимаю. Все напишемъ на товарищество И добычу будемъ дѣлить по ровну. Какъ намоемъ пудъ, такъ 10 ф. тебѣ. 10 ф. — шутка?! 7000 р. чистыхъ! 4 пуда намоемъ, — вотъ тебѣ 30.000 въ карманѣ. 8 пудовъ на-

моемъ,—вотъ тебѣ 60.000. Такъ оно и пойдетъ... А твой расходъ какой? За пароходъ да еще муки, сухарей заготовить, пороха, дроби—самая малость.

— За это особая плата,—замѣчаетъ хозяинъ парохода.

— За что? Ты въ долѣ будешь! Ты насъ зря не прижимай!—притворно горячится усатый. — Да что съ тобой спорить? Выжига! Прибавимъ тебѣ, такъ и быть, лишнихъ 500 р.... По рукамъ, значитъ?

— Эхъ, была—не была! Хозяинъ, тащи вина!

Пьетъ пароходчикъ съ таежниками.

Клады, блеснувшіе ему въ глаза, ужъ ослѣпили его.

Усатый самодовольно поглядываетъ на товарищей...

На мерзлой землѣ.

I.

Первыя пять-шесть верстъ дорога изъ Якутска въ село Николаевское идетъ по открытому полю, изрѣзанному невысокими холмами. Слѣва синѣютъ въ дали горныя вершины. Справа—нѣтъ-нѣтъ, да выглянетъ безбрежно-широкая Лена.

Мы вышли изъ дому рано, пока въ воздухѣ вѣяло еще ночной прохладой. Но часамъ къ восьми ужъ стала чувствительна жара.

Глазамъ больно отъ нестерпимо яркаго свѣта. Идемъ молча,—спѣшимъ перейти безконечное, скучное поле.

Мѣстами трава пестрѣетъ цвѣтами. Мѣстами, въ низинахъ, между холмовъ, проступаютъ свѣтлыя солончаковыя пятна.

Вотъ кончилось поле. Мы подошли къ невысокому, но очень крутому, почти отвѣсному, лѣсистому склону. Это—„Старый берегъ“ Лены. Теперь рѣка отстоитъ отъ него верстъ на пятнадцать-двадцать.

Въ тѣни деревьевъ идти стало легче.

Круто завернувъ въ сторону, дорога побѣжала вверхъ по узкой дикой ложбинкѣ.

— Здѣсь óбо, священное мѣсто якутовъ, — обратилъ мое вниманіе на ближайшія деревья мой спутникъ, давно

ужъ прибывшій въ Якутскъ и освоившійся съ мѣстными обычаями.

На вѣткахъ висятъ пестрые лоскутки, пучки конскаго волоса и соломы, клочки звѣриныхъ шкурокъ,—жертвоприношенія духу. Мы остановились. Разсматриваемъ лоскутки матеріи,—стараемся опредѣлить по нимъ, какія жертвоприношенія сдѣланы русскими, какія якутами. Но опредѣлить это невозможно. Русскіе и якуты одѣваются здѣсь въ одинаковыя московскія ткани, — развѣ только по-различному шьютъ себѣ одежду. И тѣ, и другіе одинаково оставляютъ жертвоприношенія въ освященныхъ преданіемъ мѣстахъ.

Гдѣ-то, подъ Москвой, при помощи англійскихъ машинъ, выткали изъ туркестанскаго или индійскаго хлопка этотъ кусокъ миткаля. Теперь виситъ онъ надъ дорогой на священной березкѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Якутска,— и какъ угадать, кто,—русскій или якутъ,—принесъ его въ жертву духу дороги?

Идемъ дальше. Тихо стоятъ по обѣимъ сторонамъ дороги лиственницы, березы и сосны. Не шелохнется ни листокъ, ни вѣтка въ безвѣтренномъ воздухѣ. Разъѣзженная дорога съ густой травой между выбоинами отъ колесъ и лошадиныхъ копытъ виляетъ то влѣво, то вправо, будто не зная, куда ей идти, куда вести людей...

Но вотъ, новый подъемъ на пригорокъ,—и дорога пошла прямо, будто выравненная по ниткѣ. Теперь по обѣимъ сторонамъ тянутся изгороди. Изгороди—нехитрыя: изъ необтесанныхъ кольевъ. Но эти колья сложены прочно, тщательно связаны еловыми вѣтками другъ съ другомъ. Столбы стоятъ прямо. Нигдѣ ни малѣйшей неисправности.

За изгородями—пашни. Вспаханы не случайныя полянки, которыя легче было отобрать отъ тайги,—нѣтъ! распахана сплошная полоса въ нѣсколько верстъ длиной. Пробита сквозь чащу тайги широкая прямая просѣка. По ней идетъ дорога. И направо отъ нея остался нетронутый лѣсъ, налѣво—ни одного дерева. Прямыми линіями убѣгаютъ отъ дороги зеленыя, поросшія кустарникомъ межи. А вдали, на границѣ лѣса, видны новыя расчистки,—громоздятся сваленныя деревья, чернѣютъ еще не выкорчеванные пни. Тамъ шевелятся люди. Но съ дороги не разобрать, кто они и что они дѣлаютъ... Зеленѣютъ весенніе побѣги. На иныхъ поляхъ хлѣбъ поднялся надъ землею ужъ на $1^1/_2$—2 четверти; на другихъ — черная земля только-только начала покрываться нѣжнымъ зеленымъ пушкомъ.

Мы входимъ въ село Николаевское. У околицы длинными рядами стоятъ тщательно сложенныя дрова. Такіе запасы встрѣчаешь на заводахъ, да въ городахъ на дровяныхъ складахъ. Но здѣсь, въ селѣ Николаевскомъ, дрова не покупныя и не продажныя. Это запасы предусмотрительныхъ хозяевъ, успѣвшихъ заготовить себѣ топливо впередъ на всю жизнь. Отпечатокъ такой же запасливости, предусмотрительности лежитъ на всемъ вокругъ.

Село не велико,—дворовъ пятьдесятъ. Вытянулись дома мѣстами въ два ряда, мѣстами въ одну линію. Главная улица широкая, ровная, — ни рытвинъ, ни выбоинъ. Не видно на ней ни навоза, ни мусора. Все чисто прибрано. Дома высокіе—въ десять-двѣнадцать вѣнцовъ. Крыши частью тесовыя, частью мѣстнаго типа—изъ широкихъ полосъ лиственичной коры. Заборы и ворота досчатые, безъ щелей, безъ

дыръ. Видны крыши дворовыхъ строеній. Бросаются въ глаза высокіе сѣновалы надъ конюшнями и навѣсами. Много мельницъ съ конными приводами, много жнеекъ и вѣялокъ.

Дорога подходитъ къ обросшему камышомъ озеру. Направо тянутся дома, налѣво сбѣгаютъ къ водѣ огороды. Отъ крышъ-домовъ проведены черезъ дорогу деревянные желобы для спуска дождевой воды на грядки: на дворѣ вода грязь разводитъ, а въ огородѣ она на пользу.

Но вся эта предусмотрительность и заботливость, всѣ эти признаки мужицкой зажиточности не трогаютъ сердце, не радуютъ. Въ селѣ тишина. Окна во всѣхъ домахъ занавѣшены. Ворота приперты. Собаки не выскакиваютъ на улицу. Прошли мимо насъ запыленные якуты. Больше не видать ни души. Не видать и ребятишекъ.

Кругомъ все мертво.

Сильнѣе паритъ солнце. И подъ раскаленнымъ, сіяющимъ небомъ особенно безжизненнымъ и холоднымъ кажется богатое и благоустроенное скопческое село.

Съ любопытствомъ гляжу я по сторонамъ, стараясь по облику села разгадать его обитателей.

Скопцы сыграли видную роль въ развитіи хозяйственной жизни Якутской области. Замѣтную роль играютъ они въ мѣстномъ хозяйствѣ еще и теперь. Они первые развили здѣсь промышленное земледѣльческое хозяйство, завели парники, огороды *). И теперь нио остались главными поставщиками хлѣба, овощей и молочныхъ продуктовъ для Якутска и для Олекминскаго золотопромышленнаго района. На каждомъ шагу

*) Раньше скопцамъ въ Якутской области принадлежало около 1/4 пахотной земли. Въ ихъ рукахъ оказывалось до 45% урожая, и только они снабжали хлѣбомъ мѣстный рынокъ.

въ Якутскѣ и на Ленѣ вы встрѣчаете скопцовъ. И съ перваго взгляда эти сдержанные, аккуратно одѣтые люди производятъ непріятное впечатлѣніе. Непріятны ихъ отекшія, дряблыя лица съ синеватыми губами и деснами, ихъ тонкіе голоса, ихъ манеры. И кругомъ про этихъ сектантовъ говорятъ много дурного. Считаютъ ихъ поголовно хитрыми, скрягами, кулаками, эксплоататорами. Ругаютъ ихъ и крестьяне, и купцы, и мѣстные интеллигентные обыватели. Впрочемъ, тяжкихъ преступленій за сектантами въ Якутской области не числится.

Скряги... Но своимъ помогаютъ, а иногда помогаютъ и постороннимъ.

Эксплоататоры... Но работниковъ своихъ кормятъ лучше, чѣмъ русскіе купцы.

Кулаки... Но инородцевъ водкой на спаиваютъ, въ карты не обыгрываютъ.

Остается глубокая антипатія къ сектантамъ, не подкрѣпленная конкретными, точно обоснованными обвиненіями. Но имѣются у нихъ и защитники. Отмѣчаютъ ихъ честность, трезвость, трудолюбіе. Указываютъ на совершенное ими чудо: подъ ихъ руками земля, раньше не родившая даже картошки и ржи, стала давать сборъ огурцовъ и арбузовъ. Въ изображеніи защитниковъ сектантовъ ихъ недостатки часто становятся достоинствами: скряжничество оказывается бережливостью, кулачество — хозяйственной разсчетливостью, ханжество—честностью.

Эти два противоположныхъ взгляда нашли отраженіе и въ литературѣ, посвященной скопцамъ. Но изслѣдователи Якутской области, какъ и мѣстные люди, всѣ въ одинъ голосъ отмѣчаютъ скрытность сектантовъ. Годы гоненій научили

ихъ осторожности, недовѣрчивости. Отъ окружающаго православнаго населенія имъ пришлось видѣть слишкомъ много обидъ, пришлось перенести слишкомъ много незабываемыхъ оскорбленій. И теперь къ „мірскимъ“ они подходятъ не иначе, какъ съ елейно улыбающимися, безстрастными лицами, на которыхъ нельзя прочесть ни мысли, ни чувства. И потому, быть можетъ, въ литературѣ о скопцахъ, не встрѣтите вы указаній на душевную драму, пережитую этими сектантами. И загадочной остается ихъ роль въ развитіи мѣстной хозяйственной жизни.

Я шелъ въ скопческое село въ надеждѣ, что здѣсь мнѣ удастся познакомиться поближе съ сектантами. Въ селѣ Николаевскомъ живутъ двое моихъ старыхъ знакомыхъ,—мужъ и жена. Въ якутской ссылкѣ они „опростились“, взялись за землю. Мужъ, ссыльный-аграрникъ, пашетъ, жена возится съ огородомъ. Они купили на выплату усадьбу со скотомъ и съ полнымъ инвентаремъ, оставшуюся отъ умершаго сектанта. Послѣ манифеста 1913 года возбудили вопросъ о причисленіи къ крестьянскому обществу.

Вопросъ о пріемѣ новыхъ членовъ обсуждался на сельскомъ сходѣ. Въ рѣшеніи вопроса, на-ряду со скопцами, участвовали и крестьяне-новоселы изъ православныхъ, приписанные къ обществу. Они отнеслись недружелюбно къ ходатайству ссыльныхъ.

— Куда новыхъ принимать?—говорили они.—У насъ дѣти растутъ. Выдѣлять придется,—такъ гдѣ имъ землю возьмемъ подъ усадьбы?

Скопцы возражали:

— Нужно принять, разъ люди трудиться желаютъ. А

о землѣ не горюйте. Мы помирать будемъ,—наши усадьбы освободятся, къ вашимъ дѣтямъ перейдутъ.

И большинствомъ скопческихъ голосовъ противъ „мірскихъ“ „государственные“ были приняты въ общество.

Въ дальнѣйшемъ у новыхъ общественниковъ установились добрососѣдскія отношенія съ сектантами. Выходили, правда, недоразумѣнія. Находились среди сектантовъ люди, стремившіеся использовать хозяйственныя неудачи новыхъ хозяевъ. Но, въ общемъ, моимъ „опростившимся“ знакомымъ удалось, быть можетъ, подойти къ сектантамъ ближе, чѣмъ подходили къ нимъ другіе интеллигенты, интересовавшіеся жизнью этой секты. Черезъ нихъ разсчитывалъ и я познакомиться съ сектантами.

Хотѣлось мнѣ, прежде всего, выяснить причины хозяйственнаго успѣха скопцовъ.

Объясняютъ этотъ успѣхъ тѣмъ, что сектанты прибыли въ Сибирь съ деньгами, не гнушались подкупами администраціи для пріобрѣтенія лучшихъ земель и неоднократно получали денежную помощь отъ своихъ московскихъ единомышленниковъ-мѣнялъ. Это объясненіе казалось мнѣ сомнительнымъ. Деньги и помощь администраціи сами по себѣ не могли дать скопцамъ побѣду надъ суровой тайгой: не спасаютъ вѣдь ни подачки, ни явное покровительство власти (да и закона) гибнущее дворянское землевладѣніе въ Россіи! Такъ же неубѣдительна и ссылка защитниковъ скопцовъ на ихъ трудолюбіе: давно извѣстно, что богатѣютъ не тѣ, кто трудятся, а бѣднѣетъ и живетъ впроголодь не тотъ, кто отказывается отъ работы.

Познакомившись (черезъ новыхъ общественниковъ) съ

сектантами, я со многими изъ нихъ заводилъ разговоръ о причинахъ ихъ хозяйственной удачи. Всѣ они отвѣчали на мои разспросы почти одинаково. Но особенно картинно и ярко выразилъ свою мысль дѣдушка Яковъ Залога, старикъ съ коричневымъ лицомъ и рѣдкими сѣдыми волосами на щекахъ и на подбородкѣ.

Я спросилъ его:

— Скажите, дѣдушка, почему земляр одитъ у васъ, сектантовъ, лучше, чѣмъ у крестьянъ?

Старикъ хитро подмигнулъ мнѣ и отвѣтилъ:

— А вотъ! Скопецъ піде пахати, а крестьянинъ піде качкивъ [1]) стрѣляти. Скопецъ сіе, а крестьянинъ — гдѣ вінъ? У скопца хлібъ такій, — старикъ показалъ рукой, — а у крестьянина такій. Скопецъ жне, а крестьянинъ жде. Скопецъ торгуе, а крестьянинъ купуе.. Та гдѣ жъ вінъ бувъ? Качкивъ стрѣлялъ!

Другіе скопцы отмѣчали одну особенность условій сельскаго хозяйства въ Якуткѣ, — особенность, указываемую и въ литературѣ. Лѣто здѣсь очень короткое. Но лѣтній день отличается продолжительностью, такъ какъ въ „бѣлыя ночи“ вечерняя заря съ утренней зарей сходится. Поэтому здѣсь хлѣбъ вызрѣваетъ быстрѣе, чѣмъ въ Россіи: напримѣръ, пшеница вызрѣваетъ въ Якутской области въ 73—86 дней, тогда какъ въ Европейской Россіи для вызрѣванія ея требуется 97—108 дней [2]). Отсюда вытекаетъ для якутскаго земледѣльца необходимость постоянно быть на-чеку, чтобъ не упустить дня для посѣва и для сбора хлѣбовъ. Ошибка въ 2—3 дня можетъ стоить годового урожая. Справиться

[1]) Утокъ.

[2]) См. „Экономическая географія Сибири“ Головачева.

съ этой задачей можетъ только хозяинъ, цѣликомъ ушедшій въ земледѣліе, не имѣющій никакихъ другихъ заботъ, никакихъ другихъ занятій.

Сектанты удовлетворяли этому требованію. Ни одинъ изъ нихъ не уходилъ въ горячее время съ пашни пить или „качкивъ стрѣлять“. Этому они и приписываютъ свой успѣхъ.

Крестьяне упрекаютъ сектантовъ въ кулачествѣ.

Насколько мнѣ удалось наблюдать, скопцы охотно пользуются наемнымъ трудомъ и работниковъ, своихъ держатъ что называется, въ ежовыхъ рукавицахъ.

Одинъ знакомый, постоянный житель Якутска, отлично знающій сектантовъ и ненавидящій ихъ, говорилъ мнѣ:

— Крестьянинъ никогда такого варварства съ работникомъ не позволитъ, какъ скопецъ.

Я спросилъ его:

— Почему?

— Да потому, что крестьянинъ, будь онъ хоть изъ звѣрей звѣрь, а пьяный работника въ покоѣ оставитъ или еще съ собой же пить посадитъ. А сектантъ — круглый годъ трезвый. У него не загуляешь!

На дальнѣйшіе разспросы мой собесѣдникъ объяснилъ, что скопцы никогда не обсчитываютъ работниковъ при расплатѣ, часто даже прибавляютъ имъ сколько-нибудь сверхъ уговора, но, несмотря на это, работникъ идетъ къ скопцу только въ томъ случаѣ, если больше дѣваться некуда:

— Работой донимаютъ.

Мнѣ указали въ Николаевскомъ одного богатаго сектанта, нанимавшаго до десяти якутовъ во время посѣва и уборки хлѣбовъ. Весь день онъ проводилъ на пашнѣ. За-

тѣмъ отбиралъ лошадей у работниковъ, поилъ, кормилъ ихъ и позже всѣхъ ложился спать. Проспавъ съ часъ или съ два, онъ вставалъ, топилъ печь, варилъ чай, пекъ лепешки для работниковъ и, только справивъ все, будилъ якутовъ. Работники выбивались у него изъ силъ и съ изумленіемъ говорили про него:

— Какъ онъ можетъ, нечистый духъ? Когда онъ спитъ?

Тотъ же скопецъ допекалъ своихъ батраковъ еще такимъ пріемомъ. Время обѣдать. Садится онъ съ работниками за столъ. Всѣ голодны. Подаютъ хлѣбъ, а съ обѣдомъ нарочно медлятъ. Работники набрасываются на хлѣбъ и начинаютъ жевать его. Хозяинъ ждетъ и хлѣба не ѣстъ. Когда на столѣ появляется горячее, работники уже сыты отъ хлѣба, имъ ложка въ ротъ не лѣзетъ...

Въ общемъ, изъ знакомства съ этими сектантами я вынесъ впечатлѣніе, что служить у нихъ, должно быть, не сладко. Въ отношеніи къ работникамъ — это типичные крѣпкіе хозяйственные мужики. Работника не обманутъ, голоднымъ его не оставятъ, лишняго съ него не спросятъ. Но работы выжмутъ изъ него столько, сколько сами въ силахъ работать. А сами работаютъ съ остервенѣніемъ.

Иной разъ кажется, что страсть къ накопленію переходитъ у скопцовъ въ своего рода манію.

— У насъ дѣтей нѣтъ, надѣяться намъ не на кого. Когда состаримся, кто намъ поможетъ?

Такъ разсуждаютъ сектанты. Мысль о старости и о смерти, какъ бредовая идея, преслѣдуетъ многихъ изъ нихъ. И начинаютъ они заранѣе готовиться къ старости, — копятъ, копятъ и копятъ. Результатомъ такой психологіи являются и безконечныя полѣницы дровъ при входѣ въ село.

Скопидомство, пріобрѣтательство, повидимому, являются одной изъ основныхъ чертъ характера сектантовъ. И поскольку эта черта въ ихъ характерѣ усиливается отсутствіемъ потомства и страхомъ передъ бездѣтной, безотрадной старостью,— скопидомство ихъ нетрудно объяснить особенностью ихъ положенія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ бережливость и страсть къ пріобрѣтенію у скопцовъ переходятъ и въ скряжничество. Но не всѣ они скряги. Ибо скряжничество — это крайность, а сектанты враждебно относятся ко всякой крайности, въ чемъ бы она ни выражалась.

Никакихъ крайностей, никакихъ увлеченій! Во всемъ трезвый разсчетъ, во всемъ золотая середина! Къ этому сводится мораль сектантовъ. Старикъ Яковъ Залога, объяснявшій мнѣ различіе между хозяйствомъ скопца и крестьянина, такъ формулировалъ правила разумной и нравственной жизни:

— Не будь горекъ, — бо проклянуть! Та не будь же и сладокъ, — бо проглонуть [1])! А будь, якъ на вѣсахъ, — ни туды, ни сюды!

Старикъ не зналъ, какъ близко подошелъ онъ въ своей философіи къ выводамъ мѣщанской философіи!

Въ своихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, съ „мірскими“, сектанты именно таковы, — ни горькіе, ни сладкіе.

Сектантъ честенъ. Онъ чужого не возьметъ — „бо проклянуть“. Но онъ и своего не упуститъ, — „бо проглонуть“,

---

[1]) Проглотятъ.

если будешь зѣвать. Онъ помнитъ каждую копейку, которую взялъ у сосѣда, и уплатитъ долгъ во-время. Но онъ помнитъ также своихъ должниковъ и напоминаетъ имъ объ ихъ долгѣ при каждой встрѣчѣ. Напоминаетъ имъ не со зла, а „такъ себѣ“, для порядка. Сектантъ выручитъ въ нуждѣ и своего, и чужого. Но даже самому близкому человѣку онъ норовитъ не подарить то, въ чемъ этотъ человѣкъ нуждается, а ссудитъ въ долгъ:

— Когда будетъ, отдашь!

Такъ, въ селѣ Николаевскомъ богачъ сектантъ „подарилъ“ усадьбу двумъ вновь прибывшимъ. За эту усадьбу онъ заплатилъ 1.500 р. И по существу дѣла, это былъ именно подарокъ, вытекавшій изъ желанія помочь „своимъ“ устроиться: возвращеніе ими долга было болѣе чѣмъ сомнительно и тѣмъ не менѣе подарокъ былъ облеченъ въ обычную у скопцовъ форму ссуды:

— Вернете, когда сможете!

Былъ даже указанъ годовой процентъ, который должники будутъ уплачивать своему благодѣтелю; но процентъ невысокій, такъ что тутъ не было и тѣни ростовщичества и вытекающей изъ „благодѣянія“ кабалы. Такія благодѣянія въ видѣ ссуды подъ проценты обычное явленіе среди сектантовъ, вѣрныхъ правилу быть всегда—„якъ на вѣсахъ, ни туды, ни сюды!...

Человѣкъ нуждается.

Дать ему?

Нельзя—ибо „не будь сладкимъ“!

Отказать? Также нельзя—ибо „не будь горькимъ“!

Золотая середина, связанная съ бережливостью и скопидомствомъ, подсказываетъ выходъ:

— Дай! Но въ долгъ, съ обязательствомъ вернуть. И притомъ — за процентъ!

И сектантъ, желая выручить ближняго, даетъ ему заимообразно 50—100 р. изъ 4%, изъ 6%, изъ 8%.

О такой ссудѣ становится извѣстно вокругъ. Одни говорятъ:

— Добрый человѣкъ, благодѣтель!

Другіе возмущаются:

— Ростовщикъ!

На самомъ дѣлѣ, тутъ нѣтъ ни того, ни другого. Или, пожалуй, есть тутъ и то, и другое, но въ умѣренной дозѣ.

При сходныхъ условіяхъ средній русскій человѣкъ или отъ души поможетъ своему ближнему, или постарается спустить съ него шкуру, а скопецъ пройдетъ по серединкѣ...

И своимъ, и чужимъ сектанты, если помогаютъ, такъ съ разсчетомъ; помогаютъ безъ ласки, сухо, по-дѣловому.

Люди безъ потомства, съ тревогой ждущіе старости и смерти, становятся черствыми индивидуалистами. Люди, когда-то яростно боровшіеся со страстями, пріучаются во всемъ и всегда руководствоваться лишь холоднымъ разсудкомъ, и эта привычка становится ихъ второй натурой.

Я долго бесѣдовалъ съ сектантскимъ наставникомъ. И поразила меня одна высказанная имъ мысль.

Я спросилъ его:

— Распространяете вы здѣсь свое ученіе или отказались отъ него?

Онъ отвѣтилъ, сильно волнуясь, съ выраженіемъ муки въ голосѣ:

— Въ Россіи мы проповѣдывали, а здѣсь не къ чему! Земля здѣсь мерзлая, и сердца у людей мерзлыя... Некому проповѣдывать.

Наставникъ жалѣлъ о томъ, что некому проповѣдывать ему въ Якуткѣ. Но если бы совершилось чудо и обступили его толпы людей, ждущихъ отъ него слова истины, онъ не нашелъ бы нужныхъ словъ въ своей памяти. И вмѣсто фанатическихъ призывовъ, съ которыми онъ когда-то обращался къ вѣрующимъ, онъ тонкимъ дрожащимъ голосомъ повторилъ бы мораль старика Залоги:

— Не будь горекъ, та не будь же и сладокъ!

Это — житейская мудрость мерзлыхъ сердецъ.

Въ Якутской тайгѣ нашли эту мерзлоту фанатики-сектанты, страстно искавшіе правды въ Россіи? Или съ собой принесли они этотъ холодъ? И какъ связать этотъ безжизненный холодъ съ ихъ прошлымъ—съ ихъ дикой, своеобразно героической борьбой въ Россіи, съ ихъ хозяйственными успѣхами въ Сибири?

II.

О своемъ прошломъ скопцы говорятъ неохотно. О многомъ умалчиваютъ, о другомъ сообщаютъ невѣрныя свѣдѣнія.

Якутяне предупреждали меня:

— Не полагайтесь на разсказы сектантовъ. Они всегда лгутъ, когда разсказываютъ о себѣ.

Но мнѣ кажется, что, бесѣдуя съ человѣкомъ, можно безъ труда опредѣлить, когда онъ говоритъ искренне и правдиво, когда начинаетъ хитрить и путать.

Подробностей скопческихъ судебныхъ процесовъ я не знаю. Но изъ бесѣдъ со скопцами съ несомнѣнной точностью выяснилось для меня, что главный источникъ скопчества тотъ же, что и всего русскаго сектантства — противорѣчія русской темной жизни.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ ясно выступала на видъ и связь скопчества съ аграрными неурядицами, съ крестьянскими безпорядками. Именно изъ этой обстановки вынесли скопцы недовѣрчиво-враждебное отношеніе къ панамъ и глубокое, почти религіозное уваженіе къ „естественному труду“ на землѣ.

Старуха, крестьянка изъ Пермской губерніи, такъ разсказывала мнѣ о своемъ обращеніи въ секту:

— „Жили мы все на казенныхъ земляхъ. И ни отъ кого не было намъ утѣсненія. И пріѣхалъ генералъ и пустилъ кругомъ своихъ объѣздчиковъ. Объѣздчики наловили людей, поставили въ цѣпь и говорятъ:

— Коритесь господину!

А крестьяне говорятъ:

— Не коримся.

Генералъ самъ впередъ вышелъ и еще требуетъ кориться, а потомъ и говоритъ:

— Не коритесь,—такъ вотъ вамъ!

Зарядилъ пушку канатомъ рубленнымъ, да и выстрѣлилъ въ народъ. А потомъ говоритъ:

— Теперь покоритесь?

А изъ народа которые уже избитые лежатъ, а старики рѣшили, чтобъ на своемъ стоять.

Такъ и сказали генералу:

— Хоть грязь съ насъ дѣлай, а кориться не станемъ. Намъ Царь волю далъ. На вольныхъ земляхъ и жить будемъ, какъ допрежъ тебя жили.

Онъ опять стрѣлять хотѣлъ,—и пушку наставилъ. А тутъ на небѣ бѣлый крестъ объявился. Генералъ и отступился отъ насъ, рукой махнулъ.

А тутъ вскорѣ мы и въ скопцы ушли".

Я не могъ установить, на какія событія намекаетъ эта легенда. Но въ разсказѣ старухи слышится отзвукъ какого-то темнаго крестьянскаго бунта, закончившагося кровавымъ усмиреніемъ и послужившаго толчкомъ къ развитію сектантства. Давно забытъ предметъ спора, стерлись грани событій; но остался въ памяти генералъ съ объѣздчиками и съ пушкой. И все кончается бѣлымъ крестомъ въ небѣ и уходомъ въ сектантство...

Уходили въ сектантство и богатые купцы, и помѣщики, и интеллигенты. Но по духу своему, по внутреннему своему складу, сектантство оставалось всегда опредѣленнымъ теченіемъ русской *мужицкой* мысли. Это относится ко всѣмъ нашимъ сектамъ, и вѣрно это и въ примѣненіи къ скопческой сектѣ.

Сибирскій крестьянинъ въ Якутской области давно „объякутился", а въ другихъ частяхъ Сибири „очалдонился", пріобрѣлъ особый мѣстный обликъ. Скопцы, напротивъ того, не объякутились и не очалдонились. Говорятъ они чистой русской рѣчью, — пермяки съ пермскимъ выговоромъ, воронежцы — по-своему, малороссы — по-своему. Въ сибирской деревнѣ крестьяне поютъ лишь арестантскія пѣсни да мѣстную „частушку". Сектанты напѣваютъ псалмы и старыя духовныя пѣсни.

При болѣе близкомъ общеніи съ сектантами ясно чувствуешь, что они плоть отъ плоти старой русской деревни. Но въ нихъ, разумѣется, не *вся* русская деревня, а лишь часть ея, лишь опредѣленный ея слой. И отъ этого слоя сектанты эволюціонировали въ опредѣленную сторону,—отчасти въ силу физіологическихъ послѣдствій продѣланнаго

ими оскопленія, отчасти въ силу особыхъ условій, въ которыя ихъ поставили преслѣдованія.

Скопцы въ ихъ нынѣшнемъ состояніи—это воплощенное безстрастіе. Когда говоришь съ ними, кажется, что эти люди неспособны на сильныя душевныя движенія, на подвигъ, на безуміе фанатизма. Но къ этому своему состоянію сектанты пришли тяжелымъ путемъ. И на этомъ пути было высшее напряженіе фанатизма, былъ экстазъ, было мученичество. По налету сѣраго пепла можно угадать пламя, когда то бушевавшее въ этихъ людяхъ.

Въ Сибирь пришли они полные силъ, полные вѣры въ свою правду. Желѣзное упорство въ трудѣ. Консерватизмъ, соединенный съ практичностью. Бережливость, переходящая въ жадность. Своеобразная справедливость, не исключающая жестокости къ слабымъ. Религіозность, доходящая до фанатизма, соединенная съ терпимостью къ чужой вѣрѣ. И надъ всѣмъ этимъ—любовь къ землѣ, жадность до земли.

— Естественное прилежаніе только на землѣ и возможно, — говорятъ скопцы: остальное все „мірское", съ обманомъ...

Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ преуспѣвать и въ „мірскихъ" дѣлахъ. Но сектанты, ушедшіе отъ земледѣльческаго труда въ торговлю, „своимъ" считаютъ все же лишь человѣка, прошедшаго черезъ искусъ хлѣбопашества.

Вновь прибывающихъ изъ Россіи сектантовъ богатые старики берутъ въ работники. По обычаю имъ назначаютъ жалованіе въ 200 — 250 р. за годъ; если работникъ приглянется хозяину, онъ, сверхъ того, съ перваго же года засѣваетъ въ его пользу лишнюю десятину земли.

— Это и есть наша помощь своимъ,—объясняютъ скопцы

крестьянину или якуту,—мы всего 100 р. даемъ, хоть онъ въ пять разъ больше сдѣлаетъ.

Обыкновенно, черезъ два—три года послѣ прибытія въ Якутскъ, скопецъ изъ работника становится самостоятельнымъ хозяиномъ. Но зато въ эти два — три года работаетъ онъ изо всѣхъ силъ. Хозяинъ умышленно испытываетъ его силы, его терпѣніе, его выносливость и покорность. Не выдержитъ работникъ, — хозяинъ прогонитъ его. Выдержитъ, — черезъ нѣсколько лѣтъ самъ станетъ хозяиномъ и такъ же будетъ жать своихъ работниковъ.

Сектанты не любятъ крестьянъ, живущихъ по сосѣдству съ ними, презираютъ ихъ за бѣдность, за пьянство, за неумѣніе справиться съ „грунтомъ". Но якутовъ, которые живутъ хуже крестьянъ, они хвалятъ:

— Якутъ,—прямая жертва, самый простой народъ.

Это — крѣпкій, преуспѣвающій мужикъ хвалитъ своего безотвѣтнаго, вѣчно покорнаго батрака.

Въ исторіи скопческихъ селеній подъ Якутскомъ были любопытные споры изъ-за земли между „стариками" и „молодыми". Молодые требовали передѣла земли, старики не соглашались. Кончился споръ побѣдой молодыхъ. Объ этомъ дѣлѣ много говорили, много писали въ сибирской печати. Часто указывали на упорство стариковъ въ доказательство лживости, ханжества и алчности сектантовъ. Но, когда я познакомился поближе съ этимъ споромъ, меня поразила въ немъ другая черта. Весь этотъ споръ, какъ будто цѣликомъ выхваченъ изъ жизни крестьянской общины гдѣ-нибудь въ центральной Россіи, — та же группировка силъ, тѣ же доводы съ той и съ другой стороны, то же наростаніе вражды

и въ заключеніе полюбовное рѣшеніе вопроса въ тотъ моментъ, когда вражда достигла наивысшаго напряженія.

Я долго разспрашивалъ скопческаго наставника, какъ живутъ его единомышленники. Онъ отвѣчалъ по-мужицки уклончиво:

— Что есть хорошесть и что худость? Все отъ нашего убѣжденія. Нельзя людей въ одну статью поставить и по ниткѣ ровнять. Есть такіе, которые дѣйствительно скопцы, и по убѣжденію душу свою и всю жизнь полагаютъ, а есть такіе, которые разубѣдились. Есть вѣрные и есть фальшивые. Это не только про скопцовъ сказано: то же и государственные. Скопцы не воры, не разбойники, не моты. А есть и пьяницы, которые разубѣдились.

Этотъ остывшій фанатикъ, сохранившій старинный, важный складъ рѣчи мужика-начетчика, старался щегольнуть передо мной широтой своихъ взглядовъ. Подчеркивалъ свою терпимость ко всѣмъ религіямъ и въ то же время искалъ точекъ сближенія своихъ взглядовъ со взглядами „государственныхъ".

— Отъ православныхъ мы удалены, какъ осужденные. А противъ вѣры ихъ мы ничего не скажемъ, — у каждаго вѣра своя. Только секта для секты всегда ближе. Но съ духоборами мы не согласны: они иконъ и креста боятся, а мы почитаемъ.

Долго развивалъ мой собесѣдникъ свои мысли и трудно было уловить, что въ его мышленіи нужно поставить на счетъ мужицкаго здраваго смысла, что является слѣдствіемъ скопческаго примиренія со зломъ.

Живутъ сектанты семьями. Иногда по-двое—мужчина и женщина, иногда болѣе значительными группами. Бобылей въ

Николаевскомъ почти нѣтъ. Вдовцы охотно берутъ въ домъ работницу.

— Будешь на жалованіи жить, а понравится—сможешь хозяйкой войти, половина всего твоя будетъ.

Иногда женщины, попавшія въ качествѣ работницъ къ скопцамъ, остаются у нихъ, какъ „сестрицы“. Другія, прослуживъ нѣкоторое время у сектантовъ, уходятъ,—работать приходится больно много. Жалобъ на обращеніе хозяевъ съ женщинами-работницами я не слышалъ.

Женщины пользуются у скопцовъ большими правами и большой свободой. Если въ семьѣ нѣтъ другихъ членовъ, женщинѣ принадлежитъ половина хозяйства. Это право признается за ней и въ томъ случаѣ, если она пожелаетъ уйти отъ мужа. Было много случаевъ ухода отъ сектантовъ женщинъ, послѣдовавшихъ за ними въ Сибирь. Эти „разубѣдившіяся“ выходили замужъ за мѣстныхъ крестьянъ и ссыльныхъ. И въ домъ своего новаго мужа скопчиха приносила всегда свою долю изъ стараго хозяйства. Въ единичныхъ случаяхъ въ скопческихъ семействахъ оказываются дѣти,—результатъ невѣрности „сестры“. Если хозяинъ приметъ въ домъ ребенка хозяйки, то ребенокъ считается полноправнымъ участникомъ въ принадлежащемъ семьѣ хозяйствѣ.

Въ Николаевскомъ былъ такой случай. Хозяйка ушла отъ хозяина скопца, прожила два года съ крестьяниномъ, затѣмъ вернулась къ прежнему „братцу“. Хозяинъ принялъ снова „сестрицу“, принялъ и дочь ея. Къ дѣвочкѣ онъ привязался, какъ къ родной дочери. Прошло лѣтъ 7—8 и хозяйка заявила скопцу:

— Я отъ тебя ухожу. И Маруся со мной. Тутъ въ домѣ $^1/_3$ моя, да $^1/_3$ Маруси, значитъ, твоего только $^1/_3$

и есть. Продавай свою долю и убирайся! А я буду жить съ Иваномъ, онъ мнѣ мужъ и хозяинъ.

Иваномъ звали служившаго у скопца въ работникахъ парня изъ уголовныхъ ссыльныхъ.

Послѣ долгихъ препирательствъ сектантъ продалъ свою треть имущества (правда, по очень высокой цѣнѣ) работнику и выбрался изъ дома.

Общество не хотѣло принять Ивана въ свою среду:

— Ты зачѣмъ семью разорилъ?—кричали общественники на сходѣ.

Но прежній хозяинъ Ивана сталъ на иную точку зрѣнія:

— Иванъ меня обидѣлъ. Другіе отъ него плохого не видѣли. А я молчу. Значитъ, судить его некому. Мое дѣло до общества не касается.

И Ивана приняли въ общество.

Спустя годъ или два, Маруся ушла отъ матери и вернулась къ пріемному отцу. Тотъ былъ внѣ себя отъ радости и заявилъ своей прежней женѣ:

— Пусть Марусина доля тебѣ съ Иваномъ остается. Пользуйтесь! Разъ доченька со мной, мнѣ стараго хозяйства не надо,—новое заведу.

Само собой разумѣется, эта исторія не типична для сектантской семейной жизни. Въ этой жизни можно указать много темныхъ сторонъ, много ханжества, лицемѣрія, лжи. Но приведенный случай показываетъ, что не *всѣ* семейныя отношенія среди этихъ сектантовъ сводятся къ лицемѣрію и ханжеству. Нѣтъ! И подъ пепломъ сектантскаго равнодушія теплятся искорки человѣчности и любви! И на мерзлой землѣ, въ снѣжной якутской пустынѣ, не потухли эти искры...

Поразительна душевная драма этихъ людей!

Предпосылкой скопчества является религіозный экстазъ, фанатизмъ. Результатомъ вступленія въ секту оказывается исчезновеніе всякаго фанатизма, всякаго энтузіазма, торжество лукаваго разума и золотой середины. Немудрено, что среди сектантовъ много „разубѣдившихся“.

Вотъ пожилой торговецъ. Человѣкъ развитой, начитанный. Цитируетъ Пушкина и Короленко, слѣдитъ за газетами, знакомъ съ литературой о сектантахъ. Скопцовъ онъ не любитъ,—но жалѣетъ:

— Вся эта секта—плодъ деревенской темноты и невѣжества. Люди свою жизнь искалѣчили. Нужно было учить ихъ, а наказывать ихъ за ихъ заблужденіе, которое имъ однимъ только повредило,—одно недомысліе.

Вотъ молодой богатый хозяинъ, оскопленный въ дѣтствѣ. На него находятъ припадки тоски, онъ старается забыться въ винѣ. Но пьетъ „съ разумомъ“, зимой. Въ горячее время всегда трезвъ. Въ пьяномъ видѣ придирается къ матери, ругаетъ ее:

— Ты меня погубила, на всю жизнь калѣкой сдѣлала.

Вмѣстѣ съ нимъ запиваетъ и другой сектантъ побѣднѣе. Но тотъ заступается за мать товарища, какъ и за свою мать:

— Чего ее ругаешь? Мать, чай! Не ее ругай, темноту ругай!

Къ этимъ „разубѣдившимся“ скопцы относятся рѣзко отрицательно. Но и хранящіе вѣрность своей сектѣ не окончательно побѣдили въ себѣ мірскіе соблазны. У многихъ еще и теперь, послѣ многихъ лѣтъ испытаній, продолжается старая борьба духа и плоти.

Старикъ Залога, слова котораго я уже приводилъ, тихими шагами бредетъ вдоль улицы. Ему 93 года. Давно побѣлѣли его волосы, согнулась спина; но видно по немъ, что когда-то это былъ богатырь.

Идетъ старикъ по улицѣ и что-то напѣваетъ подъ носъ.

— Что поете, дѣдушка?

— Стихи пою духовные, святые псальмы. Иду та и співаю...

Старикъ остановился. Качаетъ сѣдой головой:

— Духовное співаю. А плоти треба заспівати що казацкої! Та вдарити, та выпити горилки! Ось якъ лукавый властвуетъ надъ нами!

Шестьдесятъ лѣтъ боролись духъ и плоть въ этомъ патріархѣ, но не кажутся смѣшными его слова о желаніи гаркнуть казацкую пѣсню. Глядя на него, думаешь невольно:

— Если среди первыхъ ссыльныхъ сектантовъ было много такихъ богатырей, немудрено, что они побѣдили тайгу.

Въ дѣйствительности, они побѣдили тайгу и достигли хозяйственнаго успѣха, благодаря стеченію цѣлаго ряда благопріятныхъ условій. Сыгралъ тутъ большую роль и подборъ ихъ, какъ работниковъ. Сыграли роль и денежныя средства, которыми снабдили ихъ при отправкѣ въ Сибирь ихъ единомышленники. Помогла имъ и сплоченность ихъ, какъ сектантовъ, и самая безнадежность ихъ положенія. Все благопріятствовало ихъ успѣху, какъ колонизаторовъ. И свершилось чудо—удалось имъ выростить хлѣбъ и нѣжныя овощи на мерзлой землѣ.

Стоятъ разбросанныя здѣсь и тамъ по угрюмой Якуткѣ селенія этихъ странныхъ сектантовъ. Богатыя, мертвыя

села. Въ нихъ живутъ замкнутые, никѣмъ не любимые люди, всей душой ушедшіе въ накопленіе. Съ мучительной мыслью о старости и о смерти копятъ, копятъ, копятъ они. И въ этомъ вся ихъ жизнь...

Странное, двойственное впечатлѣніе вынесъ я изъ знакомства съ сектантами.

Когда я возвращался въ Якутскъ, была ночь. Бѣлая, прозрачная ночь, похожая на россійскія сумерки. Шли мы опять черезъ село и не знали, спитъ ли оно, или вымерло, или живетъ своей обычной мертвенной жизнью. Отъ полей, отъ лѣса дышало прохладой. И вспомнились мнѣ слова скопческаго наставника о мерзлой землѣ.

Тяжелымъ путемъ пришли эти люди къ своей вѣрѣ. Тяжелымъ путемъ черезъ тюрьмы и остроги шли они сюда, въ далекую Сибирь. И здѣсь не сразу добились они богатства. Но все же добились, побѣдили всѣ невзгоды, побѣдили тайгу. И что же въ итогѣ? Унылое умиранье людей, горѣвшихъ когда-то энтузіазмомъ, искавшихъ правды, достигшихъ высшаго фанатизма,—и потухшихъ, остывшихъ навсегда. Людей, которые перестали быть людьми, такъ какъ стали ни горькими, ни сладкими, стали „якъ на вѣсахъ,— ни туды, ни сюды“.

Жители.

На небѣ ни облачка. Берега изнываютъ отъ жары. Но надъ рѣкой нѣтъ-нѣтъ, да и повѣетъ прохладой.

Пароходъ медленно поднимается противъ теченія Алдана. Подвигаемся впередъ верстъ на пять въ часъ. Быстрѣе идти не позволяетъ теченіе. Взглянешь съ палубы въ воду,— кажется, будто мы стремительно несемся впередъ. Взглянешь на берегъ,—видишь, что стремительно несется вода намъ навстрѣчу.

Чистая, синяя вода сверкаетъ подъ солнцемъ. Она не похожа на холодныя струи Лены. Скорѣе вспоминаешь любуясь ею, крымское побережье.

Объ Югѣ напоминаетъ и подернутая нѣжной дымкой горная даль. Туманъ ли надъ рѣкой, или дымъ таежныхъ пожаровъ смягчилъ очертанія далекихъ горъ,—я не знаю. Но на фонѣ ихъ блѣдной зелени такъ красиво выдѣляются острыя вершины лиственницъ и пихтъ ближайшихъ островковъ!

Плывутъ мимо скалы съ размытыми дождевой водой колючими уступами. Громоздятся развалины сказочныхъ замковъ, разбитыя арки, рухнувшія колонны и своды, никѣмъ не побѣжденные бастіоны. Много такихъ скалъ промелькнуло передъ глазами. Но онѣ быстро исчезаютъ изъ памяти, вытѣсняютъ ихъ другія картины. И опять лежитъ передъ

нами Алданъ въ мягкихъ одѣтыхъ лѣсомъ островахъ и излучинахъ

Красивая, немного грустная, безконечно поэтичная рѣка...

Я стою на носу парохода и смотрю въ даль.

Пустынно, тихо на берегахъ. Къ самой водѣ склонились пушистыя ветлы. А нѣжныя лиственницы на нашихъ глазахъ мѣняютъ свой видъ. Свѣжія, свѣтло-зеленыя вблизи, онѣ позади парохода подъ игрой солнечныхъ лучей, становятся темными, строгими, какъ Бёклиновскіе кипарисы.

Протяжный свистокъ. Пароходъ замедляетъ ходъ.

Смотрю по сторонамъ. Ищу деревни, села на берегу. Ищу хоть слѣда лодки у воды.

Ничего!

Пароходъ, между тѣмъ, приближается къ лѣсистому берегу.

Подхожу къ лоцману, коренастому старику съ кирпично-краснымъ лицомъ и сѣдой бородой.

— Что здѣсь? спрашиваю его.

— Жители.

— Село, что-ли? Или деревня?

— Нѣтъ, села нѣту. Жители.

— Какъ называется мѣстечко?

— Да кто его знаетъ? Никакъ не называется. Жители здѣсь.

— А кто здѣсь живетъ?

— Люди здѣшніе. Тунгусы али якуты.

— Много ихъ тутъ?

— Кто ихъ считалъ? Вѣроятно, что много.

— Гдѣ же они? недоумѣваю я.

— За лѣсомъ они. Сейчасъ придутъ. Для того мы и свистокъ даемъ.

Глаза старика исчезли за морщинками смѣха.

Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно! Тридцать лѣтъ измѣрялъ онъ Алданъ шагами съ бурлацкой лямкой черезъ плечо,—и всегда въ этомъ мѣстѣ, пониже той, вонъ, горы, были жители. Двадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ пошли пароходы по рѣкѣ, плаваетъ онъ лоцманомъ. И каждый разъ ему приходится повторять образованнымъ господамъ, „экспедиторскимъ“, одно и то же о жителяхъ этого лѣса.

Село! деревня! Откуда имъ быть здѣсь, когда здѣсь живутъ звѣроловы? Отчего ихъ съ рѣки не видать?! живутъ въ лѣсу за деревьями,—потому и не видать.

— Во, ползутъ!..

На гальку спустились изъ лѣса двое. Бѣгутъ къ пароходу. Это ребятишки, босоногіе, загорѣлые, подвижные, какъ лѣсные звѣрьки.

А вотъ потянулись и взрослые.

Темнаго цвѣта рубахи и штаны. Мягкіе „торбаса“ на ногахъ. Круглыя шляпы и шапки съ тюлевой сѣткой. Какая-то странная смѣсь стараго съ новымъ, своего съ привознымъ.

У двухъ или трехъ ружья въ рукахъ. У многихъ метелки изъ конскаго хвоста—обмахиваться отъ комаровъ. Старуха притащила продавать молоко въ четверти. Маленькій худощавый человѣкъ принесъ и разложилъ на берегу нѣсколько сѣрыхъ шкуръ сохатаго,— авось купятъ.

Всѣ оживлены, кричатъ, смѣются, жестикулируютъ.

Вѣдь пароходъ въ этихъ мѣстахъ цѣлое событіе! Съ пароходомъ прибыли припасы, товары.

Спустили сходни на берегъ, съ баржи сгрузили съ десятокъ кулей, два ящика, тюкъ, зашитый въ рогожу.

У товаровъ суетится купецъ,—среднихъ лѣтъ, въ русской рубахѣ и сапогахъ. Онъ быстро-быстро говоритъ, что-то обступившимъ его инородцамъ. Тѣ, возбужденные, довольные, громко смѣются, ощупываютъ товары, машутъ руками.

Я наблюдаю за этой сценой. Хорошо замѣтилъ, что купецъ не бралъ денегъ за товары. Замѣтилъ, что во время разговора съ инородцами, въ его рукахъ не было ни бумажки, ни книжки. Все на память, все на слово.

Купецъ вернулся на пароходъ Съ нимъ поднялись по трапу и покупатели. Не даютъ ему пройти, смѣясь, продолжаютъ говорить о чемъ-то добродушно, весело, простосердечно.

Пароходъ спустилъ пассажировъ, спустилъ и товары. Можно ѣхать дальше.

Опять реветъ пароходный свистокъ, прощаясь съ „жителями“.

А „жители“ рады свистку. И особенно громко выражаютъ свой восторгъ ребятишки, столпившіеся у самой воды.

Кто-то бросилъ завернутую въ бѣлую бумажку карамель въ ихъ толпу. Не успѣлъ комочекъ упасть на землю,— ужъ двое сцѣпились изъ-за него. Послѣ минутной борьбы карамелька досталась сильнѣйшему.

— Нужно и маленькому дать!

Летятъ бѣлые и пестрые комочки съ парохода. Теперь ихъ ловятъ въ воздухѣ. И достаются они ужъ не болѣе сильнымъ, а болѣе подвижнымъ и ловкимъ.

А всѣхъ подвижнѣе, всѣхъ ловче оказывается худенькая дѣвочка-подростокъ лѣтъ двѣнадцати. Впрочемъ, къ удовольствію пассажировъ, она дѣлится захваченными сластями съ младшими.

Рядомъ со мной слѣдилъ за этой сценой немолодой мужикъ съ суровымъ лицомъ. Онъ хмурился, хмурился, наконецъ, не выдержалъ:

— И чего ихъ баловать? Нашли, чѣмъ угощать! А они и жрать-то леденцы не умѣютъ: съ бумагой слопаютъ...

Пассажиры разохотились. Начали бросать на берегъ куски и корки хлѣба. Бросаютъ ненужные остатки, которыхъ на пароходѣ не станетъ ѣсть и собака.

Ребятишки съ жадностью ловятъ и это угощеніе. Пароходъ ужъ отчалилъ отъ берега. Куски падаютъ въ воду. Дѣти и взрослые лѣзутъ за ними. По поясъ въ водѣ ловятъ мокрыя корки, засовываютъ ихъ себѣ въ ротъ, смѣются, возбужденно жестикулируютъ.

Пассажиры довольны забавой. Довольны, быть можетъ, и своимъ добрымъ дѣломъ,—угостили дѣтей, накормили голодныхъ.

Но на меня эта сцена дѣйствуетъ непріятно раздражающимъ образомъ.

Мнѣ показалось, что и старикъ лоцманъ неодобрительно глядѣлъ на забаву пассажировъ. Я спрашиваю его:

— Голодно живутъ?

— Извѣстно... Видалъ, какъ корки хлѣба ловили?

— Они охотой живутъ?

— Да, промышляютъ.

— Годъ этотъ, что ли, неудачный? Отчего у нихъ такая нужда.

— Удачный ли, нѣтъ ли, — это для нихъ безъ послѣдствій. Все впередъ берутъ подъ добычу.

— Купецъ, что съ нами ѣдетъ, тотъ — въ сапогахъ, тоже даетъ имъ товары подъ добычу?

— И онъ даетъ. Антипинымъ его звать. Торгуетъ понемногу, а есть и богаче его.

— Тутъ на берегу много такихъ селеній?

— Селеній вовсе нѣтъ, а такъ себѣ живутъ: этотъ здѣсь, а тотъ тамъ. Жители. Такъ ихъ и зовутъ здѣсь.

Плывутъ навстрѣчу новыя и новыя картины. Берега зеленѣютъ кустами и травой. Земля кажется богатой и щедрой въ этихъ мѣстахъ. А живутъ здѣсь люди, готовые на лету ловить бросаемыя имъ корки заплеснѣвшаго хлѣба. Какъ много-много лѣтъ тому назадъ, живутъ они здѣсь. Почти какъ звѣри, среди звѣрей...

Плывя по рѣкѣ мимо этихъ людей, я, конечно, не пойму ихъ жизни, не пойму ихъ. Но хотѣлось мнѣ выяснить себѣ хоть нѣкоторыя черты ихъ быта.

Почему не строятъ они домовъ, не ставятъ своихъ „урасъ“ на берегу рѣки, а прячутъ ихъ за деревьями?

Я спросилъ объ этомъ у старика-лоцмана. Тотъ только плечами пожалъ.

— Въ лѣсу живутъ, — потому природа у нихъ такая‘ сказалъ онъ: Тунгусъ иначе никакъ не можетъ, — совсѣмъ таежный онъ человѣкъ.

Это объясненіе не удовлетворило меня. Не могъ разъяснить мнѣ дѣло и капитанъ парохода, восемнадцать лѣтъ плавающій по Алдану.

— Умный народъ, потому и не признаютъ ни городовъ, ни селъ, ни деревень, сказалъ капитанъ. Что хорошаго жить рядомъ, да мѣшать другъ другу? Глупость и предразсудокъ! А тунгусы—умные. Одинъ здѣсь, другой за полверсты, третій за версту. Хорошо, просторно! Когда

нужно, — сойдутся. Когда нужно, — разойдутся. Къ рѣкѣ близко, а за деревьями вѣтра нѣтъ. Умно устраиваются!

Я улыбался, слушая капитана, и не могъ рѣшить, шутитъ ли онъ, или дѣйствительно восхищается способомъ разселенія тунгусовъ.

Сталъ разспрашивать ѣхавшихъ на пароходѣ инородцевъ. Среди нихъ оказались понимающіе по русски. Нашелся и переводчикъ изъ якутовъ.

Якуты говорили, что на рѣкѣ жить нельзя: вода плоха. „Желѣзную воду“ и человѣку пить вредно, не только скотинѣ. Озерная вода лучше. Потому и селятся по озеркамъ, въ лѣсахъ. Тамъ и покосы лучше.

Другіе спорили, доказывали, что рѣчная вода лучше озерной. А на рѣкѣ жить нельзя, говорили они, изъ-за вѣтра и морозовъ. Подальше, въ лѣсу тише и теплѣе.

Ссылались и на ледоходъ, который можетъ снести урасу, поставленную на берегу. Указывали на обвалы подмытыхъ водою деревьевъ. Подъ всѣми доводами чувствовалась правда. Но доводовъ было слишкомъ много. Слишкомъ разнообразны были они...

И надъ всѣми объясненіями, покрывая ихъ всѣхъ, оставалось объясненіе старика-лоцмана:

— Таежные люди, природа у нихъ таежная, потому и живутъ средь деревьевъ.

Извиваясь межъ горъ, сверкая на солнцѣ, въ безконечную даль убѣгала рѣка. Загадочно синѣли вершины горъ. Въ игрѣ свѣта лѣсъ казался то привѣтливымъ, ласковымъ, то суровымъ и строгимъ.

И, слѣдя за скользящими навстрѣчу намъ лиственницами,

елями и ветлами, я думалъ о людяхъ, живущихъ по сосѣдству съ нами, за этой зеленой стѣной.

Тихо живутъ они, далеко-далеко отъ культурныхъ и заселенныхъ мѣстъ.

Нѣтъ у нихъ городовъ. Нѣтъ деревень. Только „жители“ среди лѣса.

Радостно смѣющіеся пароходу, и купцу, и пассажирамъ. Радующіеся привозу товаровъ. Жадно хватающіе бросаемыя имъ съ палубы корки хлѣба...

Купецъ.

Купецъ въ русской рубахѣ и высокихъ сапогахъ ѣхалъ въ одной каютѣ со мной.

Спутникъ былъ у меня не изъ спокойныхъ. То и дѣло заходили къ нему въ каюту пассажиры съ верхней палубы,—тунгусы и якуты. Бѣдно одѣтые, покрытые пылью и грязью, присаживались они къ столу. Говорили подолгу съ Антипинымъ на своемъ рѣзкомъ, трескучемъ языкѣ. Затѣмъ уходили. Спустя часъ въ каюту приходили другіе люди. И опять начинались непонятные для меня разговоры.

Говорили, повидимому, о дѣлахъ. Разговоръ никогда не переходилъ въ споръ. Не похоже было и на то, чтобъ инородцы просили о чемъ-либо купца или купецъ старался въ чемъ либо уговорить ихъ.

Ни въ голосѣ, ни въ манерахъ приходившихъ въ нашу каюту тунгусовъ не замѣтно было—приниженности, подхалимства. Держались они, какъ равные, неизмѣнно вѣжливо, съ выраженіемъ доброжелательства. Такъ же спокойно, ровно, вѣжливо говорилъ съ ними и купецъ. Часто послѣ разговора онъ подымался и выходилъ на палубу вмѣстѣ со своимъ гостемъ.

Одинъ изъ посѣтителей заинтересовалъ меня. Это былъ рослый, плечистый дѣтина съ очень смуглымъ скуластымъ лицомъ. Когда онъ улыбался, видны были его зубы, ров-

ные и крупные, какъ у лошади. Глаза смотрѣли дѣтски простодушно и вмѣстѣ съ тѣмъ лукаво. Руки его, огромныя, красныя, все время были въ движеніи, но жестикулировалъ онъ безъ суетливости, широко, плавно.

Поговоривъ съ нимъ, Антипинъ вышелъ, улыбаясь, за нимъ.

Вернувшись, купецъ записалъ что то у себя въ книжкѣ и, покачавъ головой, произнесъ:

— Вотъ, изволите видѣть, народецъ! Проигрался, а ты плати за него! Легко ли?

— Кто это былъ у васъ? полюбопытствовалъ я.

— Тунгусъ-то? Кирилломъ его звать. Охотникъ онъ. Промышленникъ.

— Купецъ?

— Нѣтъ, какой съ него купецъ? Звѣремъ промышляетъ, бѣлкуетъ, если по-здѣшнему сказать. А если проще выразиться, бьетъ бѣлку. Этимъ и живетъ. Бѣдовый парень!

— Чѣмъ бѣдовый?

— Первый охотникъ по здѣшнимъ мѣстамъ. Всякаго звѣря знаетъ. Всѣ тропы изучилъ. У него пушнина всегда бываетъ. Ни у кого кругомъ нѣтъ, а у Кирилла всегда!

— Вы говорили, онъ проигрался?

— Какъ же! Первое у него дѣло, когда выпьетъ,— это карты. И хорошо бы, если бъ игралъ со своими, съ тунгусами. Они не обманутъ, — народъ, какъ говорится, безъ фальши. А то садится съ якутами да съ русскими! Ну и обставляютъ его. А ты плати! Легко ли? Посудите сами!

Я согласился, что платить за карточный проигрышъ тунгуса купцу должно быть нелегко.

Не могъ я только понять, на какомъ основаніи является Кириллъ къ купцу за деньгами, лишь только у него окажется нехватка для уплаты карточнаго долга.

Спросилъ купца:

— Почему вы платите за него?

— Да какъ же иначе? улыбнулся купецъ. Первый охотникъ по здѣшнимъ мѣстамъ. А онъ все у меня забираетъ: масло, порохъ, свинецъ, чай.

— Значитъ, выгодный покупатель? Такъ, что-ли?

— Какой покупатель!? За нимъ моихъ посейчасъ не то—340, не то—350 рублей гуляетъ. Да теперь за него 70 рублей заплатилъ. Перевелъ, вѣрнѣе. Тотъ, что выигралъ, тоже мнѣ долженъ.

— Разъ вы ему довѣряете, значитъ, у него есть, чѣмъ платить!—замѣтилъ я, не вполнѣ ясно представляя себѣ характеръ разсчетовъ купца съ охотникомъ.

— Да чѣмъ Кириллъ заплатитъ? Скота онъ не держитъ, хозяйства не имѣетъ. Ничего у него нѣтъ, а ты его выручай! Четвертый годъ съ нимъ верчусь. А бросить не могу,—все черезъ свой характеръ.

И не сомнѣваясь, что во мнѣ онъ найдетъ человѣка сочувствующаго и понимающаго, купецъ продолжалъ:

— Больно ужъ простъ я для торговаго дѣла. Главное, черезъ это терплю. Я бы теперь большими тысячами ворочалъ, да довѣрился и все потерялъ. Начинай, значитъ, съ начала. Ужъ такой человѣкъ я простой.

Купца, повидимому, не на шутку тревожила мягкость собственнаго характера.

— Тунгусы сообразили, и всѣ кругомъ пользуются, продолжалъ онъ свои жалобы: Чуть что,—къ кому идти? Къ

Антипину! Знаютъ, что не откажетъ. Одежа ли порвалась, муки ли, масла ли надо, или для охоты, или долгъ платить нечѣмъ, или провіантъ, или припасы вышли, все ко мнѣ идутъ! честное слово!

Удивляясь безкорыстію купца, я спросилъ:

— Вы подъ проценты даете имъ или такъ?

Антипинъ привскочилъ на мѣстѣ:

— Да развѣ тунгусъ у нашего брата подъ проценты возьметъ? У своихъ берутъ, да еще какіе проценты! Рубль возьметъ, да и платитъ за процентъ по двугривенному въ мѣсяцъ. За годъ два раза капиталъ на капиталъ вернетъ. А у насъ такъ берутъ, безъ всякой выгоды. Изъ дружбы больше, изъ уваженія. А я такой человѣкъ, что и не напомню другому, чтобъ платилъ. Если есть у него, заплатитъ. А коли нѣтъ, такъ напоминать ему, — человѣка обидѣть. Не могу я этого! Кругомъ и пользуются. Зато, тунгусы меня любятъ. Хоть кого угодно спросите! Вотъ Кирилла возьмите: сколько у него пушнины не будетъ, всю мнѣ отдастъ. Никому не уступитъ ни шкурки. Все мнѣ! Набьетъ звѣря и ждетъ, и цѣны не спроситъ! Знаетъ, что Антипинъ его не обидитъ. Такой онъ, Кириллъ-то. Вотъ и ему я долженъ уважить. Продулся онъ, — неловко ему, что платить нечѣмъ, стыдно. Выручилъ я его — запомнитъ онъ это, будетъ чувствовать.

Я начиналъ понимать торговыя операціи моего спутника.

— Вы, значитъ, ссужаете тунгусовъ товарами подъ будущую пушнину?

— Какая тутъ ссуда? Онъ мнѣ расписки не даетъ, векселя не пишетъ. Захочетъ, мнѣ пушнину отдастъ, захочетъ другому, кто больше предложитъ.

— А если тунгусъ отдастъ пушнину другому, ваши деньги пропадутъ?

— И это бываетъ. Только рѣдко. Почти что и не бываетъ совсѣмъ. Честные они, тунгусы. Одолженіе помнятъ. И къ хорошему человѣку завсегда со вниманіемъ. А я ихъ не обижаю. Такой я прямой человѣкъ! И плачу, опять, за пушнину настоящую цѣну.

— Деньгами?

— На что тунгусу деньги? Торговля у насъ на товаръ ведется.

— А цѣны вы какія ставите?

— Да ужъ не обижу...

Послѣ этого разговора операціи Антипина пріобрѣли для меня интересъ, и я сталъ приглядываться къ нимъ съ большимъ вниманіемъ.

Разспрашивалъ я ѣхавшихъ на пароходѣ тунгусовъ объ Антипинѣ. Его, въ общемъ, хвалили. Особенно, былъ имъ доволенъ Кириллъ.

Разъ какъ-то мнѣ удалось разговориться съ этимъ охотникомъ.

Пароходъ въ это время стоялъ у берега. На палубу собралось человѣкъ десять тунгусовъ. Шумной толпой тѣснились они вокругъ Антипина, который одѣлялъ ихъ охотничьими припасами; когда я подошелъ, раздача пороха и патроновъ ужъ кончилась. На толстыхъ лиственничныхъ дровахъ лежали 5-пудовыя болванки свинца для картечи. Двое тунгусовъ топорами рубили ихъ. Кругомъ тѣснились охотники. Среди нихъ я замѣтилъ Кирилла. Широко улыбаясь, смотрѣлъ онъ на свинецъ. Подмигнулъ мнѣ и сказалъ:

— Хорошо!

— Что хорошо? не понялъ я сразу.

— Свинецъ хорошо. Звѣря убивать. Бѣлку.

— Много убьете за годъ?

— Не знаю. Кончу годъ, тогда знаю.

— Въ этомъ году много убили?

— Мало-помало много. Тысяча.

— Кому сдавали?

Вмѣсто отвѣта, тунгусъ ухмыльнулся:

— Сами, дескать, знаете!

Я переспросилъ:

— Антипину сдавали?

— Антипину!

— По какой цѣнѣ?

— Не знаю. Купецъ знаетъ.

— Да развѣ такъ можно? Вѣдь это невыгодно вамъ!

— Нѣтъ! Хорошо!

И видя, что я сомнѣваюсь, Кириллъ началъ высчитывать выгоды своего положенія.

— Масло есть, на охоту идти мука есть. Хорошо! Порохъ есть, свинецъ есть, пуля есть! Хорошо! Водка есть, другъ есть. Что нужно, сказалъ, — все сдѣлалъ. Годъ ходилъ, бѣлку убивалъ, шкуры отдалъ, снова ходить можно. Хорошо!

Алданскіе охотники живутъ въ сѣтяхъ жестокой кабалы у купцовъ — скупщиковъ пушнины. Фактически они давно утратили всякую тѣнь самостоятельности, давно превратились въ батраковъ, работающихъ круглый годъ на своихъ „благодѣтелей“.

Купецъ снаряжаетъ тунгуса на охоту, снабжаетъ его всѣмъ необходимымъ. А тотъ круглый годъ промышляетъ на него.

Особенность этой кабалы,—ея внѣправовой характеръ. Тутъ эксплуатируется честность инородцевъ.

Только въ разсчетѣ на честность тунгуса могутъ купцы-благодѣтели отпускать своимъ кліентамъ товары, оказывать имъ всякія услуги и одолженія: они знаютъ, что все вернется имъ сторицей.

Какъ-то Антипинъ сказалъ мнѣ про тунгусовъ:

— Счастливый народъ. Самъ голъ, нѣтъ ничего, а кредитъ у него не-о-гра-ни-ченный!

И въ голосѣ купца звучала нотка зависти. Мечталъ онъ о томъ, какъ развернулъ бы дѣло, будь у него такой кредитъ, какъ у тунгусовъ...

При мнѣ Антипинъ просилъ капитана остановить пароходъ у песчанаго мыса. Когда пароходъ остановился, купецъ побѣжалъ на баржу, и оттуда вынесли на берегъ куль муки, боченокъ, пачку свѣчей и еще какой-то ящикъ. Сложили все на пескѣ, на совершенно безлюдномъ мѣстѣ и поѣхали дальше.

Купецъ объяснилъ мнѣ:

— Тутъ якутъ Савва живетъ. Бѣлкуетъ и мнѣ сдаетъ. Такъ вотъ ему...

— А если кто другой возьметъ?

— Кому же взять? Тутъ одни тунгусы живутъ да Савва, русскихъ нѣтъ!

— Тунгусъ какой-нибудь и возьметъ!..

— Никогда! Вы этого народа не знаете.

Я и теперь не знаю этого народа, хоть и знаю, что тунгусы правдивы, прямодушны, смѣлы въ опасности, честны въ исполненіи своихъ обязательствъ...

Но достаточно познакомиться съ тѣмъ, какъ обрабаты-

ваетъ тунгусовъ несущій имъ блага культуры капиталъ, и грустно становится за нихъ и какъ-то обидно за культуру.

— Хорошій, честный народъ!—восхищаются купцы, закабалившіе дѣтей тайги, спаивающіе и обирающіе ихъ.

А охотникъ, добродушно улыбаясь во все лицо, повторяетъ:

— Хорошій купецъ! Не обидитъ!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ тайгѣ 7
На Ленѣ 117
За золотомъ 127
На мерзлой землѣ 138
Жители 163
Купецъ 171